

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ISSN 2949-1819 (Online)

№ 2(7) – 2024

7

Усиление
сотрудничества
государства и
гражданского общества
как одна из форм
предупреждения и
снижения конфликтов

71

Антрополого-правовое
измерение свободы
в контексте проблемы
толкования права

105

Обзор Второй
ежегодной осенней
научной сессии «HOMO
JURIDICUS:
истоки, эволюция,
новое измерение»
(Часть II)

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
Praesens rege Praesens rege Corrigere praetertum
12+ Praesens rege Praesens rege Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

№ 2(7) – 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

**Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»**

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.
Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.
Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 19.11.2024

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Воронежский государственный университет, 2024

**Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"**

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.
The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.
The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.
The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.
The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Issue publication date: 19.11.2024

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Высшая школа экономики (Россия, г. Москва); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Zavyalova I. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive secretary – **Shelestov D. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Higher School of Economics (Russia, Moscow)*; **Arhipov V. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)*; **Baev M. O.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Baulin O. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Birukov P. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Vasiliev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)*; **Vlasenko N. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)*; **Gambaryan A. S.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan)*; **Demichev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Dorskaya A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg)*; **Zrazhevskaya T. D.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Lomakina I. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Malko A. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov)*; **Mikhailov A. M.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow)*; **Nosyreva E. I.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Pavlov V. I.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)*; **Panko K. K.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Sazonnikova E. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Razzokov B. H.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe)*; **Romanovskaya V. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Sorokina Yu. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Starilov Yu. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Chestnov I. L.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Shemeneva O. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Малько А. В.</i> Усиление сотрудничества государства и гражданского общества как одна из форм предупреждения и снижения конфликтов.....	7
<i>Скобелев В. П.</i> Точная идентификация сути юридического конфликта как фактор, детерминирующий правильное определение предмета правового регулирования нормативного правового акта.....	20
<i>Глухова А. В., Пельтихина Е. А.</i> Институционализированное посредничество и медиация как механизм профилактики конфликтной деструкции.....	32
<i>Гурьев В. В., Затонский В. А.</i> Конфликт, сотрудничество и проблема оптимизации государственно-правовой жизни общества посредством правотворческой политики....	48
<i>Горбунов М. Д.</i> Правовая маргинализация как конфликтогенный фактор.....	61

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Ломакина И. Б.</i> Антрополого-правовое измерение свободы в контексте проблемы толкования права.....	71
<i>Борисов А. М.</i> Юридическая антропология: отправные теоретические начала.....	81
<i>Сазонникова Е. В.</i> Правовые акты и филателия.....	89

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Онуфриева А. А., Янчик К. Р., Ломако А. Ю.</i> Роль адвоката организации, представляющего интересы в решении юридических конфликтов.....	98
---	----

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Завьялова И. С.</i> Обзор Второй ежегодной осенней научной сессии «НОМО JURIDICUS: истоки, эволюция, новое измерение» (2 ноября – 5 декабря 2023 г.) (Часть II).....	105
<i>Малиновская Н. В.</i> Фундаментальное исследование системы современного китайского государственного управления (Рецензия на коллективную монографию: Современное китайское государство. Т. 1: Современные институты государственной власти и управления / редколл.: А. В. Виноградов (гл. ред.) [и др.]. – М. : РАН, 2022. – 903 с.).....	117

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Работы победителей студенческого конкурса
«Памятники права: история как достояние современности»

<i>Карташов Н. Д.</i> Магдебургское право: истоки, система и рецепция.....	124
<i>Рыльков М. М.</i> Модель «идеальной кодификации» в Кодексе Наполеона.....	136
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	143

CONTENTS

CONFLICTOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Malko A. V.</i> Strengthening cooperation between the state and civil society as one of the forms of prevention and reduction conflicts	7
<i>Skobelev V. P.</i> Accurate identification of the essence of a legal conflict as a factor determining the correct definition of the subject of legal regulation of a normative legal act.....	20
<i>Glukhova A. V., Peltikhina E. A.</i> Institutionalized intermediation and mediation as a mechanism for preventing conflict destruction.....	32
<i>Gurjev V. V., Zatonksy V. A.</i> Conflict, cooperation and the problem of optimizing the state-legal life of society through law-making policy.....	48
<i>Gorbunov M. D.</i> Legal marginalization as a conflict-generating factor.....	61

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Lomakina I. B.</i> The anthropological and legal dimension of freedom in the context of the problem of legal interpretation.....	71
<i>Borisov A. M.</i> Legal anthropology: starting theoretical principles	81
<i>Sazonnikova E. V.</i> Legal acts and philately	89

YOUNG SCIENTISTS' PAGE

<i>Onufrieva A. A., Yanchik K. R., Lomako A. Yu.</i> The role of the organization's lawyer representing interests in relation to legal conflicts.....	98
---	----

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Zavyalova I. S.</i> Review of the Second Annual Autumn Scientific Session "HOMO JURIDICUS: the origins, evolution, new dimension" (November 2 – December 5, 2023) (Part II).....	105
<i>Malinovskaya N. V.</i> Fundamental study of the system of modern Chinese public administration (Review of the collective monograph: Modern Chinese state. Vol. 1: Modern institutions of state power and administration / editorial board: A. V. Vinogradov (editor-in-chief) and others. – M. : RAS, 2022. – 903 p.).....	117

SUPPLEMENT TO THE JOURNAL

The works of the winners of the Students' Competition
"The Monuments of Law: History as a Heritage of Modernity"

<i>Kartashov N. D.</i> Magdeburg law: origins, system and reception.....	124
<i>Rylkov M. M.</i> The model of ideal codification in the Napoleonic Code.....	136
INFORMATION FOR AUTHORS	143

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

УДК 340.1

УСИЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТОВ¹

А. В. Малько

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются категории «конфликт» и «сотрудничество» как противоположные и одновременно взаимосвязанные. Подчеркивается роль компромисса как сопутствующего элемента конфликта. Автор анализирует понятие «правовое сотворчество» как формирующееся и играющее важную роль для взаимодействия государственных и общественных структур.

Ключевые слова: конфликт, сотрудничество, государство, гражданское общество, традиционные духовно-нравственные ценности.

STRENGTHENING COOPERATION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY AS ONE OF THE FORMS OF PREVENTING AND REDUCTION CONFLICTS

A. V. Malko

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Abstract: the article examines the categories of "conflict" and "cooperation" as opposite and interrelated at the same time. The role of compromise as an accompanying element of conflict is emphasized. The author analyzes the concept of "legal co-creation" as emerging and playing an important role in the interaction of state and public structures.

Key words: conflict, cooperation, state, civil society, traditional spiritual and moral values.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>

© Малько А. В., 2024

Прежде чем говорить о возросшем взаимодействии государства и гражданского общества в современных российских условиях, важно подчеркнуть тот аспект, что сотрудничество и конфликты выступают парными категориями. «Солидарным будет всякое взаимодействие, – подчеркивал еще П. А. Сорокин, – где стремления обеих сторон совпадают, где одна сторона не только не мешает, но, напротив, помогает достижению стремлений другой стороны... Противоположностью солидарному взаимодействию будет взаимодействие антагонистическое. Под ним разумеется такое взаимодействие, где одна сторона мешает или препятствует осуществлению стремлений другой стороны»². Действительно, всякая социальная жизнь (в том числе и государственно-правовая) «соткана» из взаимодействий, которые могут проявляться в формах сотрудничества (партнерства, солидарности и т.д.) и конфликта (соперничества, противоборства и т.п.).

Сотрудничество и конфликты выступают парными категориями, ибо: 1) это две формы взаимодействия в рамках государственно-правовой жизни общества; 2) это прямо противоположные (взаимоисключающие) формы взаимодействия; 3) это внутренне диалектически связанные (т.е. обладающие неким единством и общей основой) формы взаимодействия; 4) это взаимопроникающие и при определенных условиях переходящие друг в друга формы взаимодействия; 5) их специфическое сочетание влияет на развитие государственно-правовой жизни общества.

Конкретизируем названные нами тезисы.

Во-первых, это две формы взаимодействия в рамках государственно-правовой жизни общества. Сотрудничество – это форма взаимодействия, связанная с совместной деятельностью субъектов по удовлетворению их интересов. Когда мы говорим о сотрудничестве, то имеем в виду партнерство, кооперацию, солидарность и другие объединительные действия, направленные на удовлетворение общих интересов субъектов права. Например, когда разные фракции в Государственной Думе РФ голосуют единогласно по важнейшим для страны вопросам, несмотря на то, что выражают различные политические силы. Конфликт же есть форма взаимодействия, связанная со столкновением интересов субъектов права в процессе их удовлетворения. Когда мы говорим о конфликтах, то имеем в виду соперничество, разногласия, споры и иные противоборствующие действия, направленные на столкновение противоположных интересов субъектов права. Так, конфликтом в юридической сфере можно считать совершенное преступление, которое «вводит в режим столкновения» личные, общественные и государственные интере-

² Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 23–24.

сы. Свои интересы преступник тем самым ставит выше, нарушая сложившийся правопорядок.

Во-вторых, это прямо противоположные (взаимоисключающие) формы взаимодействия. Анализируя сотрудничество, мы говорим «о действиях, способствующих организации совместной деятельности. Здесь возникает солидарность, интеграция интересов субъектов ради достижения общей цели (например, объединение усилий и капиталов для развития коммерческого предприятия)»³. Когда же рассматриваем конфликты, то речь идет «о действиях, “расшатывающих” совместную деятельность. Здесь происходит образование социально-интерактивной системы, состоящей из субъектов с полярными, антагонистическими интересами (конфликт может быть вызван, например, одновременным стремлением к исключительному обладанию каким-либо материальным объектом)»⁴. Вот почему сотрудничество выступает как положительная сторона взаимодействия (ибо интересы всех его участников удовлетворяются и само сотрудничество «работает» на правопорядок), а конфликты – как отрицательная (ибо интересы удовлетворяются лишь одной стороной взаимодействия и тем самым конфликт во многом «умножает» хаос, вносит разлад в социальные связи).

В-третьих, это внутренне диалектически связанные (т.е. обладающие неким единством и общей основой) формы взаимодействия. Что касается диалектической связи, то сотрудничество и конфликты не только противоположны друг другу, но и во многом внутренне едины, так как являются двумя сторонами взаимодействий. Единство заключается в том, что сотрудничество и конфликт – формы (типы) взаимодействия, в рамках которых удовлетворяются те или иные интересы субъектов права. Кроме того, сотрудничество и конфликт – составные части правовой жизни. Они имеют общую основу – сложную и противоречивую юридическую реальность, которая и обуславливает их определенное единство.

В-четвертых, это взаимопроникающие и при определенных условиях переходящие друг в друга формы взаимодействия. Диалектика их взаимопроникновения следующая. Сотрудничество и конфликты, выступая оппозиционными по отношению друг к другу, в то же время являются противоположными каждый самому себе.

В отличие от сотрудничества, которое в доминанте своей (по преимуществу) имеет позитивное значение, правда, с соответствующими сопутствующими негативными моментами, конфликт в доминанте своей (по преимуществу) имеет негативное значение, разумеется, с соответствующими сопутствующими позитивными моментами. В частности, всякое

³ Трофимов В. В. Солидарный и конфликтный типы коммуникации и право: закономерные связи // Правоведение. 2015. № 3. С. 13.

⁴ Там же.

сотрудничество, будучи положительным типом взаимодействия, содержит, наряду с основным позитивом, связанным с партнерством, солидарностью, совместной деятельностью по удовлетворению общих интересов, еще и такой дополнительный элемент, как, например, конструктивное соперничество, включающее в себя некие конфликтные моменты, в рамках которого те или иные участники сотрудничества могут пожертвовать удовлетворением своих интересов, признавая приоритет за общими интересами партнеров. Конструктивность соперничества выражается в этой жертвенности (уступке) и в том, что субъекты, препятствуя удовлетворению своих интересов (своего рода внутренний конфликт), хотя и остаются в рамках сотрудничества.

Дополнительный (сопутствующий) элемент сотрудничества связан с тем, что в любой партнерской ситуации остается «место» для некоего конструктивного состязания между субъектами данной формы взаимодействия. Полностью ни одно сотрудничество не может устранить позитивно-конкурентные начала, некое соревнование, ибо далеко не всегда интересы участников сотрудничества абсолютно все учитываются и удовлетворяются. Более того, не всегда есть возможность это сделать.

Всякий же конфликт как отрицательный тип взаимодействия содержит, наряду с основным негативом, связанным с противоборством интересов субъектов права, соперничеством, сопряженным подчас с агрессией, с насилием в отношении контрсубъектов, еще и такой дополнительный элемент, как возможный компромисс. В рамках конфликта интересы его участников находятся в режиме противоборства (сущностная характеристика), хотя это и не исключает сопровождающих его позитивных свойств (но именно как дополнительных), заключающихся в том, что всякий конфликт предполагает ту или иную долю сотрудничества. Дополнительные (сопутствующие) элементы конфликта связаны с тем, что в любой противоборствующей ситуации остается «место» и для определенных совместных действий, для сотрудничества. Полностью ни один конфликт не может устранить основы для подобных деяний. В рамках конфликта конкретный участник подобной формы взаимодействия может препятствовать (мешать) удовлетворению одних интересов контрсубъекта и одновременно содействовать удовлетворению других интересов (т.е. опять же уступает в чем-то).

Кроме того, подчас конфликты могут способствовать укреплению социальных связей, ибо ценность конкуренции состоит еще и в том, что она предотвращает «окаменение» государственно-правовой жизни общества, открывает дорогу инновациям (как индикатор слабых сторон жизни) и тем самым может выступать позитивным фактором ее усовершенствования.

Следовательно, парность выражается и в том, что они «функционально» взаимосвязаны: если основное «предназначение» сотрудничества заключается в совместной деятельности по удовлетворению общих интересов при одновременном возможном конструктивном соперничестве между его участниками, то основное «предназначение» конфликтов – в столкновении противоположных интересов участников при одновременном компромиссе, который может привести к сотрудничеству позитивному.

Говоря о взаимопроникновении, важно уточнить, что сотрудничество и конфликты – это прямо противоположные (крайние) составляющие взаимодействия. Между ними существуют так называемые «серые зоны», в рамках которых и происходят взаимопереходы из одного состояния в другое, и наоборот. В данных «серых зонах» присутствуют состояния, выражающие собой некие этапы (стадии) трансформации от сотрудничества к его «долям», а затем и к конфликтам в целом. Ситуация, естественно, может быть и обратной. Например, в процессе такого взаимодействия, как сотрудничество, могут возникнуть и развиваться сверх определенной меры элементы соперничества, которые уже перерастают в конфликтные отношения. Или, напротив, в рамках такого взаимодействия, как конфликт, могут возникнуть и развиваться сверх определенной меры элементы совместных солидарных действий, которые уже перерастают в отношения сотрудничества.

В-пятых, их специфическое сочетание влияет на развитие государственно-правовой жизни общества. В одних случаях доминантой может выступать сотрудничество, в других, напротив, конфликты. Именно их парность подтверждает тот факт, что они взаимосвязаны как противоположности и сочетаются при определенных условиях. Если доминирует сотрудничество, то это ведет к позитивным изменениям и повышению уровня государственно-правовой жизни общества, если же доминируют конфликты, то в основном – к ее разрушению и снижению уровня развития. Право может в связи с этим восприниматься как средство максимизации сотрудничества и минимизации конфликтов. Правовая политика государства, содействуя формированию права, должна исходить именно из этого⁵.

Рассмотренные аспекты диалектики сотрудничества и конфликта самым прямым образом относятся и к проблеме сотрудничества и конфликтов государства и гражданского общества. Более того, выступают для них методологическими, по сути, требующими учитывать, что «чем больше в системе сотрудничества, тем меньше конфликтов, и наоборот»⁶.

В 1990-е годы в России в период «демократических реформ», проводимых под кураторством США (которые решали задачу развала нашей страны

⁵ См.: Малько А. В. Использование диалектической логики в исследовании сотрудничества и конфликтов в правовой жизни современного общества // Государственно-правовые исследования : научно-образовательный ежегодник. Тамбов, 2022. Вып. 5. С. 25–28.

⁶ Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013. С. 200.

как главного препятствующего фактора на пути к мировому господству), делалась ставка во многом на институты гражданского общества как некие не зависящие от государства структуры, призванные якобы бороться с ним ради прав личности. Верно подмечено, что отдельные «сторонники концепции гражданского общества нередко рассматривают в качестве одного из важнейших условий усиления его роли в общественно-политическом развитии соответствующее ослабление государства и уменьшение влияния институтов государственной власти. Для многих представителей либерально-демократических сил в современной России борьба за гражданское общество отождествляется с борьбой против государства»⁷.

Постоянно подчеркивалось, что сильное государство – это угроза для народа и для наиболее полной реализации прав и свобод человека и гражданина. «В течение целого десятилетия внушалось, что государство – это зло и чем меньше государства, тем больше свободы личности. Однако зло из государства сделали прежде всего те, кто превратил его из формы осуществления народовластия в инструмент ограбления народа, в инструмент “легализации” процесса приватизации государственной собственности на основе указов Президента РФ, а не на основе законов. Если исходить из того, что государство есть зло, то как быть с той конституционной аксиомой, что государство является гарантом прав и свобод личности? Как может слабое государство что-либо гарантировать, кроме вседозволенности? ... Только сильное государство способно защитить и гарантировать интересы личности. Все иное – ложь и демагогия безответственных политиков, для которых интересы личности действительно выше интересов народа, а интересы граждан, точнее, отдельных граждан выше интересов собственного государства»⁸.

Идеями о независимом гражданском обществе и правах человека западные политтехнологи, опираясь на «наших либералов», пользовались как своеобразным оружием против российской власти. Для снижения роли государственности и ее суверенитета применяли и другие «учения», в которых либо сводили значение государства до «ночного сторожа», либо в условиях прозападной глобализации предлагали сократить его функции до минимума.

Разумеется, власть на правовой основе и в пределах разумности необходимо ограничивать в целях недопущения злоупотребления ею. Это нор-

⁷ *Имнадзе В. А.* О некоторых аспектах противостояния и взаимодействия гражданского общества с институтами государства // Правовые основы формирования гражданского общества в современной России : сборник науч. трудов / под ред. А. В. Малько и К. А. Струсь. Пятигорск, 2010. С. 105.

⁸ *Боброва Н. А.* О патернализме, сильном государстве, «западных ценностях» и других особенностях реализации прав личности // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. трудов / отв. ред. А. Г. Безверхов. Самара, 2014. Вып. 3. С. 81.

мально для правового государства. Между тем ограничения ограничению рознь. В России же 90-х годов олигархи и обслуживающие их «либералы» пытались так «связать» власть, чтобы она действовала в их интересах и была слабой, безвольной, послушной. При таких обстоятельствах деструктивная часть гражданского общества всё больше входила в состояние эскалации конфликтов с государством и общественно-патриотическими силами.

Данные уловки, конечно же, действовали не на всех. Поэтому происходили неконструктивные взаимодействия не только между ослабевшим государством и «либерально продвинутыми» (но явно не патриотичными) субъектами гражданского общества, но и внутри самого социума. Причем степень конфликтности могла быть «выражена по-разному в различных сегментах гражданского общества: от максимально близкой к противостоянию и противоборству у представителей правозащитных или экологических объединений до взвешенного компромисса у социально-ориентированных организаций и полного сотрудничества у политически-заинтересованных объединений»⁹.

Однако с тех пор, как Президентом РФ стал В. В. Путин, политика изменилась. Постепенно стало усиливаться сотрудничество между властью и институтами гражданского общества, стали укрепляться партнерские отношения внутри самого социума, что позволило предупредить и минимизировать ряд политико-правовых конфликтов. Весьма существенную роль в этом сыграла и конституционная реформа. Как известно, 1 июля 2020 года в Конституцию РФ внесли поправки, которые установили важнейшие приоритеты современной российской государственности. Среди них и статья 75-1, которая гласит, что в РФ создаются условия в том числе «для взаимного доверия государства и общества», обеспечиваются «социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность», и статья 114 (пункт «е.1»), где появилось упоминание о задачах Правительства РФ по поддержке институтов гражданского общества, в частности о том, что оно «обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики».

Эти и другие поправки – по сути плод **правового сотворчества государственных и общественных структур**, ведь они были одобрены весьма масштабным общенародным голосованием.

Правовое сотворчество есть определенная разновидность социально-правового сотрудничества между органами публичной власти и институтами гражданского общества, в рамках которого они совместно участвуют в правотворческом процессе для достижения его целей. «Под правовым сотворчеством следует понимать процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных инсти-

⁹ *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 103.

тутов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)»¹⁰.

Правовое сотворчество – формирующееся понятие, которое позволяет включать в себя и обобщать ряд иных понятий, отражающих определенные формы и механизмы вовлечения населения в современное правотворчество. Особое место здесь занимает делиберативный конституционализм, ибо все больше усиливается международный тренд на вовлечение граждан в процесс конституционных изменений на различных стадиях. Данный вектор признается наиболее значимым в современных сравнительных конституционных исследованиях. В частности, это развитие инклюзивной парадигмы в конституционном праве с опорой на опыт Ирландии и Исландии¹¹. Развивается инклюзивная и цифровая парадигма вовлечения граждан в процесс конституционных обсуждений и изменений (учитываются и современные цифровые технологии, например технология конституционного краудсорсинга)¹². В иностранной литературе также заявляют о необходимости существенного пересмотра форм и методов участия народа в конституционных изменениях¹³.

В последнее время в результате СВО гражданское общество в России заметно расслоилось на сегменты, зачастую «прямо противоположные». Одни из них – патриотические организации (парламентские политические партии, общественные палаты РФ и регионов и многие другие), усиливая сотрудничество с органами государства, объединились с ними в период противодействия с западными странами, выступили против тех структур, которые всё больше входили в состояние конфликта с

¹⁰ Трофимов В. В., Свиридов В. В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 109.

¹¹ См.: Васильева Т. А. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 46; Васильева Т. А. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии // Вестник СПбУ МВД России. 2019. № 3. С. 55–62.

¹² См.: Кравец И. А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 93–123; *Его же*: Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте) // Государство и право. 2023. № 12. С. 50.

¹³ См.: Contiades X., Fotiadoc A. Introduction: Participatory Constitutional Change // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadoc. Abingdon ; New York, 2017. Pp. 1–6.

публичной властью. Других же, кто выступил носителем разнообразных конфликтов, кто своими действиями противоречил интересам не только власти, но и общества в целом, соответствующие госструктуры стали «отменять». Речь идет, в частности, о так называемом «правозащитном» «Мемориале», об «экологической» организации «Гринпис», о ЛГБТ-движении и т.д. и т.п., которые на самом деле при западной финансовой и организационно-технической поддержке выполняли враждебные функции в отношении нашей страны. В качестве примера можно взять деятельность такой, казалось бы, невинной, на первый взгляд, организации, как «Гринпис», активисты которой сначала под видом борьбы за экологию в России регулярно формировали негативное общественное мнение и мешали осуществлению выгодных стране инфраструктурных энергетических проектов, а затем их сомнительные акции стали сопровождаться активным продвижением политической позиции, попытками вмешательства во внутренние дела государства. С начала СВО «гринписовцы» занимались антироссийской пропагандой, призывали к дальнейшей экономической изоляции России и ужесточению санкций. Их усилия были направлены на дестабилизацию общественно-политической обстановки и смену власти в стране неконституционным путем. Фонд финансировал «наших» иностранных агентов, а также на полном серьезе предлагал «помощь» со своей стороны в деле изменения законодательства в ущерб российским интересам. Такого «правового сотворчества» нам явно не нужно, вот почему деятельность этой организации, представляющей угрозу основам конституционного строя и безопасности России, была признана Генеральной прокуратурой нежелательной на территории РФ¹⁴.

Если же говорить об ЛГБТ-сообществе и соответствующей идеологии, то вся наша государственность встает на сторону юридических норм, выражающих именно традиционные ценности, которые олицетворяют «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹⁵.

Это же готово делать и уже делает и большинство граждан. Так, социологами подчеркивается, что «основные дискуссии об отношении к публичной, манифестированной гомосексуальности разворачивались у нас

¹⁴ См.: *Егоров И.* Опасные экологи. Прокуратура признала «Гринпис» нежелательной организацией // Российская газета. 2023. 22 мая.

¹⁵ Статья 5 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

лет 5–6 назад, в связи с подготовкой соответствующих законопроектов. Тогда исследования показывали, что значительное большинство россиян поддерживало официальную позицию: однополые отношения – дело частное, приватное, но вот публично демонстрировать их, а тем более приравнивать к брачным, не нужно. Сейчас тематика “другой” нестандартной любви и отношений не в повестке, у нашего общества другие заботы. Но есть... общественные группы, которых сложившийся статус-кво не устраивает, они бы хотели его изменить. Пример для них – США, Франция и другие западные страны. Они хотели бы снять все ограничения на гомосексуальные отношения, легализовать однополые браки, разрешить усыновление детей гомосексуальными парами и т.д.»¹⁶. Однако в современном российском обществе все больше растет осознание необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и **возрастает вовлеченность граждан в этот процесс**, ведь борьба за собственные ценности не только формирует национальный характер, но и определяет траекторию развития страны в целом.

Действительно, один из основных конфликтов, существующих между западными и иными странами, воплощается в соперничестве носителей соответственно неолиберальных и традиционных ценностей. Для обеспечения последних в современной России выстраивается специальная государственная политика, что и отражено в утвержденных 9 ноября 2022 года Указом Президента РФ «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Так, в статье 9 данного Указа установлено, что «государственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей... представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти **при участии институтов гражданского общества** для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей».

Кроме него в 2022 году был принят закон о защите традиционных ценностей. Новыми нормами был введен запрет на пропаганду ЛГБТ и трансгендерности; пропаганду педофилии; демонстрацию ЛГБТ среди несовершеннолетних, а также информацию, побуждающую детей к смене пола. У нас законодательно закреплены понятия «отец» и «мать», а не «родитель № 1» и «родитель № 2». Более того, Верховный суд РФ в конце ноября 2023 года на своем заседании признал движение ЛГБТ экстремистским и запретил его деятельность на территории нашей страны, что явля-

¹⁶ Емельяненко В., Новоселова Е., Яковлева Е. Лайки для собачьего сердца. Почему скандальные трансгендерные темы навязываются возмущенному обществу // Российская газета. 2021. 8 июля.

ется логичным продолжением государственной политики по защите россиян от вредоносного негативного контента. В частности, в деятельности данного движения, функционирующего до недавнего времени на территории России, выявлены различные признаки и проявления экстремистской направленности, в том числе возбуждение социальной и религиозной розни. Как подчеркивается в прессе, «сегодня так называемое ЛГБТ – это агрессивно продвигаемая идеология. Она уже давно не имеет ничего общего с защитой прав человека. Экстремистским признано именно движение: целая сеть организаций, скованных общей “радугой”. Теперь сотрудничество с таким движением, в том числе распространение символики и литературы, может грозить и уголовным делом. За экстремизм»¹⁷.

Таким образом, патриотические силы российского гражданского общества, усиливая сотрудничество с органами публичной власти в сфере противодействия деструктивным социальным структурам, предупреждают тем самым огромное количество политико-правовых конфликтов, которые могли возникнуть и привести к печальным последствиям. Здесь показателен негативный пример Украины, где по сути дела эскалация конфликтных отношений между бандеровским государством и определенной здоровой частью общества (немалой частью населения, оппозиционными политическими партиями, СМИ и т.д.) разрушила сначала некие ростки гражданского общества, а затем неминуемо и само террористическое государство. Крах «самостийной» Украины начался с малого – с возникших противоречий внутри общества и властью, которые были доведены до антагонистических и создали условия для майдана – кровавого государственного переворота.

Библиографический список

Боброва Н. А. О патернализме, сильном государстве, «западных ценностях» и других особенностях реализации прав личности / Н. А. Боброва // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. трудов / отв. ред. А. Г. Безверхов. – Самара : Самарский гос. ун-т, 2014. – С. 79–84.

Васильева Т. А. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии / Т. А. Васильева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 6. – С. 46–71.

Васильева Т. А. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии / Т. А. Васильева // Вестник СПбУ МВД России. – 2019. – № 3. – С. 55–62.

Имнадзе В. А. О некоторых аспектах противостояния и взаимодействия гражданского общества с институтами государства / В. А. Имнадзе // Правовые основы формирования гражданского общества в современной России : сб. науч. трудов / под ред. А. В. Малько и К. А. Струсь. – Пятигорск : Пятигорск. гос. лингвистич. ун-т, 2010. – С. 105–108.

¹⁷ Куликов В. Изменили окрас. Верховный суд признал движение ЛГБТ экстремистским // Российская газета. 2023. 1 декабря.

Кравец И. А. Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте) / И. А. Кравец // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 48–58.

Кравец И. А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе / И. А. Кравец // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 2. – С. 93–123.

Малько А. В. Использование диалектической логики в исследовании сотрудничества и конфликтов в правовой жизни современного общества / А. В. Малько // Государственно-правовые исследования : научно-образовательный ежегодник. – Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2022. – С. 24–29.

Никовская Л. И. От конфликта к межсекторному партнерству / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 1 – С. 96–112.

Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – М. : Наука, 1994. – 560 с.

Трофимов В. В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе / В. В. Трофимов, В. В. Свиридов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 4. – С. 106–114.

Трофимов В. В. Солидарный и конфликтный типы коммуникации и право: закономерные связи / В. В. Трофимов // Правоведение. – 2015. – № 3. – С. 6–21.

Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права / С. Ю. Филиппова. – М. : Статут, 2013. – 350 с.

Contiades X. Introduction: Participatory Constitutional Change / X. Contiades, A. Fotiadoc // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadoc. – Abingdon ; New York, 2017. – Pp. 1–6.

References

Bobrova N. A. On paternalism, a strong state, "Western values" and other features of the implementation of individual rights / N. A. Bobrova // State and law: issues of methodology, theory and practice of functioning : collection of scientific works / ed. by A. G. Bezverkhov. – Samara : Samara State University, 2014. – Pp. 79–84.

Filippova S. Yu. Instrumental approach in the science of private law / S. Yu. Filippova. – M. : Statute, 2013. – 350 pp.

Imnadze V. A. On some aspects of confrontation and interaction between civil society and state institutions / V. A. Imnadze // Legal foundations for the formation of civil society in modern Russia : collection of scientific works / ed. A. V. Malko and K. A. Strus. – Pyatigorsk : Pyatigorsk State Linguistic University, 2010. – Pp. 105–108.

Kravets I. A. Deliberative popular constitutionalism and constitutional changes: forms, procedures and technologies in comparative constitutional theory and practice (on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation in a comparative aspect) / I. A. Kravets // State and Law. – 2023. – No. 12. – Pp. 48–58.

Kravets I. A. Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society / I. A. Kravets // Comparative constitutional review. – 2023. – No. 2. – Pp. 93–123.

Malko A. V. Using dialectical logic in the study of cooperation and conflicts in the legal life of modern society / A. V. Malko // State and legal studies : scientific and educational yearbook. – Tambov : Tambov State University, 2022. – Pp. 24–29.

Nikovskaya L. I. From conflict to intersectoral partnership / L. I. Nikovskaya, V. N. Yakimets // Journal of sociology and social anthropology. – 2003. – No. 1. – Pp. 96–112.

Sorokin P. A. Publicly available textbook of sociology. Articles from different years / P. A. Sorokin. – Moscow : Nauka, 1994. – 560 p.

Trofimov V. V. Legal co-creation: definition of the concept and role in the Russian law-making process / V. V. Trofimov, V. V. Sviridov // Legal policy and legal life. – 2018. – No. 4. – Pp. 106–114.

Trofimov V. V. Solidarity and conflict types of communication and law: natural connections / V. V. Trofimov // Jurisprudence. – 2015. – No. 3. – Pp. 6–21.

Vasilyeva T. A. Constitutional Assembly in Ireland: deliberative democracy in action / T. A. Vasilyeva // Comparative constitutional review. – 2022. – No. 6. – Pp. 46–71.

Vasilyeva T. A. Constitutional reforms in the digital age: the experience of Iceland / T. A. Vasilyeva // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3. – Pp. 55–62.

Contiades X. Introduction: Participatory Constitutional Change / X. Contiades, A. Fotiadoc // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadoc. – Abingdon ; New York, 2017. – Pp. 1–6. [In Engl.]

Для цитирования:

Малько А. В. Усиление сотрудничества государства и гражданского общества как одна из форм предупреждения и снижения конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 7–19.

Recommended citation:

Malko A. V. Strengthening cooperation between the state and civil society as one of the forms of conflict prevention and reduction conflicts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 7–19.

Сведения об авторе

Малько Александр Васильевич – главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

E-mail: nauka@sarrpa.ru

Information about author

Malko Aleksandr Vasilyevich – Chief Researcher of the Research Institute of State and Legal Research of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

E-mail: nauka@sarrpa.ru

ТОЧНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СУТИ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ПРАВИЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 11 марта 2024 г.

Аннотация: в статье исследуется вопрос о предмете правового регулирования постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров». Обосновано, что данный предмет определен не вполне точно, а именно дела о восстановлении на работе не совсем корректно обозначать как «дела о прекращении трудового договора», «дела (споры) об увольнении», «споры, связанные с прекращением контракта». Сделан вывод, что в указанное постановление было бы также желательно включить разъяснения относительно дел о восстановлении работника на прежней работе, на прежнем рабочем месте, восстановлении работнику прежних существенных условий труда в случае незаконного перевода, перемещения, изменения существенных условий труда, отстранения от работы, об изменении нанимателем формулировки причины увольнения работника, о недействительности трудового договора и применении последствий такой недействительности.

Ключевые слова: юридический конфликт (спор), нормативный правовой акт, предмет правового регулирования, дела о прекращении трудового договора, дела о восстановлении на работе, дела об изменении формулировки причины увольнения, дела о недействительности трудового договора.

ACCURATE IDENTIFICATION OF THE ESSENCE OF A LEGAL CONFLICT AS A FACTOR DETERMINING THE CORRECT DEFINITION OF THE SUBJECT OF LEGAL REGULATION OF A NORMATIVE LEGAL ACT

V. P. Skobelev

Belarusian State University

Abstract: the article examines the issue of the subject of legal regulation of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated December 21, 2023 No. 9 “On the application of legislation by courts when considering civil cases on the termination of employment contracts”. It is substantiated that this subject is not quite precisely defined, namely, cases of reinstatement at work are not entirely correct to designate as “cases of termination of an employment contract”, “cases (disputes) of dismissal”, “disputes related to the termination of a contract”. It is concluded that it would also be desirable to include in this resolution clarifications regarding cases of reinstating an employee to his previous job, at his previous workplace, restoring the employee’s previous essential working conditions in the event of an illegal transfer, relocation, or change in essential working conditions, suspension from work, about the employer changing the wording of the reason for dismissing the employee, about the invalidity of the employment contract and the application of the consequences of such invalidity.

Key words: legal conflict (dispute), normative legal act, subject of legal regulation, cases of termination of an employment contract, cases of reinstatement at work, cases of changing the wording of the reason for dismissal, cases of invalidity of an employment contract.

Предмет правового регулирования – один из важнейших параметров нормативного правового акта, от правильного определения которого напрямую зависит эффективность данного акта в деле регулирования общественных отношений. Не случайно поэтому Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА) уделяет предмету правового регулирования столь значительное внимание. Так, согласно Закону о НПА нормативный правовой акт должен точно определять предмет правового регулирования (ч. 2 п. 4 ст. 28), в нормативный правовой акт могут включаться лишь те положения, которые соответствуют его предмету правового регулирования (ч. 2 п. 2 ст. 28), в нормативном правовом акте следует предусматривать комплексную регламентацию общественных отношений, относящихся к предмету правового регулирования этого акта (ч. 1 п. 4 ст. 28), и др.

При этом не подлежит сомнению то, что если нормативный правовой акт регулирует отношения по поводу разрешения (урегулирования) юридических конфликтов, то правильное определение предмета его правового регулирования напрямую зависит от того, насколько верно нормотворческим органом была идентифицирована суть соответствующих споров. И в связи с этим хотелось бы обратить внимание на постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» (далее – Постановление 2023 г. № 9). Безусловно, Закон о НПА, как видно из его первой статьи, на нормативные правовые акты высшей судебной инстанции по общему правилу не распространяется. Тем не менее это не отменяет общего требования о том, что предмет правового регулирования любого нормативного правового акта должен быть правильно определен.

Многообразие терминологии Постановления 2023 г. № 9. Из наименования Постановления 2023 г. № 9 видно, что оно посвящено применению судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров, но какие именно гражданские дела следует относить к делам о прекращении трудовых договоров, в самом Постановлении 2023 г. № 9 не разъяснено (хотя по логике вещей это требовалось сделать уже в самых первых его пунктах), что, безусловно, затрудняет получение четкого представления о предмете правового регулирования данного Постановления.

Определенные выводы о предмете правового регулирования Постановления 2023 г. № 9 можно сделать только в результате скрупулезного анализа последнего. Данный анализ показывает, что текст Постановления действительно оперирует термином «дела о прекращении трудового договора» (см. преамбулу, ч. 2 п. 1, ч. 1 п. 4, п. 45), однако делает это не настолько часто, как того можно было бы ожидать с учетом наименования Постановления 2023 г. № 9. Более того, значительно чаще в Постановлении используется совсем другая терминология, а именно:

«трудовой спор (споры)» (ч. 1 п. 4, ч. 1 п. 7) или просто «спор (споры)» (ч. 2 п. 27, ч. 3 п. 31, п. 37, ч. 5 п. 38, ч. 3 п. 40);

«споры, связанные с прекращением контракта» (ч. 1 п. 8);

«спор о досрочном расторжении контракта» (ч. 4 п. 13);

«дела (споры, трудовые споры) об увольнении (по тому или иному конкретному основанию)» (ч. 3 п. 6, ч. 1 п. 11, ч. 1 п. 14, ч. 1 п. 16, ч. 1 п. 17, ч. 1 п. 20, ч. 2 п. 21, ч. 1 п. 22, ч. 1 п. 26);

«дела (споры, иски, исковые требования) о восстановлении на работе» (п. 5, ч. 1 п. 12, ч. 2 п. 15, ч. 1 п. 41, ч. 1 п. 42, ч. 1 п. 43).

Ввиду такого многообразия применяемой в Постановлении 2023 г. № 9 терминологии закономерно возникает вопрос, все ли указанные

термины являются равноценными (тождественными) по своему значению или же какие-то из них с точки зрения их смыслового наполнения являются наиболее точными (верными)?

Каким именно спорам в действительности посвящено Постановление 2023 г. № 9. Очевидно, что термины «трудовой спор (споры)» и «спор (споры)» являются слишком общими по своему содержанию. Так, термином «трудовые споры» в теории, законодательстве и правоприменительной практике принято обозначать любые споры, вытекающие из трудовых правоотношений, а термином «споры» – вообще все конфликты, которые могут рассматриваться судами и иными юрисдикционными органами (см., например, п. 4, 9 ст. 1, п. 1, 2 ч. 1 ст. 37, ст. 39, 39-1 Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь).

Что касается термина «дела о прекращении трудового договора», а также идентичных ему выражений «споры, связанные с прекращением контракта», «спор о досрочном расторжении контракта», «дела (споры, трудовые споры) об увольнении», то в силу их буквального смыслового значения они подразумевают те дела (споры), которые направлены на прекращение (расторжение) трудового договора (контракта) между работодателем и работником. Однако подобного рода дела (споры) встречаются в судебной практике очень редко (обычно исковые требования об увольнении (понижении к расторжению трудового договора) заявляют руководители организаций к антикризисным управляющим¹ или собственникам имущества организаций²), и, конечно же, столь редким трудовым спорам (делам) такой объемный разъяснительный акт, как Постановление 2023 г. № 9, целиком не может быть посвящен.

Действительно, делам (спорам), направленным на расторжение трудового договора, посвящен лишь п. 13 Постановления 2023 г. № 9: это дела о расторжении трудового договора, заключенного на неопределенный срок, по желанию работника согласно ст. 40 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) и дела о расторжении срочного трудового договора по требованию работника в соответствии со ст. 41 ТК. По крайней мере, на основании ст. 40, 41 ТК хотя бы потенциально (теоретически) в суд могут быть заявлены требования о расторжении трудового договора (и судебная практика подтверждает данный вывод³). Именно по этой причине использование в ч. 4 п. 13 Постановления 2023 г. № 9 термина «спор о досрочном расторжении контракта» является правомерным.

¹ См.: Обзор кассационно-надзорной практики Верховного суда Республики Беларусь по гражданским делам за 2010 год // Судовы веснік. 2011. № 2. С. 58–59.

² См.: Филипчик Р. О некоторых вопросах увольнения с работы руководителей организаций // Судовы веснік. 2012. №2. С. 36.

³ См.: Обзор кассационно-надзорной практики Верховного суда Республики Беларусь по гражданским делам за 2008 год // Судовы веснік. 2009. №2. С. 67.

Но в остальной своей части (помимо п. 13) Постановление 2023 г. № 9 касается совсем других дел – дел, когда увольнение работника уже произошло и он обращается в суд за защитой своих прав и охраняемых законом интересов. Данные дела следует именовать делами (спорами) о восстановлении на работе, что, собственно, и имеет место в ч. 1 п. 12, ч. 1 п. 41 Постановления 2023 г. № 9.

О том, что предметом регулирования в Постановлении 2023 г. № 9 являются именно дела (споры) о восстановлении на работе, свидетельствует содержание следующих его структурных элементов, распространяющих свое действие, как видно из их контекста, на все дела (споры), которым Постановление 2023 г. № 9 посвящено.

Так, ч. 3 п. 4 Постановления 2023 г. № 9 гласит, что «исковое заявление подается в районный (городской) суд в месячный срок, исчисляемый со дня вручения работнику копии приказа об увольнении или со дня выдачи трудовой книжки с записью об основании прекращения трудового договора либо со дня отказа в выдаче или в получении указанных документов (часть первая статьи 242 ТК)». В п. 5 Постановления 2023 г. № 9 разъяснено, что «в суд с исковыми требованиями о восстановлении на работе независимо от оснований прекращения трудовых отношений могут обращаться не только работники, с которыми трудовой договор был заключен в установленном порядке в письменной форме (часть первая статьи 18 ТК), но и работники, фактически допущенные к работе должностными лицами нанимателя, уполномоченными осуществлять прием на работу (статья 25 ТК)».

Далее, «при рассмотрении дел о восстановлении на работе судам надлежит строго соблюдать требования статьи 243 ТК. В случаях прекращения трудового договора без законного основания работник подлежит восстановлению на прежней работе» (ч. 1 п. 41 Постановления 2023 г. № 9). Согласно ч. 1 п. 43 Постановления 2023 г. № 9 «при удовлетворении иска о восстановлении на работе суд вправе взыскать в пользу работника средний заработок за время вынужденного прогула (часть первая статьи 244 ТК), когда такое требование было заявлено», а в соответствии с п. 44 Постановления 2023 г. № 9 «судам надлежит строго соблюдать требования статьи 247 ТК о немедленном исполнении решения о восстановлении на работе незаконно уволенного работника, а также о присуждении работнику заработной платы, но не свыше чем за один месяц».

Насколько корректна терминология Постановления 2023 г. № 9. Дела о восстановлении на работе не вполне корректно называть делами о прекращении трудовых договоров по следующим причинам.

Во-первых, когда соответствующее дело поступает на рассмотрение суда, оно является уже не делом о прекращении трудового договора (таким оно было на этапе увольнения работника нанимателем, к момен-

ту же предъявления работником иска в суд трудовой договор уже прекращен), а делом о восстановлении на работе, т.е. делом о возобновлении, продолжении (не о прекращении) трудовых правоотношений. Причем оно является делом о восстановлении на работе и для работника (он инициирует вопрос о восстановлении на работе), и для нанимателя (он, коль скоро дело дошло до суда, не желает работника на работе восстановить).

Поэтому совершенно правильным является использованное в ч. 1 п. 12 Постановления 2023 г. № 9 словосочетание «спору о восстановлении на работе работника, трудовой договор с которым прекращен по пункту 5 части второй статьи 35 ТК», и по тем же причинам сложно согласиться с употребленным в ч. 1 п. 11 выражением «при рассмотрении дел об увольнении по соглашению сторон (пункт 1 части второй статьи 35 ТК) судам необходимо...» (ведь при наличии соглашения сторон по поводу прекращения трудового договора никакого дела об увольнении в суде в принципе быть не может – помощь суда для осуществления увольнения не требуется, однако в суд может попасть совсем другое (по своему названию, а значит, и по сути) дело – дело о восстановлении работника на работе, трудовой договор с которым неправомерно был прекращен по п. 1 ч. 2 ст. 35 ТК).

Во-вторых, название любой категории гражданских дел должно отражать ту цель, которую преследует истец своим обращением в суд, а не те обстоятельства (события), которые предшествовали разбирательству в суде дела. По анализируемой категории дел такой целью является восстановление на работе. Именовывать такие дела делами о прекращении трудовых договоров было бы равносильно тому, как если бы дела о защите чести, достоинства и деловой репутации называть делами о распространении недостоверных порочащих сведений. Между тем дела последнего рода традиционно обозначаются именно как дела о защите чести, достоинства и деловой репутации (см. наименование и содержание постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации»).

В лучшем случае дела о восстановлении на работе можно было бы называть делами о проверке правомерности (законности) прекращения нанимателем трудового договора (контракта) с работником. Однако такое наименование является довольно сложным, громоздким и потому гораздо менее устоявшимся в законодательстве, практике и литературе, нежели выражение «дела о восстановлении на работе». Кроме того, указанное наименование не отражает последствий признания прекращения трудового договора (контракта) неправомерным (незаконным) – понуждение судом нанимателя к восстановлению работника на работе.

В-третьих, словосочетание «дела о прекращении трудовых договоров» содержит в себе значительный намек на то, что при разрешении подобных дел требуется применение лишь тех норм трудового законодательства, которые регулируют основания и порядок прекращения трудовых договоров. Между тем дела о восстановлении на работе (в силу особенностей предмета доказывания по ним) обуславливают необходимость применения (учета) гораздо более широкого спектра норм трудового права – норм не только о прекращении трудовых договоров, но также об их заключении, изменении, а в определенных случаях и о продлении. Не случайно поэтому в Постановлении 2023 г. № 9 можно встретить разъяснения касательно норм, регулирующих заключение трудовых договоров (например, заключение трудовых договоров с предварительным испытанием – ч. 1 п. 6, заключение контрактов – ч. 2–4 п. 8), их изменение (в форме изменения существенных условий труда – ч. 3 п. 12) и продление (в частности, продление контрактов – п. 9).

Вполне вероятно, что термин «дела о прекращении трудовых договоров» попал в название, а также в текст Постановления 2023 г. № 9 под влиянием другого разъяснительного правового документа – действовавшего на заре становления независимости нашей страны постановления Пленума Верховного суда Белорусской ССР от 14 июня 1991 г. № 6 «О некоторых вопросах применения судами Белорусской ССР законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора». Однако нельзя не заметить, что выражения «дела о прекращении трудовых договоров» и «дела о применении законодательства, регулирующего прекращение трудовых договоров» не идентичны по смыслу: последнее выражение однозначно подразумевает под собой дела о восстановлении на работе, в то время как первое выражение – далеко нет.

Выводы о предмете правового регулирования Постановления 2023 г. № 9. Таким образом, можно сделать вывод, что Постановление 2023 г. № 9 посвящено делам о восстановлении на работе, которые в ряде случаев не совсем корректно обозначаются в нем как «дела о прекращении трудового договора», «дела (споры) об увольнении», «споры, связанные с прекращением контракта». Исключение в этом плане составляет п. 13 рассматриваемого Постановления, поскольку присутствующие там разъяснения касаются споров, которые действительно могут быть направлены на расторжение трудового договора (контракта), а не на восстановление работника на работе.

При этом Постановление 2023 г. № 9, к сожалению, не дает никаких разъяснений относительно следующих дел, являющихся «смежными» со спорами о восстановлении на работе («смежность» заключается в том, что в этих делах тоже исследуется вопрос о правомерности прекращения трудовых отношений – их полного прекращения (как в делах об из-

менении формулировки причины увольнения, делах о недействительности трудового договора) или прекращения их именно в том виде, о котором стороны договорились при заключении трудового договора, т.е. когда трудовые отношения значительно меняются (как, например, в делах о восстановлении работнику прежних существенных условий труда):

– о восстановлении работника на прежней работе, на прежнем рабочем месте, восстановлении работнику прежних существенных условий труда в случае незаконного перевода, перемещения, изменения существенных условий труда, отстранения от работы. При том нельзя не отметить, что в предшественнике Постановления 2023 г. № 9 – постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде» (далее – Постановление 2001 г. № 2), которое было признано утратившим силу Постановлением 2023 г. № 9, некоторые разъяснения по поводу данных дел содержались (см. п. 14–17, 46, 52 Постановления 2001 г. № 2);

– об изменении нанимателем формулировки причины увольнения работника. Данного вопроса высшая судебная инстанция страны коснулась лишь в контексте допустимости изменения формулировки причины увольнения по инициативе суда в ходе рассмотрения спора о восстановлении работника на работе (см. п. 42 Постановления 23 г. № 9), при этом стоит также отметить, что в Постановлении 2001 г. № 2 (см. ч. 1 п. 36, п. 49) разъяснения на данный счет имели более подробный и развернутый характер;

– о недействительности трудового договора и применении последствий такой недействительности. Несмотря на то, что такие дела в судебной практике встречаются нечасто⁴, разъяснения по ним необходимы ввиду скудности и неоднозначности правового регулирования соответствующих вопросов в ТК⁵. В пользу этого говорит и тот факт, что в Постановлении 2001 г. № 2 (см. п. 8) на данный счет разъяснения были.

В основном Постановление 2023 г. № 9 посвящено вопросам применения судами при рассмотрении дел о восстановлении на работе норм материального права – норм ТК и некоторых других актов законодательства, регулирующих порядок прекращения трудовых договоров, а также отдельных норм о заключении, изменении и продлении трудовых договоров.

⁴ См.: Филипчик Р. О признании судом трудового договора недействительным // Судовы веснік. 2021. № 4. С. 72–73.

⁵ См.: Кеник К. И. Судебная защита трудовых прав граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2000. С. 11, 17; Скобелев В. П. Реформирование Трудового кодекса: все ли проблемы решены? // Реализация общепризнанных принципов и норм международного права в социально-трудовой сфере : сб. науч. статей / под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. Минск, 2019. С. 147–149; Филипчик Р. О признании судом трудового договора недействительным. С. 70, 75–76.

Вместе с тем в Постановлении 2023 г. № 9 присутствуют разъяснения и касательно процессуальных норм, подлежащих реализации при рассмотрении дел о восстановлении на работе (именно по этой причине в названии Постановления 2023 г. № 9 использован оборот «о применении судами законодательства», подразумевающий применение судами законодательства различной отраслевой принадлежности – и материального законодательства, и процессуального). В частности, это разъяснения Постановления 2023 г. № 9 касательно: выбора надлежащего вида судопроизводства (ч. 1 п. 4); родовой (ч. 3 п. 4) и территориальной (ч. 2 п. 4) подсудности; сроков на обращение в суд (ч. 3, 4); подготовки дел к судебному разбирательству (ч. 1 п. 45); распределения обязанностей по доказыванию (ч. 1 п. 12, ч. 2 п. 13, ч. 1 п. 19, ч. 3 п. 24, ч. 1 п. 26, ч. 3 п. 30, ч. 2 п. 42); допустимости средств доказывания (ч. 2 п. 26, ч. 5 п. 34); реализации принципа диспозитивности (ч. 2 п. 10, ч. 1 п. 41, ч. 1 п. 43), а также изъятий из сферы действия данного принципа, т.е. когда суд рассматривает и присуждает то, о чем работник не просил (ч. 3 п. 12, ч. 3, 4 п. 15, ч. 3 п. 41, п. 42, ч. 1 п. 43); сроков рассмотрения дел (ч. 1 п. 45); порядка исполнения решения суда (п. 44); вынесения частных определений (ч. 1 п. 45).

Некоторые последствия неточного определения предмета правового регулирования Постановления 2023 г. № 9. Неточное определение Предмета правового регулирования Постановления 2023 г. № 9 оказало не самое позитивное влияние и на сущностное содержание некоторых его пунктов, а именно п. 2 и п. 3.

Пункт 2 Постановления 2023 г. № 9 посвящен правовым источникам, которыми судам следует руководствоваться при рассмотрении соответствующих споров. Так, ч. 1 п. 2 содержит указание на правовые источники, перечисленные в п. 1–3 ч. 1 ст. 7 ТК, т.е. на сам ТК, другие акты законодательства о труде, а также коллективные договоры, соглашения и иные локальные правовые акты, заключенные и принятые в соответствии с законодательством. В ч. 2 п. 2 Постановления 2023 г. № 9 дословно воспроизведено содержание правила ч. 3 ст. 7 ТК о том, что Президентом Республики Беларусь могут устанавливаться особенности правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений, регламентированных законодательством о труде. Оговорка, содержащаяся в скобках во втором предложении ч. 2 ст. 4 ТК, в несколько иной редакции нашла отражение в ч. 3 п. 2 Постановления № 7: в организациях, в которых трудовые и связанные с ними отношения основаны на членстве (участии), учредительными документами и локальными правовыми актами не могут быть закреплены положения, ухудшающие положение членов (участников) по сравнению с законодательством о труде.

Обращает на себя внимание то, что предмет правового регулирования соответствующих источников в п. 2 Постановления 2023 г. № 9 опреде-

лен по-разному и, что самое главное, не совсем точно. В ч. 1 п. 2 Постановления 2023 г. № 9 в качестве такового названы «отношения, связанные с прекращением трудовых договоров». Подобный вариант не совсем удачен, поскольку, как мы уже отмечали выше, при рассмотрении дел о восстановлении на работе судам следует учитывать нормы (и, значит, и закрепляющие их источники), регулирующие отношения не только по прекращению трудовых договоров, но также по их заключению, изменению и продлению.

В ч. 2, 3 п. 2 Постановления 2023 г. № 9 предмет правового регулирования соответствующих источников идентифицирован как «трудовые и связанные с ними отношения». Этот вариант тоже не вполне приемлем, поскольку в ходе рассмотрения дел о восстановлении на работе (по крайней мере, тех из них, которым посвящено Постановление 2023 г. № 9) предметом судебного разбирательства являются только трудовые отношения, а отношений, связанных с трудовыми отношениями (их перечень приведен в ч. 1 ст. 4 ТК – отношения, касающиеся профессиональной подготовки работников на производстве, деятельности профсоюзов и объединений нанимателей, ведения коллективных переговоров, обеспечения занятости и др.), суды не затрагивают.

Согласно п. 3 Постановления 2023 г. № 9 «судам следует учитывать, что основания и порядок прекращения трудовых и связанных с ними отношений отдельных категорий работников регулируются специальными законодательными актами, определяющими их правовой статус», и далее в качестве примеров приведены некоторые из таких законодательных актов. При этом и здесь вызывает возражения то, как высшей судебной инстанцией определены вопросы, которые урегулированы специальными законодательными актами и которые судам следует учитывать, – «основания и порядок прекращения трудовых и связанных с ними отношений». Ведь, как мы неоднократно подчеркивали выше, при рассмотрении дел о восстановлении на работе судам приходится входить в обсуждение вопросов не только о прекращении трудовых отношений, но также об их возникновении, изменении и продлении, а отношений, связанных с трудовыми отношениями, по данной категории дел суды вообще не касаются.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что предметом правового регулирования Постановления 2023 г. № 9 (кроме его п. 13, который действительно касается дел, направленных на расторжение трудовых договоров) являются дела о восстановлении на работе (материально-правовые и процессуальные особенности рассмотрения их судами), такие дела не совсем верно обозначать как «дела о прекращении трудового договора», «дела (споры) об увольнении», «споры, связанные с прекращением контракта». Было бы очень

желательно, чтобы Постановление 2023 г. № 9 включало в себя разъяснения и относительно «смежных» категорий дел: о восстановлении работника на прежней работе, на прежнем рабочем месте, восстановлении работнику прежних существенных условий труда в случае незаконного перевода, перемещения, изменения существенных условий труда, отстранения от работы; об изменении нанимателем формулировки причины увольнения работника; о недействительности трудового договора и применении последствий такой недействительности. Содержание п. 2, 3 Постановления 2023 г. № 9 требует корректировки с учетом предмета его правового регулирования.

Библиографический список

- Кеник К. И.* Судебная защита трудовых прав граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. И. Кеник. – Минск, 2000. – 22 с.
- Обзор кассационно-надзорной практики Верховного суда Республики Беларусь по гражданским делам за 2008 год // Судовы веснік. – 2009. – № 2. – С. 64–70.
- Обзор кассационно-надзорной практики Верховного суда Республики Беларусь по гражданским делам за 2010 год // Судовы веснік. – 2011. – № 2. – С. 52–59.
- Скобелев В. П.* Реформирование Трудового кодекса: все ли проблемы решены? / В. П. Скобелев // Реализация общепризнанных принципов и норм международного права в социально-трудовой сфере : сб. науч. статей / под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. – Минск : Колорград, 2019. – С. 144–169.
- Филипчик Р.* О некоторых вопросах увольнения с работы руководителей организаций / Р. Филипчик // Судовы веснік. – 2012. – № 2. – С. 30–36.
- Филипчик Р.* О признании судом трудового договора недействительным / Р. Филипчик // Судовы веснік. – 2021. – № 4. – С. 69–76.

References

- Filipchik R.* About some issues of dismissal from work of heads of organizations / R. Filipchik // Judicial Bulletin. – 2012. – No. 2. – Pp. 30–36.
- Filipchik R.* On the court's recognition of an employment contract as invalid / R. Filipchik // Judicial Bulletin. – 2021. – No. 4. – Pp. 69–76.
- Kenik K. I.* Judicial protection of citizens' labor rights : abstract. dis. ... cand. legal sciences / K. I. Kenik. – Minsk, 2000. – 22 p.
- Review of cassation and supervisory practice of the Supreme Court of the Republic of Belarus in civil cases for 2008 // Judicial Bulletin. – 2009. – No. 2. – Pp. 64–70.
- Review of cassation and supervisory practice of the Supreme Court of the Republic of Belarus in civil cases for 2010 // Judicial Bulletin. – 2011. – No. 2. – Pp. 52–59.
- Skobelev V. P.* Reforming the Labor Code: have all the problems been resolved? / V. P. Skobelev // Implementation of generally accepted principles and norms of international law in the social and labor sphere : collection of scientific articles / ed. by I. A. Komotskaya, T. M. Petochenko. – Minsk : Kolorgrad, 2019. – Pp. 144–169.

Для цитирования:

Скобелев В. П. Точная идентификация сути юридического конфликта как фактор, детерминирующий правильное определение предмета правового регулирования нормативного правового акта // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 20–31.

Recommended citation:

Skobelev V. P. Accurate identification of the essence of a legal conflict as a factor determining the correct definition of the subject of legal regulation of a normative legal act // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 20–31.

Сведения об авторе

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: s_v_p@tut.by

Information about author

Skobelev Vladimir Petrovich – Deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovations of the Faculty of Law of the Belarusian State University, PhD in Law, Associate Professor

E-mail: s_v_p@tut.by

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО И МЕДИАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРОФИЛАКТИКИ КОНФЛИКТНОЙ ДЕСТРУКЦИИ

А. В. Глухова, Е. А. Пельтихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 апреля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются теоретико-методологические основы институционализованного посредничества и медиации в контексте конфликтологической парадигмы анализа и мировосприятия социальной реальности. Авторы исходят из той предпосылки, что конфликт является неотъемлемой, имманентной чертой социальной жизни и общественных отношений и в принципе не поддается устранению. Конфликтологическая парадигма не может трактоваться как исследование исключительно конфликтов вне способов, методов и технологий их урегулирования. В свою очередь, посредничество (как институционализованное, так и внеинституциональное) не может существовать и развиваться в отсутствие конфликтов: это означало бы исчезновение самой необходимости в посреднических и медиативных практиках. В статье дается краткий анализ специфики посреднической деятельности таких акторов, как деловые ассоциации, национально-культурные организации, экспертные сообщества, профсоюзы. Мировой опыт свидетельствует о неуклонном снижении количества ситуаций («я выиграл – ты проиграл») во внутренних конфликтах и росте компромиссных решений на основе взаимовыгодного соглашения сторон. Отмечаются также некоторые особенности становления посредничества и медиации в современной России.

Ключевые слова: конфликтология, конфликтологическая парадигма, институционализованное посредничество (формальное и неформальное), медиация, компромисс.

INSTITUTIONALIZED INTERMEDIATION AND MEDIATION AS A MECHANISM FOR PREVENTING CONFLICT DESTRUCTION

A. V. Glukhova, E. A. Peltikhina

Voronezh State University

Abstract: the article discusses the theoretical and methodological basics of institutionalized intermediation and mediation within the context of the conflictological paradigm of analysis and worldview of social reality. The authors proceed from the trait that conflict is an integral immanent feature of social life and public relations and cannot be eliminated. Conflictological paradigm cannot be interpreted as the study of only conflicts outside of the methods, methods and technologies of their resolution. In turn, intermediation (institutionalized and non-institutional) cannot exist and develop in the absence of conflicts: this would mean the disappearance of the necessity for intermediary and mediation practices. The article gives a brief analysis of the specifics of the intermediary activities of such actors as business associations, national and cultural organizations, expert communities, and trade unions. World experience shows a stable decline in the number of situations (“I win – you lose”) in internal conflicts and an increase in compromise solutions based on mutually beneficial agreement of the parties. Some features of the development of mediation in modern Russia are also noted.

Key words: conflictology, conflictology paradigm, institutionalized intermediation (formal and informal), mediation, compromise.

Для понимания специфики посреднической деятельности в ее широкой трактовке необходимо исследование социальной и политической среды, в которой эта деятельность формируется и разворачивается, т.е. структурного контекста (в терминологии структурного функционализма). Конфликт как неотъемлемая, имманентная черта социальной жизни и общественных отношений наиболее релевантен открытому, плюралистическому обществу, отличительными характеристиками которого является автономная социальная и политическая активность населения; высокая степень доверия и вытекающая из этого способность к созданию ассоциаций; конкуренция в рамках определенных и разделяемых всеми субъектами социального взаимодействия «правил игры»; неопределенность результатов соперничества при определенности процедур; рациональность и культура гражданственности и т.д. В таком структурном контексте посреднические практики не просто способствуют разрешению конфликтных ситуаций, но и формируют конфликтологическую парадигму мировосприятия. Смысл последней состоит в признании правомерности интересов другого индивида или группы, даже если они противоре-

чат собственным интересам контрагента конфликта. Отсюда возникает готовность к компромиссам, поиску взаимовыгодных договоренностей как в рамках неформальных, так и формализованных институтов, при явном превалировании последних.

Теоретико-методологическая парадигма исследования. Позитивный опыт как формального, так и неформального институционализированного посредничества накоплен как на Западе (США), так и на Востоке (Япония). Достижимые в ходе посредничества договоренности не рассматриваются как раз и навсегда данные, но являются источником новых возможных разногласий и конфликтов, а, значит, и новых компромиссов. Следовательно, конфликтная парадигма не может трактоваться как исследование исключительно конфликтов, вне способов, методов и вариантов их урегулирования. В свою очередь, посредничество (как институционализированное, так и неформальное) не может существовать и развиваться без конфликтов: отсутствие последних (т.е. отсутствие общественного плюрализма и противоречий между интересами различных социальных групп, порождающих социальные конфликты) означало бы исчезновение самой необходимости в посреднических и медиативных практиках.

История становления общественных наук свидетельствует о том, что конфликтологическому знанию нелегко приходилось пробивать себе дорогу: оно оппонировало интегративным моделям общества, господствовавшим на протяжении многих веков (органицизм) или получившим новую жизнь в середине XX века (системный функционализм Т. Парсонса). Состояние общественной интеграции, консолидации, порядка считалось приоритетным и наиболее желательным; конфликт интерпретировался как аномалия, патология и беспорядок. Заслуга конфликтологической парадигмы, представленной структуралистским (К. Маркс, Р. Дарендорф, Й. Галтунг) и функционалистским (Г. Зиммель, Л. Козер, К. Боулдинг, С. Хантингтон) направлениями, заключалась в том, что были детально разработаны все ключевые аспекты конфликтного взаимодействия как на макро-, так и на микроуровне. В частности, определяющее теоретико-методологическое значение получил фактор влияния структурного контекста на возникновение и динамику конфликтного противоборства: институционализация противоречивых интересов в открытом обществе и нивелирование различий во имя социальной гомогенности – в закрытом. Не менее значимым научным открытием стало выявление взаимосвязи между степенью реалистичности поведенческих стратегий участников конфликта и насильственностью и интенсивностью последних (особенно крупных социальных потрясений). Наконец, практически важным стало обнаружение ряда субъективных факторов, определяющих продолжительность конфликтного противоборства: ясность целей кон-

фликтующих сторон; степень их согласия по поводу смысла победы или поражения; способность лидеров понять, чего стоит победа и убедить своих сторонников в том, что желательно было бы прекратить борьбу.

На смену восприятию конфликтов как исключительно деструктивно-го явления пришло понимание их функциональной роли в той или иной системе отношений: сигнальная и информационная функции; структурирование общественных отношений и формирование коалиций (группопозидающая функция); устранение препятствий на пути развития и его ускорение (динамическая функция); обучение правилам социального порядка и т.д. Итоговый вывод заключался в том, что проблема конфликта не менее комплексна, чем проблема интеграции общества, что «предполагает ее решение при помощи нескольких методологических подходов в рамках *междисциплинарного анализа*, с учетом различных оснований конфликтов»¹.

Сегодня утверждение о том, что конфликтную и консенсусную модель общества следует рассматривать не как взаимоисключающие, но как взаимодополняющие друг друга, является альфой и омегой конфликтологических исследований. Методами эмпирического анализа невозможно решить, какая из этих двух моделей правильнее. Исходя из этого, имеет смысл признать, что обе модели в известном смысле правильны и продуктивны в аналитическом отношении. Стабильность и изменение, интеграция и конфликт, функция и дисфункция, консенсус и принуждение представляют собой два равнозначных аспекта общества, диалектически привязанных друг к другу и лишь в такой комбинации описывающих общественные процессы более или менее исчерпывающим образом². «Как физик не может решить отдельные проблемы только допущением волнового характера света, нуждаясь для объяснения других проблем в корпускулярной или квантовой теории, так и в социологии есть проблемы, которые можно адекватно решить при помощи интеграционной теории, и есть другие проблемы, для осмысления которых требуется теория конфликта, – считал Р. Дарендорф. – Обе теории могут в дальнейшем работать с одними и теми же категориями, но акцентируют они различные аспекты. В то время как для теории интеграции общество подобно эллипсу, в котором все элементы напоминают замкнутое, закругленное единство, теория конфликта рассматривает общество скорее как гиперболу, которая имеет одинаковые горячие точки, но открыта во многих направлениях и является полем напряжения определенных сил»³.

¹ Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е. М., 2010. С. 40.

² См.: Там же. С. 40–41.

³ Dahrendorf R. Zu einer Theorie des sozialen Konflikts // Zapf W. Theorien des sozialen Wandels. Königstein, 1979. S. 116.

Этот вывод позволил осуществить одну из самых насущных, особенно в отечественных науках об обществе, методологических операций, а именно демистифицировать конфликт, признать его *неотъемлемым атрибутом любого социального и политического процесса*. Конфликт нередко сводят к крайним, экстремальным формам вооруженного противоборства, выходящим за рамки правового поля. Вместе с тем в подобных случаях нарушаются уже и рамки политического поля, а конфликт приобретает сугубо силовые параметры (дислокация, характер вооружений и т.д.) и подчиняется военным закономерностям борьбы. Возвращение его в политическое поле возможно лишь при готовности сторон вступить в переговоры и совместно искать приемлемый вариант урегулирования. К числу способов такого урегулирования относятся в первую очередь процедуры посредничества и медиации как механизм профилактики конфликтной деструкции.

Для уточнения сил, выступающих в качестве акторов посреднической деятельности, требуется привлечение ряда исследовательских концепций, например, концепции «чужого», принятой в этнологии, феноменологии «чужого» Б. Вандельфейса, концепции идентичности, теоретическая значимость которых заключается в возможности понять и описать механизмы «чуждости», процесс конструирования инаковости. Вектор такого конструирования направлен как от самих посреднических организаций, так и групп, «запускающих» посредническую активность. Но основополагающим становится концепт гражданского общества как модель сложного и динамичного ансамбля автономных, но охраняемых государством неправительственных институтов, организаций и ассоциаций, действующих на принципах ненасилия, самоорганизации и саморефлексии и находящихся в коммуникации с институтами государственной власти. Иными словами, деятельность посреднических институтов «оформляется» и ограничивается государством.

Моральная основа посреднических институтов должна базироваться на чувстве общности и взаимных обязательств внутри гражданского общества. Такая комбинация отличительных черт является редкостью даже в западных стабильных обществах; еще проблематичнее ее появление на почве атомизированных социальных структур трансформирующихся обществ, отмеченных «харизматической» политикой и президентским конституционным строительством.

Дополнительным исследовательским подходом выступает концепция социальных сетей («сетевых акторов»), являющихся системообразующим фактором и способных выполнять различные организационные и конструирующие функции. Появляющиеся сетевые акторы отличаются, во-первых, значительной включенностью в определенную проблемную сферу и связанную с ней систему других акторов, и, во-вторых, – практиче-

ской и прагматической ориентированностью своей деятельности. В результате именно от их позиции, намерений и предпринимаемых действий в немалой степени зависит успешность происходящего взаимодействия и сбалансированности деятельности различных институциональных систем при их существенной (де-факто) автономии.

Актеры институционализированного посредничества. Посредниками в разных сферах жизнедеятельности общества могут выступать разные акторы. Для *деловых ассоциаций* главным направлением деятельности является решение коммерческих задач с использованием политических средств. До образования ассоциаций деловые проблемы решались на индивидуальном уровне общения представителей компаний с чиновниками, т.е. через неформальные персонифицированные связи. Но этот алгоритм имел свои недостатки: не всегда и не каждая компания в одиночку способна выйти на высокие этажи властной иерархии; ротация чиновников прерывает каналы неформальных связей во властных учреждениях. «Новые» ассоциации, создаваемые «снизу», были призваны создать такой механизм решения коммерческих проблем, при котором доступ к принятию властного решения не зависит от ресурсных способностей отдельной компании. Благодаря ассоциациям процесс согласования коллективных интересов начинает выходить на политический уровень; переговоры ведутся публично и завершаются заключением официальных соглашений между представителями бизнеса и власти. Увеличение масштабов бизнеса и его претензии на устойчивый рост привели к отказу от прежней, неэффективной схемы неформальных конвенций и поиску легальных, формальных правил взаимодействия, устраивающих и бизнес, и власть.

Национально-культурные организации представляют собой так называемое *ассоциируемое посредничество*. В качестве представителей интересов этнических сообществ эти организации проделали определенную эволюцию и превратились в классические посреднические организации, существующие за счет присвоения и распределения различных видов ресурсов. Так, во взаимоотношениях с органами власти и иными общественными ассоциациями национально-культурные организации выступают как носители этнокультурного ресурса. По отношению к собственному этническому сообществу они демонстрируют властные, информационные и организационные ресурсы. Таким образом, их посредническая деятельность выражается, прежде всего, в перераспределении и канализации различных видов ресурсов, что обеспечивает с одной стороны, представительство интересов этнического сообщества во властных структурах, а с другой стороны, придает упорядоченность и усиливает этническую солидарность данной этнической группы⁴.

⁴ См.: Петров В. Н., Донцова М. В., Нос Н. М. Этнические мигранты в принимающем обществе / под ред. В. Н. Петрова. Краснодар, 2005. Ч. 1, Методология и теория исследо-

Экспертные сообщества. Одним из направлений исследования посредничества как становящейся социальной практики становится изучение экспертных сообществ. Именно из этой среды или при их непосредственном участии формируются «сетевые акторы», выполняющие разные посреднические функции между государством и гражданским обществом.

Эксперты являются «публичными фигурами»: по роду своих профессиональных обязанностей или же в силу личного авторитета они имеют возможность транслировать свои рассуждения и свою точку зрения на определенную аудиторию. Величина последней может варьироваться от нескольких миллионов (журналисты) до нескольких десятков человек (члены экспертных советов в структурах законодательной или исполнительной власти региона). Эксперты находятся в точке сложения нескольких информационных потоков: общенациональных, внутри- и межрегиональных, местных (локальных); их социальная роль заключается в систематической рефлексии (анализ, изучение и осмысление событий и явлений жизни), артикуляции и создании пространства интерпретаций, участия и, в ряде случаев, организации социальной и профессиональной коммуникации.

Посредническая деятельность профсоюзов имеет свои отличительные особенности:

– профсоюзы представляют в посреднических отношениях самые массовые социальные слои: рабочих, интеллигенцию, служащих, студенчество. Значительно слабее профсоюзами охвачены аграрии, но аграрное движение в какой-то мере подобно профсоюзным объединениям и отчасти выполняет их функции;

– посредничество профсоюзов легитимировано и, как правило, конституционно гарантировано. Большинство других общественных посреднических структур, будучи легитимными, непосредственных конституционных гарантий не имеют;

– специфика посреднической деятельности профсоюзов обусловлена и особенностями их организации. Они действуют на основе легитимных уставов, которые определяют организационные и целевые основы их деятельности, функции, правила членства, процедуры избрания руководящих органов, сроки и характер отчетности последних (собрания, конференции), нормы взаимодействия с бизнес-структурами, государственными органами, с общественностью. Организационные структуры, нормы, правила и процедуры обладают высокой степенью устойчивости⁵.

Определяющей тенденцией последних десятилетий как на Западе, так и в России стало расширение сферы и социального поля профсоюз-

вания толерантности и мигрантофобии; *Назукина М. В.* Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации. М., 2021.

⁵ См.: *Шаленко В. Н.* Трудовые конфликты: методология, теория и управление : монография. М., 2008.

ного посредничества. Возникнув как организации, защищающие интересы людей труда в их взаимоотношениях с капиталом, профсоюзы к исходу XX и началу XXI века значительно расширили сферу, поле, агентов и проблематику своей посреднической деятельности⁶. Структурными компонентами посреднической деятельности являются взаимоотношения труда и капитала, взаимоотношения граждан и государства, взаимодействие населения и местного самоуправления.

*Исторический очерк медиации*⁷. Арсенал инструментов и техник урегулирования конфликтов в ходе исторической эволюции и усложнения человеческих взаимоотношений активно изменялся по мере усложнения общественных отношений, находя свое отражение в развитии различных социальных и политических институтов. Основным, а возможно и единственным, способом разрешения конфликтов в примитивных обществах было применение физической силы, однако и здесь происходили поиски альтернативных инструментов воздействия на конфликтующие стороны⁸. Вожди и жрецы племен первыми стали использовать методы примирения. Их действия могли положить конец насилию и любым другим действиям, которые могли стать угрозой для всего племени и были опасны для выживания. Их власть считалась священной, и они имели возможность остановить конфликт принуждением. Но необходимо учитывать, что этот эффект носил временный характер и не всегда удовлетворял стороны.

В ходе общественного развития происходили изменения в отношении между людьми и появлялись новые формы применения власти и реакции на конфликт. В условиях рабовладельческого и феодального строя способом урегулирования конфликтов было преимущественно применение силы сакральной властью, передаваемой по наследству. Поведение конфликтантов прошлых веков почти всегда характеризовалось стремлением к превосходству над другими, к достижению поставленных целей насильственными и жестокими методами. Определяющим фактором того времени было постоянное фокусирование на силу и власть, скрытое за «приятным» поведением. В набор используемых средств входили не только интриги и заговоры, но и отравления, и убийства своих оппонентов, воспринимавшихся в качестве врагов. Вместе с тем в целях достижения хотя бы краткосрочных выгод и побед над противниками изред-

⁶ См.: Шаленко В. Н. Указ. соч.

⁷ Под институционализированным посредничеством авторы понимают широкую сеть институтов – акторов, осуществляющих функцию урегулирования и профилактики конфликтов в различных предметных областях, а под медиацией – непосредственные техники такой деятельности в логике casestudy.

⁸ См.: Аллавердова О. В., Иванова Е. Н. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2-2. С. 73–77.

ка стали практиковаться переговоры. Голландский ученый В. Мاستенбрук так характеризует менталитет прошлых эпох: «Осознавая тот факт, что позиция их ненадежна, все эти деспоты и олигархи концентрировались лишь на мгновенных результатах: у них и мысли не возникало о ценности долгосрочной политики либо о необходимости создания, шаг за шагом, отношений, построенных на доверии»⁹.

Вместе с тем в Европе, в отличие от восточных «придворных» обществ, абсолютизм королевской или императорской власти не был настолько безграничным: соревновательность элит и государства порождала и делала необходимостью искусство ведения переговоров. Более того, стабильные союзы, основанные на относительном равенстве участников, становятся надежным источником силы и власти. Чем выше степень взаимозависимости государств, тем выше ценность переговоров как удобного средства установления стабильных и прочных межгосударственных связей. «Таким образом, благодаря наличию множества центров власти и силы гравитационное поле их взаимодействия все больше тяготело к равновесию, и рука об руку с вековыми попытками достичь доминантной позиции посредством насилия шел процесс обучения переговорам и компромиссу»¹⁰.

Изменения социально-экономической и политической систем влекло за собой изменения в структуре и организации общества, а вместе с этим возникала потребность в новых методах регулирования общественных отношений. Сегодня можно уверенно говорить о том, что доминирует стремление перейти от «войны» и иных насильственных форм урегулирования конфликтов к судебным формам разрешения ситуации, а затем от суда к иным, т.е. альтернативным методам урегулирования споров, которые позволяют максимально полно учитывать интересы каждой из сторон конфликта, а именно к переговорам и медиации. Было бы ошибкой считать, что привлечение нейтральных третьих лиц к урегулированию споров – это новая и необычная практика. Изменилось содержание самого процесса, а также формы межличностных отношений, что обусловило новые тенденции в самом процессе. Постепенная акцентуация индивидуальных интересов в демократически развитых обществах дала новый импульс развитию современных форм медиации. Сама идея медиации, естественно, позволяет шире и глубже рассмотреть ситуацию, принимая во внимание не только различные элементы конфликта, такие как его материальные аспекты, но и духовные и эмоциональные ценности противоборствующих сторон. Неслучайно в истории медиации религиозные деятели часто принимали активное участие и занимали осо-

⁹ Мاستенбрук В. Развитие переговорных умений в исторической перспективе // Социальный конфликт. 1994. № 1. С. 57.

¹⁰ Глухова А. В. Указ. соч. С. 219.

бое место в качестве посредников в различных процессах урегулирования конфликтов. В средневековой Европе церковь занимала особое место и играла значительную роль как в разрешении бытовых и семейных споров, так и в политических практиках урегулирования конфликтов. Во многих культурах религиозные медиаторы и сегодня продолжают играть важную роль в качестве посредников.

Например, в древних обществах Китая, Японии, в которых большую роль играла религия и философия, подчеркивалась ценность гармоничных человеческих отношений. На западные страны также оказало влияние историческое наследие древних цивилизаций: в Древней Греции широко использовался народный арбитраж, который больше напоминал медиацию, поскольку задействованное нейтральное лицо должно было убедить стороны прийти к согласию, а затем уже выносить окончательное решение. Современная модель медиации, распространенная во многих странах, основана на практике посредничества и примирения, принятой в США. Медиация в США возникла и получила широкое распространение после большого притока иммигрантов после Второй мировой войны. По мере развития экономики США споры между профсоюзами и работодателями по поводу условий оплаты труда становились все более острыми. В то время Министерство труда предложило свои услуги в качестве нейтрального посредника. Применение медиации доказало, что сложные ситуации, которые по разным причинам не могут быть разрешены в суде, могут быть урегулированы с помощью альтернативных процедур разрешения споров. В отличие от США, медиация как альтернативная суду процедура разрешения споров в Европе получила развитие и стала реальностью только в 1980-х годах. Однако процедуры очень сложны, а распространенность медиации в разных странах сильно различается. В то же время, как представляется, область применения этих практик очень широка и охватывает не только имущественные и коммерческие отношения, но и все аспекты межличностных отношений, необходимые для разрешения споров¹¹.

Россия: успехи и проблемы медиаторства. Применение примирительных процедур в России имеет давнюю историю. К посредничеству обращались для урегулирования конфликтов как внутри крестьянской общины, так и в «высшем свете». Например, в Древней Руси с помощью посредника предпринимались попытки решить княжеские междоусобицы; при этом посредником в конфликтных ситуациях часто выступали представители духовенства. Позднее были созданы социальные институты, которые стали согласовывать интересы различных социальных групп русского общества: Вече, Земский собор и др.

Посредничество использовалось и в международной сфере: начало реформ Петра I ознаменовалось установлением близких отношений

¹¹ См.: Ковач Кимберли К. Медиация : краткий курс. 2-е изд. М., 2013.

России с Европой и применением новых способов урегулирования конфликтов. Позже, в период реформ царя-освободителя Александра II, особую, медиативную культуру разрешения споров посредством диалога демонстрировали земства, появившиеся после отмены крепостного права.

В советское время исследование конфликтов внутри страны не приветствовалось, поскольку, согласно господствовавшей официальной идеологии, для конфликтов просто не было почвы. Вместе с тем известно, что в СССР они возникали и гасились давлением и контролем мощного государственного аппарата. Но при этом институт переговоров и посредничества все-таки использовался, преимущественно на международной арене, в силу чего можно говорить о том, что международное посредничество являлось неотъемлемой частью работы советских дипломатов.

С середины 1980-х годов в стране произошли масштабные социальные и демократические изменения, что увеличивало необходимость в общественном диалоге. Конфликтные ситуации в политической, социальной, экономической и других сферах общественной жизни нуждались в практических способах разрешения¹². Вместе с тем основной проблемой транзитивных обществ, подобных российскому, являлись институциональные дефициты («уклонения от определенности»), т.е. отказ от следования четким и определенным «правилам игры», разделяемым всеми участниками социального взаимодействия. По мнению ряда авторов, институциональные дефициты являются осознанным выбором россиян, разделяемым в большей или меньшей степени как большинством общества, так и правящей элитой. Другая точка зрения состоит в том, что общество в большинстве своем заинтересовано в выработке и функционировании пусть и жестких, но определенных и равнообязательных правил социального и политического взаимодействия, но при этом тяготеет к консервативным и авторитарным формам как наиболее привычным и понятным в силу прочности досоветского и советского авторитарного наследия. Сказанное подтверждается, например, трудностями установления «правил игры» в сфере трудовых отношений, когда производственные забастовки 1989–1991 годов, прокатившиеся по России, показали неумение и нежелание конфликтующих сторон искать компромисс. «Напротив, установка бастующих на победу любой ценой сочеталась с агрессивностью их группового поведения, в то время как руководители предприятий проявляли одностороннюю уступчивость или ответную конфронтацию», – отмечает В. Г. Шаленко¹³. Что касается бизнес-ассоциаций, то их взаимодействие с властными структурами отличалось большей гибкостью, поведение было в большей степени рационально и пра-

¹² См.: Карпенко А. Д. Особенности российского медиаторства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2001. Вып. 3.

¹³ Шаленко В. Н. Указ. соч. С. 190.

гматично, что приводило к постепенному установлению формализованных правил, институционализации посреднических практик.

В 1990-е годы осознание необходимости в изучении новых альтернативных методов урегулирования споров существовало уже на уровне структур государства: в Москву была приглашена большая группа известных медиаторов для помощи в обучении медиативным практикам российских коллег. Впоследствии в 1992 году в Санкт-Петербурге была создана специальная программа по конфликтологии, которая внесла свой вклад в становление медиации в России. В 1993 году был основан первый в России Центр разрешения конфликтов (ЦРК), где медиаторы начали работать с межличностными конфликтами, адаптируя американские приемы медиации к российским реалиям и особенностям культуры¹⁴.

Со стороны государства также предпринимались инициативы в области развития альтернативных способов и процедур разрешения споров. В 2010 году был принят и с 1 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹⁵, разработанный для обеспечения правовых условий применения практики альтернативных методов урегулирования споров, а также регулирования действий независимого посредника – медиатора. В законе сформулирована стратегическая цель медиации, состоящая в том, чтобы формировать социальную среду для разрешения разного рода конфликтов, возникающих в обществе. Основной же медиационной задачей становится досудебное разрешение конфликтов.

Указанный закон достаточно четко, хоть и не без изъянов, регулирует правоотношения, возникающие в связи с осуществлением медиации. В частности, установлено, что итогом процедуры медиации служит медиативное соглашение, которое заключается в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения. Правительством России утвержден и профессиональный стандарт медиатора. Важным моментом является то, что ответственность за достижение соглашения лежит на самих сторонах, у медиатора нет полномочий решать проблемы вместо контрагентов спора.

Со стороны аналитиков и практиков медиации критику вызывает ст. 15 п. 1 Закона: «Деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе». Последнее трактуется как известное доверие непрофессионалам, т.е. ди-

¹⁴ См.: Аллаhverдова О. В., Иванова Е. Н. Указ. соч. С. 73–77.

¹⁵ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федер. закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ (в ред. Федерального закона от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ).

летантам, стирающее значительные содержательные различия между любителем и профессионалом¹⁶. Поскольку и любитель, и профессионал получают равное право заниматься этой деятельностью, постольку снижается планка требований к уровню профессиональной подготовки медиатора, а значит и шансы достижения соглашения и примирения сторон на взаимовыгодной основе. Другим спорным моментом Закона является запрет оказания медиатором помощи (в первую очередь юридической), что, по мнению критиков, подрывает весь интерес к медиации в целом¹⁷.

Невзирая на достаточно продолжительный период существования медиации в российской практике, она все еще остается недостаточно востребованной и малоизвестной процедурой для широких слоев населения. Препятствия к тому имеют множественный характер и заключаются в целом ряде факторов: влиянии исторического прошлого, традиции силового разрешения многих конфликтов; институциональных ограничениях, налагаемых властью на различные формы автономной общественной активности; в специфике общей и политической культуры, не ориентированной на компромиссы и поиск консенсуса, и т.д. Между тем именно культурный фактор приобретает все большее значение в практиках межкультурной коммуникации и медиации и привлекает к себе повышенное внимание исследователей¹⁸. В целом же проделана большая работа в направлении развития института медиации и его широкой применимости в разных сферах жизни современной России.

Библиографический список

Аллахвердова О. В. История развития медиации / О. В. Аллахвердова, Е. Н. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2007. – Вып. 2, ч. II. – С. 7–77.

Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Х. Бесемер. – Калуга : Духовное познание, 2004. – 176 с.

Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.

Давыденко Д. Л. Как избежать судебного разбирательства: посредничество в бизнес-конфликтах / Д. Л. Давыденко. – М. : ИД «Секрет фирмы», 2006. – 168 с.

¹⁶ См.: Цой Л. Н., Иванов О. Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. 2016. № 10. С. 71.

¹⁷ См.: Там же. С. 71–72.

¹⁸ См.: Иванова Е. Н., Петрова Н. В. Теоретические основы медитативно-переговорных технологий урегулирования конфликта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.412>; Куликова Л. В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16(2). URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.206>

Дикарев А. Д. Древнекитайская философия на службе внешней политики КНР: директивы и трактовки / А. Д. Дикарев, Сюэсун Фань // ПОЛИС. Политические исследования. – 2023. – № 5. – С. 106–119.

Иванова Е. Н. Теоретические основы медитативно-переговорных технологий урегулирования конфликта / Е. Н. Иванова, Н. В. Петрова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2022. – Т. 38. – Вып. 4. – С. 581–593. – URL : <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.412>

Карпенко А. Д. Особенности российского медиаторства / А. Д. Карпенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – 2001. – Вып. 3. – С. 25–28.

Кузьмина М. Н. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов : учеб. пособие / М. Н. Кузьмина. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. – 272 с.

Ковач Кимберли К. Медиация : краткий курс / Кимберли К. Ковач ; пер. с англ. [Носырева Е. И. и др.]. – 2-е изд. – М. : Инфотропик Медиа, 2013. – 287 с.

Куликова Л. В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования / Л. В. Куликова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – № 16(2). – С. 245–258. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.206>

Мастенбрук В. Развитие переговорных умений в исторической перспективе / В. Мастенбрук // Социальный конфликт. – 1994. – № 1. – С. 52–78.

Назукина М. В. Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации / М. В. Назукина. – М. : Новый Хронограф, 2021. – 176 с.

Нельсон Р. М. Мировые достижения в области разрешения конфликтов / Р. М. Нельсон // Третейский суд. – 2000. – № 5. – С. 56–63.

Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США / Е. И. Носырева. – М. : Издательский дом «Городец», 2005. – 319 с.

Цой Л. Н. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия / Л. Н. Цой, О. Б. Иванов // Власть. – 2016. – № 10. – С. 69–75.

Шаленко В. Н. Трудовые конфликты: методология, теория и управление : монография / В. Н. Шаленко. – М. : АПК и ППРО, 2008. – 322 с.

Этнические мигранты в принимающем обществе / под ред. В. Н. Петрова. – Краснодар : Изд-во «Просвещение-Юг», 2005. – Ч. 1, Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии. – 205 с.

Dahrendorf R. Zueiner Theorie dessozialen Konflikts / R. Dahrendorf // Zapf W. Theorien dessozialen Wandels / W. Zapf. – Konigstein, 1979. – Pp. 108–123.

References

Allahverdova O. V. History of the development of mediation / O. V. Allahverdova, E. N. Ivanova // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6, Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations. – 2007. – Issue 2, part II. – Pp. 73–77.

Besemer X. Mediation. Mediation in conflicts / X. Besemer. – Kaluga : Duchovnoye znaniye, 2004. – 176 p.

Glukhova A. V. Political conflicts: foundations, typology, dynamics (theoretical and methodological analysis) / A. V. Glukhova. – Ed. 2nd. – М. : Book house “LIBRO-KOM”, 2010. – 280 p.

Davydenko D. L. How to avoid litigation: mediation in business conflicts / D. L. Davydenko. – М. : Publishing House Secret Firmy, 2006. – 168 p.

Dikarev A. D. Ancient Chinese philosophy in the service of foreign policy of the PRC: directives and interpretations / A. D. Dikarev, Xuesong Fan // POLIS. Political studies. – 2023. – No. 5. – Pp. 106–119.

Ethnic migrants in the host society / ed. V. N. Petrova. – Krasnodar : Publishing house “Prosveshchenie-Yug”, 2005. – Part 1, Methodology and theory of research into tolerance and migrant phobia. – 205 p.

Ivanova E. N. Theoretical foundations of meditative and negotiation technologies for conflict resolution / E. N. Ivanova, N. V. Petrova // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology. – 2022. – Vol. 38, issue 4. – Pp. 581–593. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.412>

Karpenko A. D. Features of Russian mediation / A. D. Karpenko // Bulletin of St. Petersburg University. – Ser. 6, issue 3. – 2001. – Pp. 25–28.

Kovacs Kimberly K. Mediation: a short course / Kimberly K. Kovacs ; lane from English [Nosyreva E. I. and others]. – 2nd ed. – М. : Infotropik Media, 2013. – 287 p.

Kulikova L. V. Discourse of intercultural mediation: a conceptual research model / L. V. Kulikova // Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature. – 2019. – No. 16(2). – Pp. 245–258. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.206>

Kuzmina M. N. Alternative forms of resolving legal conflicts : textbook / M. N. Kuzmina. – Stavropol : Stavropol serviceshkola, 2001. – 272 p.

Mastenbroek V. Development of negotiation skills in a historical perspective / V. Mastenbroek // Social conflict. – 1994. – No. 1. – Pp. 52–78.

Nazukina M. V. Ethnicity in identity politics Russian republics: facets of institutionalization / M. V. Nazukina. – М. : Novy chronograph, 2021. – 176 p.

Nelson R. M. World achievements in the field of conflict resolution / R. M. Nelson // Arbitration Court. – 2000. – No. 5. – Pp. 56–63.

Nosyreva E. I. Alternative dispute resolution in the USA / E. I. Nosyreva. – М. : Publishing house “Gorodets”, 2005. – 319 p.

Shalenko V. N. Labor conflicts: methodology, theory and management : monograph / V. N. Shalenko. – М. : APK and PPRO, 2008. – 322 p.

Tsoi L. N. Mediation and conflictology: methodological and subject-content differences / L. N. Tsoi, O. B. Ivanov // Power. – 2016. – No. 10. – Pp. 69–75.

Dahrendorf R. Zu einer Theorie des sozialen Konflikts / R. Dahrendorf // Zapf W. Theorien des sozialen Wandels / W. Zapf. – Königstein, 1979. – Pp. 108–123. [In Germ.]

Для цитирования:

Глухова А. В., Пельтихина Е. А. Институционализированное посредничество и медиация как механизм профилактики конфликтной деструкции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 32–47.

Recommended citation:

Glukhova A. V., Peltikhina E. A. Institutionalized intermediation and mediation as a mechanism for preventing conflict destruction // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 32–47.

Сведения об авторах

Глухова Александра Викторовна – профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, доктор политических наук, профессор

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Пельтихина Евгения Александровна – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Information about authors

Glukhova Aleksandra Viktorovna – Professor at the Sociology and Political Science Department of Voronezh State University, Doctor of Political Sciences, Full Professor

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Peltikhina Yevgeniya Aleksandrovna – Senior Lecturer at the Sociology and Political Science Department of Voronezh State University

E-mail: soc@hist.vsu.ru

КОНФЛИКТ, СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОБЛЕМА ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА ПОСРЕДСТВОМ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В. В. Гурьев, В. А. Затонский

Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове

Поступила в редакцию 7 марта 2024 г.

Аннотация: предмет статьи – отношения в государственно-правовой жизни, направленные на минимизацию ее конфликтности и расширение сферы сотрудничества. Цель работы заключается в исследовании важнейших аспектов государственно-правовой жизни, выявлении путей ее оптимизации. Основное внимание сконцентрировано на таком аспекте, как минимизация конфликтности общественных отношений и расширение пространства сотрудничества с помощью правотворческой политики. Сформулированы выводы о том, что: а) посредством правотворческой политики ее субъекты призваны выявлять, отображать в законе согласованные интересы и через государственные институты обеспечивать условия для их удовлетворения; б) успешное решение проблемы согласования интересов выступает своеобразным превентивно-защитным механизмом против применения в законодательной деятельности технологий, направленных на умаление интересов (прав) граждан.

Ключевые слова: право, правовая политика, правовая жизнь, государство, государственно-правовая жизнь, конфликт, сотрудничество, кооперация, согласованный интерес.

CONFLICT, COOPERATION AND THE PROBLEM OF OPTIMIZING THE STATE-LEGAL LIFE OF SOCIETY THROUGH LAW-MAKING POLICY

V. V. Gurjev, V. A. Zatonsky

*Volga Region Institute (branch) of All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov*

Abstract: the subject of the present article is the relations in the state-legal life, aimed at minimizing its conflict and expanding the scope of cooperation.

© Гурьев В. В., Затонский В. А., 2024

The purpose of the work is to study the most important aspects of state-legal life and to identify options of its optimization. The author focuses the main attention on such an aspect as minimizing the conflict of public relations and expanding the space of cooperation by means of law-making policy. The author concludes that: a) through law-making policy, its entities are due to identify, reflect the agreed interests in the law and, through state institutions, provide conditions for their satisfaction; b) the successful solution of the problem of harmonization of interests acts as a kind of preventive-protective mechanism against the use in legislative activity of technologies aimed at diminishing the interests (rights) of citizens.

Key words: law, legal policy, legal life, state, state-legal life, conflict, cooperation, coordinated interest.

В современных условиях все более явной становится необходимость активизации научного поиска в сфере государства и права, возрастает потребность в развитии теоретико-правовой науки, обогащении более совершенными, максимально сопряженными с существующими реалиями знаниями, методологическими подходами, наиболее продуктивным инструментарием. Юридическая наука, так же как и другие обществоведческие дисциплины, стала прирастать свежими теориями, концепциями, новым категориальным ресурсом.

В теоретико-правовой науке такими знаниями стали теории, выраженные категориями «правовая политика»¹ и «правовая жизнь»². Примечательно, что они были введены в категориальный аппарат теории права практически одновременно. И это вполне обоснованно. Ведь одна без другой данные категории (и социальные реалии) существовать не могут; отрицание одной из них лишает всякого смысла другую. Правовая жизнь – объект правовой политики³.

Безусловно, никакая общественная жизнь невозможна без государства: ни экономическая, ни культурная, ни, тем более, политическая и правовая. Государство – наиболее важный и действенный субъект правовой сферы, всей общественной организации, оно формирует условия

¹ См.: Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права : монография / под ред. Н. Н. Вовленко. Волгоград, 2009; Малько А. В. Теория правовой политики : монография. М., 2012; Правовая политика как способ модернизации правовой системы общества : монография / под ред. А. В. Малько. М., 2019; и др.

² См.: Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты : монография / под ред. А. В. Малько. М., 2016; Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики : монография / под ред. А. В. Малько. М., 2016; Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив : коллективная монография / под ред. А. В. Малько, В. В. Трофимова. Тамбов, 2021; Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации : монография / под ред. А. В. Малько. М., 2023; и др.

³ См.: Малько А. В., Трофимов В. В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации : монография. М., 2020.

для эволюции правовой жизни, поскольку само нуждается именно в такой организации своего бытия. Именно такой статус государства в наибольшей мере отвечает той повышенной роли, которая отведена ему современными вызовами, порожденными внутригосударственными и мировыми процессами, дестабилизирующими жизнь общества. Подобного рода процессы и явления четко обозначены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г.⁴

Государство – особенный, уникальный субъект правовой жизни, непосредственно воздействующий на все ее стороны путем выработки и применения управленческого инструментария, закрепляемого в правовых актах. В более широком контексте государство выступает организатором, изначальным «движителем» всей правовой жизни общества.

Государство в правовой жизни выступает как особый ее участник. Оно само по себе функционирует в механизме правовой жизни, «живет» в правовой сфере общества. Именно в правовой жизни государства, прежде всего, отражается весьма сложно развивающаяся и противоречивая юридическая действительность, неразрывная связь многообразных правовых явлений со всеми другими сферами жизнедеятельности общества – политической, экономической, духовной, религиозной, нравственной и т.п.

Получается, что правовая жизнь государства и его органов проявляется, в конечном счете, в обеспечении эффективного функционирования как самого государственного механизма, так и всех других субъектов, системы отечественной государственности в целом. Государство – институт политической власти, изначально призванный обеспечить управление обществом, выстраивающий для этого правовую систему, а жизнь социума – это то пространство, в котором происходят соответствующие процессы, реализуется главный из этих процессов – властвование, управление.

При этом государство и право как активно действующие, ведущие субъекты стремительно развивающейся и противоречивой жизни современного общества должны рассматриваться диалектически, в разнообразном взаимодействии и взаимном влиянии как между собой, так и с обществом, объединениями граждан. Поэтому, как справедливо отмечается в научной литературе, наряду с правовой жизнью – достаточно устоявшейся категорией – необходимо использовать и понятие государственно-правовой жизни⁵.

⁴ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (Часть II). Ст. 5351.

⁵ См. подробнее: Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты... С. 217–254; Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации... С. 87–107; Малько А. В., Трофимов В. В. Указ. соч. С. 44–48.

Государственно-правовая жизнь общества – это важнейший, относительно самостоятельный уровень социальной жизни, выражающийся преимущественно в соответствующих правовых актах, правообразующих и правореализационных правоотношениях, в непосредственном управлении, характеризующий специфику и уровень государственной организации данного общества, отношение субъектов к государству, его органам и должностным лицам, а также степень обеспеченности их прав, свобод и законных интересов.

Государственно-правовая жизнь современного российского общества (объект правовой политики) находится в постоянном неуравновешенном (турбулентном) состоянии. Это проявляется как на уровне межличностного правового взаимодействия, в локально-корпоративном сегменте (микроуровень), в правовой жизни деловых (бизнес) структур, общественных формирований, муниципалитетов (средний социальный уровень), так и на макросоциальном уровне, включая крупные социальные общности, государства, глобальное пространство. Более того, состояние нестабильности в наше время присуще многим сферам жизни общества. Абсолютно умиротворенных, беспроблемных в конфликтно-сотрудническом контексте обществ совсем немного, да и те, как правило, находятся под натиском окружающего негатива. В современной научной обществоведческой литературе даже появился обозначающий такое состояние социума термин – «глобальное общество риска»⁶.

Такое двуединое присутствие в государственно-правовой жизни негатива и позитива – явление объективное. Однако часто возникающее преобладание негативных проявлений с особой остротой ставит вопрос об исправлении подобной ситуации на всех уровнях: локальном, региональном, глобальном. Все это с неизбежностью означает существенное возвышение роли права, которое, как подчеркивает В. Д. Зорькин, – единственная альтернатива силовому сценарию, полностью «приемлемая для всех моделей глобализации»⁷, незаменимый способ решения социальных проблем (во взаимодействии с другими социальными регуляторами – морально-нравственными, религиозными и т.п.). В этом, по сути, и заключается миссия права как феномена человеческой цивилизации. Данная миссия права при этом может быть успешно выполнена только в неразрывной связи с социальным контекстом. Право должно представлять собой не просто доступный для прочтения и понимания текст, а эффективно действующую, четко целенаправленную систему правовых средств и

⁶ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М., 2000; Трофимов В. В., Свиридов В. В. Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований) : монография. Тамбов, 2017.

⁷ См.: Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен : монография. М., 2013. С. 395.

механизмов. Выстроить такую систему можно, только поняв глубинные социальные закономерности правовой материи.

Безусловно, полностью избавить государственно-правовую жизнь общества от конфликтных проявлений невозможно. Необходимо добиться минимизации конфликтности общественных отношений и расширить тем самым пространство сотрудничества.

Одним из наиболее эффективных вариантов решения данной задачи, на наш взгляд, является использование комплекса средств, которыми располагает правотворческая политика, – «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества, на создание необходимых условий для эффективной правотворческой работы»⁸. Правотворческая политика есть путь к усовершенствованию правотворчества, к его оптимизации.

Государственно-правовая жизнь общества – тот феномен, который крайне продуктивно рассматривать через отношения конфликта и сотрудничества, т.е. с позиции коммуникативного подхода. И на первом месте здесь отношения правотворчества. Ведь именно с правотворчества начинается жизнь права, и от него зависит, какой будет вся государственно-правовая жизнь общества. Правотворческая политика занимает особое место в комплексе форм реализации общей правовой политики. Более того, зачастую «правовая политика при всем многообразии характеристик и определений понимается и воспринимается в обществе, прежде всего, как политика правотворческая»⁹.

Конфликтно-сотрудническая проблематика вовсе не чужда правотворческой политике. В науке существует позиция, согласно которой наиболее приемлемым является исследование правотворческой политики через отношения конфликта и сотрудничества, т.е. «в логике коммуникативного подхода»¹⁰. Обусловлено это тем, что, во-первых, правотворчество – важнейшая, базовая часть государственно-правовой жизни общества; именно с правотворчества начинается жизнь права, а, следовательно, и вся государственно-правовая жизнь данного социума. И, во-вторых, одной из ключевых задач правотворческой политики (в практической плоскости) выступает расширение сферы сотрудничества и минимизация конфликтных ситуаций в государственно-правовой жизни.

⁸ Правотворческая политика в современной России : курс лекций / под ред. А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 18.

⁹ См.: Поленина С. В. Правотворческая политика // Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2003. С. 180.

¹⁰ См.: Трофимов В. В. Конфликт и сотрудничество как объективная основа правообразовательного процесса // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2010. № 2. С. 5–13.

Выработка выверенных и эффективных правотворческих решений требует выявления, тщательного изучения и учета тех движущих сил, которые запускают действие механизмов правообразования, обеспечивают их успешную работу. Это необходимо, прежде всего, для подбора в ходе правотворческой деятельности наиболее подходящих для той или иной ситуации правовых инструментов. А для того, чтобы найденный инструментарий в полной мере соответствовал прогнозируемым социально-правовым ситуациям, «творцы права» должны выявлять социально-правовые интересы, которыми вызваны указанные ситуации. Именно «интересы» выступают реальным показателем, критерием того, что необходимые условия для конструирования комплекса применимых к данным случаям юридических инструментов сложились. Конкретизируясь в интересах, условия жизни становятся мотивами для разработки конкретных правотворческих решений; начинается, как отмечается в научной литературе, субъективный этап процесса образования права, запускается действие механизма выражения интересов в позитивном праве¹¹.

Проблема согласования интересов небезразлична, естественно, правотворческой политике. Их необходимо согласовывать для того, чтобы принимать сбалансированные правовые акты, учитывающие в равной степени интересы и притязания разных участников государственно-правовой жизни.

Между тем, не всякие интересы образуют базовую, отправную идею формирования и развития права, его основу. В рассматриваемом контексте нужны только те из них, которые обладают особыми свойствами, дающими основание признать их правообразующими интересами. В. И. Червонюк полагает, что к ним относятся «такие интересы, которые: во-первых по своим свойствам объективно должны находить отражение в праве – интересы социально типичные, массовидные, проявляющиеся или имеющие устойчивую тенденцию к проявлению (формированию и реализации) и получающие вследствие этого выражение в деятельности, общественных отношениях (правоотношениях). Их носителями выступают не отдельные индивиды, а множество социальных субъектов; во-вторых, не могут быть реализованы без привлечения правовых средств. Правовой инструментарий необходим для того, чтобы цивилизованным путем обеспечить взаимодействие, а равно разрешить противоречия конкурирующих интересов, разграничив их в нормах права и тем самым ограничить распространение одних и стимулировать реализацию других интересов»¹². Для законодате-

¹¹ См.: Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве : монография. М., 2012. С. 29–32.

¹² Червонюк В. И. Правообразование, правообразующие интересы, законодательные технологии и техника: проблема взаимосвязей в контексте современной социогуманитарной концепции права // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 621.

ля правообразующим (нормообразующим) является интерес, «представляющий собой результат согласования интересов различных участников общественных отношений»¹³.

Таким образом, согласованный интерес – это и есть пусковой механизм правообразования, и позиционируется он в том пространстве, в пределах которого разнообразные социальные интересы как раз и могут быть согласованы и реализованы в соответствии с общей для них нормой права. Отсюда задача законодателя состоит в том, чтобы обнаружить указанное пространство правообразующего интереса и обозначить его, выработав соответствующую правовую норму.

Изложенные рассуждения, связанные с конфликтно-кооперационным соотношением между социально-правовыми интересами и притязаниями в правотворческой политике, напрямую согласуются с теорией и практикой выстраивания правовой государственности. Речь идет о том, что посредством инструментария правотворческой политики ее субъекты призваны выявлять, закреплять в законе согласованные интересы и через властные структуры обеспечивать их удовлетворение. Способность государства выступать инструментом защиты общих (согласованных) интересов является показателем его демократизма, эффективности и социальной значимости. Государство призвано всеми своими средствами и механизмами, в числе которых на передних рубежах правотворческой политики, служить консолидации общества, нейтрализовать его конфликтность и через механизмы законодательной власти выражать достигнутое согласие в законодательстве.

Получается, что эффективность в деле согласования интересов становится специфическим защитно-профилактическим средством, противостоящим проникновению в правотворческую практику технологий, создающих препятствия для реализации прав и свобод человека и гражданина. Именно в таком контексте должна формироваться главная парадигма современной правотворческой политики. Ее основа – положение о том, что подлинно правовыми (всеобщими) могут стать лишь те интересы, которые объективно, обладая качеством правообразующего интереса, посредством политико-правовых механизмов, технико-юридических средств и законодательных технологий согласования получают выражение во вновь принимаемых законодательных решениях.

Кроме того, есть еще одно такое же важное, а потому обязательное требование к формированию законодательства с учетом общего (согласованного) интереса: данная работа должна осуществляться с привлечением (прямым либо косвенным, опосредованным) к законотворчеству носителей согласуемых интересов. Это может происходить через институты референдума, учета общественного мнения, общественных обсу-

¹³ Лапаева В. В. Социология права : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2004. С. 173.

ждений законопроектов, независимой социальной экспертизы, разнообразные формы гражданских инициатив, а равно взаимодействия с политическими партиями, способными выступать выразителями социальных ожиданий и притязаний разных групп людей, продвигать эти ожидания и притязания в законодательные решения.

Изложенные положения вполне применимы к конфликтным ситуациям, возникающим в различных областях государственно-правовой жизни (уголовно-правовой сфере, экологии, семье, гражданском обороте, непосредственно в правотворческом процессе и т.д.), в контексте их соотношения с правовыми регуляторами, опосредующими данные сферы. Главная задача императивных норм, негативных (ограничивающих) правовых средств, вырабатываемых в ходе конфликта и ориентированных на применение в сложившейся реальной ситуации – зафиксировать действительный статус конфликтующих субъектов, четко определить дистанцию между ними и, в конечном счете, обеспечить должную упорядоченность в системе взаимодействий и ее внутреннюю эффективность.

Полностью устранить конфликтное противостояние невозможно, как невозможно лишить отдельных субъектов свободы волеизъявления. Отраслями и институтами права, рассчитанными на конфликтные отношения, можно считать уголовное право, нормы об административных правонарушениях, отдельные институты экологического, трудового, семейного права, процессуальных отраслей, некоторые субинституты гражданского права и т.д. Главный регулятивный смысл упомянутых отраслей, институтов и составляющих их норм – перевод конфликтной ситуации в правовую форму. Правильное применение данного комплекса средств влияет на оформление и протекание конфликтных ситуаций, их институционализацию. В связи с этим В. С. Нерсисянц, подчеркивая позитивное значение перевода социального конфликта в правовую форму, писал: «Юридизация конфликта... не подчиняет себе жизнь, не унифицирует разные интересы... а лишь выражает необходимые общие условия... для равного... справедливо согласованного... по общей норме внешнего проявления этих различий»¹⁴.

Поэтому в концепции правотворческой политики важно предусмотреть механизм выявления такого потенциала правовых норм, который выражает конфликтные типы взаимодействия индивидов. Это позволит не только правильнее понимать природу правовых норм, но и своевременно открывать правотворческий процесс для компетентных действий, решать вопросы создания правовых норм, сориентированных на различ-

¹⁴ Юридический конфликт: процедуры разрешения : коллективная монография / О. В. Бойков, Н. В. Варламова, Ю. А. Веденеев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1995. С. 29, 55.

ные социальные конфликтные ситуации ранее, чем масштаб конфликта достигнет чрезмерно негативной величины.

Конфликтам противостоят сотрудничество, кооперация, согласие, солидарность. Характер этих явлений обусловлен рядом общих объективных причин, связанных, главным образом, со стремлением людей жить без вражды, взаимодействовать друг с другом на мирных, взаимовыгодных началах. Корпоративная среда – это нравственный правовой источник, который обеспечивает объединившихся и взаимодействующих на основе сотрудничества индивидов установленными правилами, а также способами их применения. Мирные отношения между людьми рождают свои правовые формы, средства, юридические конструкции, адекватные этим отношениям правовые институты, комплексы, элементы которых могут концентрироваться в различных правовых источниках. Все эти элементы составляют право, которое обеспечивает взаимно согласующиеся интересы участников правового обмена и приобретает базовые свойства и качества исходя из этой социальной солидарности.

Этому типу социальных взаимодействий соответствует другой способ реагирования со стороны правовой политики – солидарные правовые формы, т.е. пакты, меморандумы о намерениях к сотрудничеству, договоры и т.п., а равно – позитивные правовые средства (дозволения, правовые стимулы и др.). Благодаря использованию указанных форм и средств в обществе поддерживаются и оптимизируются мирные отношения. Речь идет о системе права, которая сориентирована на развитие отношений сотрудничества, а значит – общественного прогресса.

Подводя итог изложенным размышлениям, отметим, что правовое сотрудничество – тот ресурс оптимизации государственно-правовой жизни (и на национальном уровне, и для развития миропорядка в целом), который следует использовать более активно в сравнении с тем, как это происходит в наши дни. В этом должны быть заинтересованы все участники государственно-правовой и политической жизни. Данное обстоятельство должна учитывать и правовая политика в целом, и правотворческая политика как важнейшая ее разновидность и ведущая форма реализации.

Процесс выработки права (и правотворчество как его центральную часть) необходимо вывести на уровень правотворческой политики, которая требуется для выстраивания непротиворечивого, внутренне единого, согласованного, последовательного правотворческого процесса, для внесения в него системности, юридической точности и красоты. Правотворческая политика есть деятельность, связанная с содействием правотворческому процессу, с созданием условий для его результативного осуществления, с формированием качественной системы законодательства.

Достижение желаемых результатов – минимизации конфликтности и расширения сферы сотрудничества в государственно-правовой жизни об-

щества – архисложная задача. Подлинно научный путь к ее решению требует комплексного и всестороннего анализа как конфликтного типа социального взаимодействия, так и отношений, основанных на сотрудничестве.

Оптимально организованная государственно-правовая жизнь – это социально и духовно раскрепощенное пространство для всех субъектов, в том числе и для государства. Все действующие в данном пространстве субъекты доверяют своей власти не потому, что боятся ее, а потому, что власть при этом – самый законопослушный компонент. Любые призывы к законопослушанию без этого условия бессмысленны и бездейственны. Именно неукоснительная законность, законопослушность государственной власти, ее твердость, но никак не авторитарность, не «диктаторство» – характерные признаки, отличающие высокое качественное состояние государственно-правовой жизни общества.

Все это, как представляется, позволит активнее и, главное, результативнее продвигаться к достижению одной из наиболее общественно значимых и ценных в современных условиях целей – минимизации конфликтности и расширению сферы сотрудничества в государственно-правовой жизни общества.

Библиографический список

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.

Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен : монография / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2013. – 495 с.

Лапаева В. В. Социология права : учебник / под ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Норма, 2004. – 287 с.

Малько А. В. Теория правовой политики : монография / А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 325 с.

Малько А. В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации : монография / А. В. Малько, В. В. Трофимов. – М. : Юстиция, 2020. – 236 с.

О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27, ч. II. – Ст. 5351.

Поленина С. В. Правотворческая политика / С. В. Поленина // Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М. : Норма, 2003. – 520 с.

Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации : монография / под ред. А. В. Малько. – М. : Юстиция, 2023. – 392 с.

Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики : монография / под ред. А. В. Малько. – М. : Проспект, 2016. – 488 с.

Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив : коллективная монография / под ред. А. В. Малько, В. В. Трофимова. – Тамбов : ИД «Державинский», 2021. – 571 с.

Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты : монография / под ред. А. В. Малько. – М. : Проспект, 2016. – 354 с.

Правовая политика как способ модернизации правовой системы общества : монография / под ред. А. В. Малько. – М. : Институт государства и права РАН, 2019. – 256 с.

Правотворческая политика в современной России : курс лекций / под ред. А. В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2022. – 472 с.

Придворов Н. А. Правообразование и правообразующие факторы в праве : монография / Н. А. Придворов, В. В. Трофимов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 399 с.

Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права : монография / В. А. Рудковский ; под ред. Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2009. – 334 с.

Трофимов В. В. Конфликт и сотрудничество как объективная основа правообразовательного процесса / В. В. Трофимов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2010. – № 2. – С. 5–13.

Трофимов В. В. Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований) : монография / В. В. Трофимов, В. В. Свиридов. – Тамбов : ТГУ, 2017. – 138 с.

Червонюк В. И. Правообразование, правообразующие интересы, законодательные технологии и техника: проблема взаимосвязей в контексте современной социогуманитарной концепции права / В. И. Червонюк // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 614–631.

Юридический конфликт: процедуры разрешения : коллективная монография / О. В. Бойков, Н. В. Варламова, Ю. А. Веденеев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Изд-во РАН, 1995. – 159 с.

References

Beck U. Risk Society. On the way to another modernity / W. Beck. – М. : Progress-traditsija, 2000. – 381 p.

Chervonyuk V. I. Legal formation, law-forming interests, legislative technologies and technology: the problem of interrelations in the context of the modern socio-humanitarian concept of law / V. I. Chervonyuk // Legal technology. – 2012. – No. 6. – Pp. 614–631.

Lapaeva V. V. Sociology of law : textbook / ed. By V. S. Nersesyants. – М. : Norma, 2004. – 287 p.

Lawmaking policy in modern Russia : a course of lectures / ed. A. V. Malko. – 3rd ed., revised. and additional. – М. : Prospekt, 2022. – 472 p.

Legal conflict: resolution procedures : collective monograph / O. V. Boykov, N. V. Varlamova, Yu. A. Vedeneev [et al.] ; resp. ed. V. N. Kudryavtsev. – М. : Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1995. – 159 p.

Legal life of modern Russian society: levels, sections, segments : monograph / ed. A. V. Malko. – М. : Prospekt, 2016. – 354 p.

Legal life of modern society: negative and positive : collective monograph / ed. by A. V. Malko, V. V. Trofimova. – Tambov : Publishing House “Derzhavinsky”, 2021. – 571 p.

Legal life of society and a single legal space in the Russian Federation : monograph / edited by A. V. Malko. – М. : Justice, 2023. – 392 p.

Legal life of society: problems of theory and practice : monograph / ed. by A. V. Malko. – М. : Prospekt, 2016. – 488 p.

Legal policy as a way to modernize the legal system of society : monograph / ed. A. V. Malko. – М. : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2019. – 256 p.

Malko A. V. Theory of legal policy : monograph / A. V. Malko. – М. : Yurli-tinform, 2012. – 325 p.

Malko A. V. Legal life of society as an object of legal policy in the conditions of globalization and regionalization : monograph / A. V. Malko, V. V. Trofimov. – М. : Justice, 2020. – 236 p.

On the national security strategy of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021. No. 400 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27, part II. – Art. 5351.

Polenina S. V. Law-making policy / S. V. Polenina // Russian legal policy : a course of lectures / edited by N. I. Matuzov and A. V. Malko. – М. : Norma, 2003. – 520 p.

Pridvorov N. A. Legal formation and law-forming factors in law : monograph / N. A. Pridvorov, V. V. Trofimov. – М. : Norma : INFRA-M, 2012. – 399 p.

Rudkovsky V. A. Legal policy and implementation of law : monograph / V. A. Rudkovsky ; ed. N. N. Voplenko. – Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. – 334 p.

Trofimov V. V. Conflict and cooperation as an objective basis of the legal process / V. V. Trofimov // Electronic supplement to the Russian Legal Journal. – 2010. – No. 2. – P. 5–13.

Trofimov V. V. Legal science and communicative theory of society (to the problem of modernization of the socio-philosophical foundations of legal research) : monograph / V. V. Trofimov, V. V. Sviridov. – Tambov : TSU, 2017. – 138 p.

Zorkin V. D. Law in the context of global changes : monograph / V. D. Zorkin. – М. : Norma, 2013. – 495 p.

Для цитирования:

Гурьев В. В., Затонский В. А. Конфликт, сотрудничество и проблема оптимизации государственно-правовой жизни общества посредством правотворческой политики // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 48–60.

Recommended citation:

Gurjev V. V., Zatonsky V. A. Conflict, cooperation and the problem of optimizing the state-legal life of society through law-making policy // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 48–60.

Сведения об авторах

Гурьев Вячеслав Владимирович – первый заместитель директора Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, кандидат экономических наук, доцент
E-mail: sarrpa@rambler.ru

Затонский Виктор Александрович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, кандидат исторических наук

E-mail: zatonsky-va@yandex.ru

Information about authors

Gurjev Vyacheslav Vladimirovich – First Deputy Director of the Volga Region Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

E-mail: sarrpa@rambler.ru

Zatonsky Victor Alexandrovich – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov, Candidate of Historical Sciences

E-mail: zatonsky-va@yandex.ru

ПРАВОВАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР

М. Д. Горбунов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 23 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье поднимается вопрос о связи правовых ограничений, социальной дискриминации и уровня конфликтности в обществе. Утверждается, что правовая маргинализация является значимым конфликтогенным фактором, оказывающим крайне негативное влияние на состояние общественных отношений и качество государственно-правовой системы. Правовые ограничения, в случае если они направлены на нарушение прав граждан и ограничение доступа к правовой защите, при отсутствии объективной необходимости таких ограничений провоцируют правовую маргинализацию и снижают уровень общественной безопасности и благополучия.

Ключевые слова: теория конфликтов, конфликтология, правовые ограничения, маргинализация, дискриминация, права человека, правовая защита, гражданское общество.

LEGAL MARGINALIZATION AS A CONFLICT-GENERATING FACTOR

M. D. Gorbunov

Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Abstract: the report raises the question of the connection between legal restrictions, social discrimination and the level of conflict in society. It is argued that legal marginalization is a significant conflict-generating factor that has an extremely negative impact on the state of social relations and the quality of the state legal system. Legal restrictions, if they are aimed at violating the rights of citizens and limiting access to legal protection in the absence of an objective need for such restrictions, provoke legal marginalization and reduce the level of public safety and well-being.

Key words: conflict theory, conflictology, legal restrictions, marginalization, discrimination, human rights, legal protection, civil society.

В современном обществе существует проблема правовой маргинализации, которая играет значительную роль в формировании конфликтов

© Горбунов М. Д., 2024

и социальной напряженности. Конфликтогенный потенциал правовой маргинализации сложно переоценить, поскольку она не только ведет к нарушению прав граждан, но и создает плодородную почву для недоверия к государству и его законам¹.

Правовую маргинализацию можно определить как процесс, при котором определенные группы людей или слои общества лишаются возможности полноценно защищать свои права и интересы, вследствие чего оказываются на периферии правовой системы. Борьба с правовой маргинализацией необходима в первую очередь для обеспечения справедливости, равенства и безопасности в обществе². Такая постановка проблемы определяет необходимость выявления причин и следствий правовой маргинализации, а также выработки способов ее преодоления.

Правовая маргинализация является сложным социальным явлением, на формирование которого влияет множество факторов³. К числу основных причин правовой маргинализации можно отнести следующие.

1. Экономическое неравенство. Низкий уровень социального обеспечения, в том числе доступа к материальным благам, жилью, правовой защите, и отсутствие равных возможностей для всех граждан значительно способствуют правовой маргинализации, поскольку это создает глубокое неравенство в обществе и ведет к формированию групп, которые не могут полноценно участвовать в социальном процессе⁴.

2. Низкая социальная мобильность. Люди, не имеющие возможности получить достойное образование и высокий социальный статус, находятся в более уязвимом положении в правовых отношениях. Отсутствие знаний о своих правах и обязанностях, недостаток доступной информации о законах и правовых процедурах, низкая степень правовой и гражданской осознанности делают для граждан проблематичным получение правовой помощи. В результате этого они в большей степени становятся подверженными противоправным действиям и сомнительным практикам.

3. Коррупция и должностные преступления. Низкое качество правоприменения в целом и правоохранительной деятельности в частности, включая коррупцию среди правоохранителей, способствуют правовой маргинализации. Несправедливость и произвол со стороны представителей власти подрывают доверие граждан к системе правовой охраны.

¹ См.: *Стоянов Е. Н., Транев С. Т.* Понимание конфликтогенности – ключ к хорошему управлению общественным развитием // *Перспективы науки и образования.* 2016. № 3(21). С. 49.

² См.: *Степаненко Р. Ф.* Проблемы общеправовой теории маргинальности // *Пробелы в российском законодательстве.* Юридический журнал. 2012. № 4. С. 177.

³ См.: *Иванова М. С.* Анализ процесса маргинализации в современном обществе // *Гуманитарные и социальные науки.* 2011. № 5. С. 230.

⁴ См.: *Белусов В. М.* Потребности населения как фактор конфликтогенного потенциала // *Гуманитарий Юга России.* 2017. № 5. С. 246.

Подмена целей правоприменения по охране объективных общественных интересов частными интересами и политической целесообразностью в значительной степени дискредитирует действующую правовую систему перед гражданами⁵.

4. Невершенство законодательства. Некачественные правовые нормы, порождающие коллизии и пробелы, также могут стать причиной появления тех или иных социальных групп, поскольку неоднозначность в понимании законов создает путаницу и риск произвольной интерпретации не в интересах граждан. Низкая эффективность правовых норм, особенно в сфере прав человека, создает значительные препятствия для получения адекватной защиты прав и интересов индивида.

5. Социальная дискриминация. Люди, принадлежащие к меньшинствам и отдельным социальным группам, находясь в уязвимом положении, подвергаются дискриминации, нарушению прав и испытывают значительное социальное, а в ряде случаев и государственно-властное давление, что приводит к их изоляции и исключению из гражданского общества⁶.

Понимание вышеназванных причин правовой маргинализации, характера их воздействия на формирование правовых и социальных конфликтов является значимой составляющей в решении глобальной задачи по повышению социального благополучия и формированию гармоничной социальной среды.

Представляется, что особое внимание в этом перечне следует уделить феномену дискриминации как социальной, так и институционально-правовой, поскольку именно в результате дискриминационных процессов названные выше факторы складываются воедино и образуют отчужденные слои общества, что порождает дополнительные конфликтогенные следствия.

Социальная дискриминация предполагает пренебрежение к человеку или социальной группе на основе их различных личностных или социальных характеристик, выражающихся в различных формах ограничений на участие в социальных процессах и реализацию интересов.

Выражаться такие ограничения могут в следующих формах.

1. Ограничение доступа к социальной защите. Дискриминируемые группы могут ограничиваться в получении доступа к социальной помощи и защите, обеспечению их личной безопасности и интеграции в социальные процессы, что, безусловно, приводит к неравенству и создает дополнительные риски социального неблагополучия.

⁵ См.: Зеленков М. Ю. Методология оценки конфликтогенности общественно-политической обстановки // Политика и общество. 2019. № 2.

⁶ См.: Перова М. Б., Перов Е. В. Концепция конфликтогенности общества // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. 2014. № 12(72). С. 43.

2. Неравный доступ к образованию и информации. Маргинализованные социальные группы могут ограничиваться в возможности обмениваться информацией и выражать прямо и открыто собственную идентичность, получать достойное образование и пользоваться другими культурными благами.

3. Исключение из хозяйственных отношений. Дискриминация ведет к исключению из экономических процессов, путем ограничения в доступе к правовой защите, возможности заниматься предпринимательской и трудовой деятельностью, приобретать материальные блага и свободно распоряжаться ими⁷.

Социальная дискриминация играет значительную роль в формировании правовой маргинализации, поскольку сокращает возможность дискриминируемых социальных групп опираться на закон и сокращает степень их независимой самозащиты⁸. Однако наиболее опасной с точки зрения конфликтогенности является институционально-правовая дискриминация.

Институционально-правовая дискриминация – это особая форма дискриминации, которая предусматривает введение различных форм правовых ограничений в отношении определенных социальных групп, усиливая тем самым их отчужденность от социальных и правовых процессов в обществе, в том числе в форме борьбы и официального силового воздействия⁹.

Правовые ограничения могут быть реализованы различным образом и быть как формальными, т.е. установленными правовыми актами, так и неформальными, связанными с опосредованным воздействием на социальные отношения, выражаясь в создании институциональных ограничений для дискриминируемых социальных групп, усиливая социальное неравенство¹⁰.

Непосредственно формальная дискриминация может выражаться в следующем виде.

1. Правовые запреты. Действующее законодательство может прямо вводить какие-либо ограничения или запрещать определенного рода деятельность, которая каким-либо образом характеризует дискриминируемую социальную группу и которая необходима для ее существования (например: запрет на межрасовые браки).

⁷ См.: Перов Е. В. Объективно-субъективные признаки социальной конфликтогенности общества // Вестник ГУУ. 2013. № 17.

⁸ См.: Накашидзе Д. Д. Социальная дискриминация. Анализ понятия с точки зрения ведущих социологов // Вестник науки и творчества. 2016. № 8. С. 158.

⁹ См.: Магомедова А. Б. Философско-правовые аспекты эволюции явления дискриминации // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11-4(113). С. 16.

¹⁰ См.: Степаненко Р. Ф. Понятие и основные виды правовой политики в сфере законодательного регулирования процессов маргинализации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-2. С. 140.

2. Процессуальный ценз. В юридической практике могут вводиться специальные цензы или процессуальные преграды, которые усложняют правовую активность для дискриминируемой социальной группы или делаая ее фактически нереализуемой (например: избирательный ценз).

3. Отказ в юридической защите. Дискриминируемой группе может быть законодательно или фактически отказано в прямой государственной защите и охране ее прав, а также ограничен доступ к правовым формам самозащиты собственных интересов (например: запрет на обращение в суд).

Очевидно, что введение законодательных ограничений и как следствие поражение в правах меньшинств и дискриминируемых групп, особенно когда это противоречит естественному общественному развитию и объективным социальным процессам, значительно повышают уровень конфликтности и фактически маргинализируют потенциально правопослушных граждан путем их формального отчуждения от режима правопорядка и законности¹¹.

Введение правовых ограничений в отношении правопослушных граждан является ничем иным как формированием социальной несправедливости на официальном уровне путем закрепления неравного отношения к гражданам по тому или иному признаку. Кроме того, если такие ограничения не имеют под собой объективной основы, то это свидетельствует об избирательном подходе правовой системы к правовому регулированию и демонстрирует неправовой характер закона, что дискредитирует его в глазах общества¹².

Ограничение правом цивилизованных способов реализации прав и интересов вынуждает дискриминируемые группы и меньшинства обращаться к незаконным практикам и экстремистским методам борьбы для достижения своих целей, даже если эти цели сами по себе не составляют какой-либо общественной опасности. Это, безусловно, способствует правовому беспорядку и дестабилизирует социальные и политические отношения.

Кроме того, последствия правовой маргинализации могут значительно выходить за рамки сугубо правовых процессов и ощущаться во всех сферах жизни общества, нанося серьезный вред его развитию¹³. В числе таких опосредованных общесоциальных последствий можно назвать:

1) экономические затраты. Правовая маргинализация провоцирует нарушения экономических процессов, поскольку усиливает социальные

¹¹ См.: Сакаева З. Л. Феномен маргинального правосознания и его позитивное осмысление // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2018. № 1(54). С. 48.

¹² См.: Лаврикова А. А. Объективные факторы развития конфликтогенного потенциала политического участия граждан // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 1.

¹³ См.: Иванова М. С. Маргинализация и ее динамика в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 2. С. 163.

проблемы типа безработицы и бедности, формирует неблагоприятную среду для креативной предпринимательской активности. Кроме того, правовое принуждение и ограничения требуют большого сложного аппарата обеспечения, который в новых экономических реалиях ложится тяжким бременем на государственную машину;

2) увеличение социального неравенства. Притесняемые группы и индивиды могут подвергаться стигматизации со стороны общества и власти. Это может привести к социальной отчужденности, психологическим проблемам и формированию альтернативной нормативности на основе перерожденного правосознания. В результате из общественных процессов фактически исключаются потенциально талантливые и продуктивные индивиды, что в итоге оказывает влияние на социальное благополучие и экономический рост;

3) дезинтеграция социальных институтов. Ограничения в социальной и правовой защите, демонстрируемое неравенство и несправедливость приводят к общей утрате доверия к системе социальной защиты. В результате постоянное нарушение прав и произвол со стороны органов власти могут подорвать доверие граждан к правовому порядку и институтам государства даже среди недискриминируемых групп. Формируемое ощущение социального напряжения, взаимного недоверия и страха перед потенциальным риском притеснения дестабилизирует связи в системе общество-государство;

4) усиление социальных конфликтов. Дискриминация сопровождается систематическими нарушениями прав и свобод человека на официальном уровне, что значительно провоцирует социальное насилие, поскольку фактически оправдывает его. Это в свою очередь не только дестабилизирует общественные отношения сами по себе, но и провоцирует ответную реакцию со стороны дискриминируемых групп и им сочувствующих. В итоге такая реакция может выразиться в активном социальном возмущении и массовых протестах, что дополнительно снижает социальную стабильность и формирует условия вторичной конфликтогенности.

Таким образом, правовые ограничения являются ключевой составляющей правовой маргинализации и играют роль конфликтогенного фактора в правовых и социальных отношениях. Дискриминация ведет к несправедливости и незащищенности, что может значительно способствовать радикализации социальных групп, снижению общего уровня общественного благополучия. Решение проблемы правовой маргинализации является потому ключевой задачей для обеспечения стабильного гармоничного неконфликтного развития общества¹⁴.

¹⁴ См.: Нигматзянова А. А. Конфликтогенность в современном российском обществе // Манускрипт. 2016. № 1(63). С. 113.

Представляется возможным обратить внимание на ряд конкретных мер, которые необходимо предпринять для исключения правовой маргинализации как конфликтогенного фактора.

1. Улучшение доступности правовой помощи. Расширение круга юридических услуг, оказываемых на льготной или бесплатной основе для маргинализированных и других социально незащищенных групп может значительно улучшить их правовую защиту. Важно, чтобы такие услуги оказывались на конкурентной основе профессиональными юристами.

2. Упрощение правовых процедур. Необходимой составляющей качества использования средств правовой защиты является их эффективность, понятность и процессуальная доступность. Часто излишний бюрократизм, сложная и неудобная процедура оказания правовой помощи являются причиной того, что люди отказываются от обращения за защитой своих прав к органам власти.

3. Развитие альтернативных способов разрешения споров. Расширение сферы действия таких способов урегулирования конфликтов, как медиация и арбитраж, позволит не только разгрузить судебную систему, но и снизить издержки граждан, связанные с правовой защитой. Организация образовательных программ, семинаров и тренингов, популяризирующих такие способы урегулирования споров, также способствует формированию у граждан навыков правовой самозащиты.

4. Борьба с коррупцией в органах власти. Разработка эффективных механизмов пресечения коррупции и установление действенных механизмов правовой ответственности способно повысить эффективность правоохранительной деятельности и снизить возможные злоупотребления и риски отказа в правовой защите гражданам, особенно среди незащищенных групп.

5. Повышение правовой грамотности. Повышение уровня правосознания и формирование уважительного отношения к закону должно производиться через специальные и общие образовательные программы, лекции, просветительские семинары как для граждан, так и для профессиональных юристов. Если в отношении граждан необходимо повышать уровень правовой осведомленности, то для должностных лиц следует формировать устойчивость к профессиональной деформации и укреплять гуманистические установки в их юридической практике.

6. Вовлечение граждан в процесс принятия решений. Правовая политика государства должна проводиться на принципах демократизма с учетом интересов общества с непосредственным вовлечением граждан. Это поможет обеспечить более справедливое и прозрачное принятие решений, а также повысить доверие граждан к государству. Важным здесь также является обеспечение реальной репрезентативности при определении общественных интересов на равной основе.

7. Системная работа по предотвращению дискриминации. Необходимо выявлять конкретные причины и проявления социальной дискриминации и осуществлять поиск направлений достижения социального согласия, взаимоуважения и общественного единства на паритетных началах. С практической стороны государство должно оказывать содействие в создании правозащитных организаций, специализирующихся на работе с уязвимыми слоями общества.

В заключение следует еще раз отметить, что правовая маргинализация является серьезной социальной проблемой. Неравенство доступа к правовой защите, справедливому правосудию и ограничение возможностей реализации частных и общественных интересов подрывает основы правового государства и гражданского общества. Поэтому преодоление правовой маргинализации требует не только усилий со стороны государства, но и активного участия общественных организаций и граждан по обеспечению равных правовых возможностей в условиях взаимного уважения и ответственного поведения.

Библиографический список

Белоусов В. М. Потребности населения как фактор конфликтогенного потенциала / В. М. Белоусов // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 5. – С. 246–256.

Зеленков М. Ю. Методология оценки конфликтогенности общественно-политической обстановки / М. Ю. Зеленков // Политика и общество. – 2019. – № 2. – С. 1–14.

Иванова М. С. Анализ процесса маргинализации в современном обществе / М. С. Иванова // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 5. – С. 230–237.

Иванова М. С. Маргинализация и ее динамика в современном российском обществе / М. С. Иванова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 162–169.

Лаврикова А. А. Объективные факторы развития конфликтогенного потенциала политического участия граждан / А. А. Лаврикова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 12–21.

Магомедова А. Б. Философско-правовые аспекты эволюции явления дискриминации / А. Б. Магомедова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 11-4(113). – С. 16–18.

Накашидзе Д. Д. Социальная дискриминация. Анализ понятия с точки зрения ведущих социологов / Д. Д. Накашидзе // Вестник науки и творчества. – 2016. – № 8. – С. 158–163.

Нигматзянова А. А. Конфликтогенность в современном российском обществе / А. А. Нигматзянова // Манускрипт. – 2016. – № 1(63). – С. 113–115.

Перов Е. В. Объективно-субъективные признаки социальной конфликтогенности общества / Е. В. Перов // Вестник ГУУ. – 2013. – № 17. – С. 154–161.

Перова М. Б. Концепция конфликтогенности общества / М. Б. Перова, Е. В. Перов // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2014. – № 12(72). – С. 43–69.

Сакаева З. Л. Феномен маргинального правосознания и его позитивное осмысление / З. Л. Сакаева // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 1(54). – С. 48–51.

Степаненко Р. Ф. Понятие и основные виды правовой политики в сфере законодательного регулирования процессов маргинализации / Р. Ф. Степаненко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 12-2. – С. 140–145.

Степаненко Р. Ф. Проблемы общеправовой теории маргинальности / Р. Ф. Степаненко // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 177–179.

Стоянов Е. Н. Понимание конфликтогенности – ключ к хорошему управлению общественным развитием / Е. Н. Стоянов, С. Т. Транев // Перспективы науки и образования. – 2016. – № 3(21). – С. 48–52.

References

Belousov V. M. Population needs as a factor in conflict potential / V. M. Belousov // Humanitarian of the South of Russia. – 2017. – No. 5. – Pp. 246–256.

Ivanova M. S. Analysis of the marginalization process in modern society / M. S. Ivanova // Humanities and social sciences. – 2011. – No. 5. – Pp. 230–237.

Ivanova M. S. Marginalization and its dynamics in modern Russian society / M. S. Ivanova // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. – 2013. – No. 2. – Pp. 162–169.

Lavrikova A. A. Objective factors in the development of the conflict potential of political participation of citizens / A. A. Lavrikova // Bulletin of the Tula State University. Humanities. – 2016. – No. 1. – Pp. 12–21.

Magomedova A. B. Philosophical and legal aspects of the evolution of the phenomenon of discrimination / A. B. Magomedova // International Research Journal. – 2021. – No. 11-4 (113). – Pp. 16–18.

Nakashidze D. D. Social discrimination. Analysis of the concept from the point of view of leading sociologists / D. D. Nakashidze // Bulletin of science and creativity. – 2016. – No. 8. – Pp. 158–163.

Nigmatzyanova A. A. Conflictogenicity in Modern Russian Society / A. A. Nigmatzyanova // Manuscript. – 2016. – No. 1(63). – Pp. 113–115.

Perov E. V. Objective and Subjective Signs of Social Conflictogenicity of Society / E. V. Perov // Bulletin of the State University of Management. – 2013. – No. 17. – Pp. 154–161.

Perova M. B. The Concept of Conflictogenicity of Society / M. B. Perova, E. V. Perov // Management of Economic Systems : Electronic Scientific Journal. – 2014. – No. 12(72). – Pp. 43–69.

Sakaeva Z. L. The Phenomenon of Marginal Legal Awareness and Its Positive Understanding / Z. L. Sakaeva // Bulletin of Omsk University. Series: Law. – 2018. – No. 1(54). – Pp. 48–51.

Stepanenko R. F. Concept and main types of legal policy in the sphere of legislative regulation of marginalization processes / R. F. Stepanenko // Actual problems of humanitarian and natural sciences. – 2013. – No. 12-2. – Pp. 140–145.

Stepanenko R. F. Problems of the general legal theory of marginality / R. F. Stepanenko // Gaps in Russian legislation. Law journal. – 2012. – No. 4. – Pp. 177–179.

Stoyanov E. N. Understanding conflictogenity is the key to good management of social development / E. N. Stoyanov, S. T. Tranev // Prospects of science and education. – 2016. – No. 3(21). – Pp. 48–52.

Zelenkov M. Yu. Methodology for assessing the conflict potential of the socio-political situation / M. Yu. Zelenkov // Politics and Society. – 2019. – No. 2. – Pp. 1–14.

Для цитирования:

Горбунов М. Д. Правовая маргинализация как конфликтогенный фактор // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 61–70.

Recommended citation:

Gorbunov M. D. Legal marginalization as a conflict-generating factor // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 61–70.

Сведения об авторе

Горбунов Максим Дмитриевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук

E-mail: maxandgor@gmail.com

Information about author

Gorbunov Maksim Dmitrievich – Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of Lobachevsky State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: maxandgor@gmail.com

УДК 340.1

АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

И. Б. Ломакина

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Поступила в редакцию 7 февраля 2024 г.

Аннотация: в данной статье автор проблематизирует ценностное содержание ряда культуроспецифических концептов, таких как право, справедливость и, конечно, свобода. Доказывается необходимость нового взгляда на «старые проблемы», поскольку универсализм, провозглашенный юснатурализмом, не отвечает на ряд вопросов, а позитивизм не видит проблемы как таковой. Поэтому в качестве альтернативы классическим подходам предлагается использовать антрополого-правовой. Утверждается, что только с позиций антрополого-правового подхода возможно сегодня более адекватно показать процесс формирования правовой культуры, ее ценностное восприятие в дискурсивных практиках субъектов и статусных группах. В этих практиках человек не просто присваивает право, данное ему с рождения, а выступает творцом, конструирующим право в соответствии со своими материальными условиями жизни и ментальностью. Утверждается, что ценностное наполнение культуроспецифических концептов зависит от характера права, его цивилизационной направленности.

Ключевые слова: право, ценности права, правовая культура, свобода, правовые смыслы.

THE ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL DIMENSION OF FREEDOM IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF LEGAL INTERPRETATION

I. B. Lomakina

*Saint-Petersburg Law Institute (Branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

Abstract: in the article the author problematizes the value content of a number of culturally specific concepts such as law, justice and, of course, freedom. The

© Ломакина И. Б., 2024

necessity of a new look at the “old problems” is proved, since universalism, proclaimed by usnaturalism, does not answer a number of questions, and positivism does not see the problem in general. Therefore, as an alternative to classical approaches, it is proposed to use anthropological and legal approach. It is argued that only from the standpoint of the anthropological and legal approach, it is possible today to show the process of formation of legal culture, its value perception in the discursive practices of subjects and status groups more adequately. In these practices, a person does not just assign the right given to him from birth, but acts as a creator, constructing the right in accordance with his material living conditions and mentality. It is argued that the value content of culturally specific concepts depends on the nature of law and its civilizational orientation.

Key words: law, values of law, legal culture, freedom, legal meanings.

Антрополого-правовое измерение свободы как ключевого ценностного ядра права, в первую очередь, связано с самой главной проблемой теоретического правоведения – проблемой понимания права. Уважаемый профессор В. В. Лазарев не без оснований считает, что «общее, что объединяет толкование на разных этапах развития теории и практики толкования – это поиск права (поиск истины относительно того, что есть право)»¹. В рамках классической картины мира сформировались три правовые парадигмы: юснатурализм, юридический этатизм и социологический тип правопонимания в двух направлениях (позитивистском и диалектическом). Современный тип правопонимания неклассический, или постнеклассический, имеет достаточно много подходов, как нам представляется, более перспективным из них является антрополого-правовой, поскольку именно он актуализирует право в контексте жизненного мира человека и не мыслит его вне его культуры².

Разрабатываемый нами подход имеет своих сторонников и противников в теоретико-правовом дискурсе, но если убрать чрезмерный эмоциональный фон и посмотреть на право и происходящие в нем самом процессы изнутри, используя как классический, так и неклассический или постнеклассический инструментарий, то можно более взвешенно подойти к идее о том, что одно и то же понятие имеет разное значение в зависимости от времени, пространства, круга лиц, на которых распространяется соответствующая правовая информация. Ведь уяснение имплицитно заключает в себе необходимость установления того, чем по-

¹ Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн, постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15–28.

² См.: Ломакина И. Б. Правовая деятельность как феномен социальной реальности: антрополого-правовой подход // Правовое поведение: классические и современные модели : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2022. С. 27–32; *Ее же*. Антрополого-правовое измерение ценностей культуры // Закон. Право. Государство. 2023. № 4(40). С. 57–60.

том следует руководствоваться, что потом надо пояснить себе и другим. Используя наработки классической науки и исповедуя относительный скепсис по поводу поиска абсолютной истины, стоит отметить, что, например, диалектический метод предполагает рассматривать право всегда контекстуально, учитывая место, время и круг лиц.

Круг лиц – все те, на кого право распространяет свое действие, а также те, кто его создает в законотворческих, правоприменительных и повседневных практиках. Возможно, этим объясняется плюрализм поисковых моделей, многообразие методологических подходов и конструируемых парадигм. Конечно, всё многообразие правовой действительности не может быть осмыслено и изучено до конца. Весьма значительный пласт останется за кадром, а иногда и вовсе он не осознается, а значит, и не подлежит официальному номинированию.

Правовая действительность не может быть упакована в формальную тару, которую, поместив на полку, можно потом измерить по весу и количеству. Если рассматривать ее в плоскости толкования права, то она не сводится только к уяснению и разъяснению смысла норм права, содержащихся в законах. Как остроумно заметил И. Л. Честнов, «позитивистская мантра давно утратила свой магический смысл»³. Иные позиции отстаивают А. Л. Бредихин и Е. Д. Проценко. Сосредоточив внимание только на официальном толковании, они настаивают на исключительно нормативистском подходе к пониманию толкования права и поэтому полагают: «...в существующей правовой системе необходимость актов официального толкования не очевидна, так как все нормативные предписания должны быть определены ясно и четко в иерархической структуре правовых актов и не нуждаться в разъяснениях. Такие разъяснения при необходимости должны облекаться в правовую норму и излагаться в нормативном акте. Акты официального толкования права расходятся с принципом законности, так как позволяют себе отойти от буквального смысла закона и допустить принцип целесообразности. Это указывает на искажение действительной воли законодателя, представляющего интересы народа, являющегося единственным источником власти»⁴.

Более взвешенную позицию по поводу необходимости нормативистского подхода к пониманию толкования права отстаивает А. В. Корнев. В статье «Толкование права в контексте различных типов правопонимания» автор утверждает, что «несмотря на великое желание заменить позитивизм и нормативизм другими типами правопонимания, пока это

³ Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание : монография. Краснодар, 2010. С. 25.

⁴ Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Официальное толкование права в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления 2021. Т. 21, № 5. С. 20.

невозможно и вряд ли будет в перспективе возможно, ввиду нормативности самого права»⁵.

Поэтому, видя в любом апгрейде позитивизма угрозу, автор выступает против даже междисциплинарного подхода, который, по его мнению, наполняет право «...спекулятивным содержанием с метафизическим смыслом»⁶. При этом непонятно, в чем заключается спекулятивная метафизичность смысла права. В том, что оно, наоборот, реалистично толкуется с использованием различных способов и приемов, которые дают нам современные когнитивные науки? В том, что смысл понятий зависит от языковой картины субъектов, которые интерпретируют его в соответствии со своими материальными условиями жизни и ментальностью? В том, что каждый ценностно нагруженный концепт всегда является лингвоспецифическим понятием и всегда релятивен, так как зависит от места, времени и круга лиц?

Как нам представляется, не междисциплинарный подход таит в себе угрозу размытия границ права, а классический, т.е. именно юснатурализм и либертаризм. Да и вряд ли они сейчас представляют угрозу кому-либо, спустя 30 лет после их внедрения и развенчания в ряде культур. Единственное, в чем их можно сегодня упрекнуть, так это в том, что они не дали вразумительного ответа, что такое толкование права и каково его значение для реального человека, а не абстрактного индивида, носителя прав и свобод. Их метафизические дебри действительно часто камуфлируют действительность неевропейских народов, далеких от «идеалов верховенства права» в европейском понимании. Их потестарная культура (в интерпретации В. А. Четвернина) не является правовой. Очень сомнительное утверждение, учитывая, что у многих неевропейских народов право возникло за много тысяч лет раньше, чем у греков и римлян.

Поэтому можно с уверенностью констатировать, что все фундаментальные категории правовой действительности налагаются культурой и культурой осмысливаются. И. Л. Честнов также совершенно верно полагает, что ценности не универсальны. В одной из своих многочисленных работ он утверждает, что «...в любом социуме, как и в сознании каждого нормального человека, существуют представления о желательности блага, добра, справедливости. Однако содержательно определить универсальность правовых ценностей – то, что именно считать благом, добром, справедливостью, на мой взгляд, невозможно в принципе. Это связано с принципами неопределенности и дополнительности, обуславливающими постсовременное мировоззрение, которые постулируют зависимость реальности от точки зрения “наблюдателя”, который производит

⁵ Корнев А. В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 42.

⁶ Там же.

наименование, описание, категоризацию мира и тем самым конструирует социальность»⁷.

Так, например, известный польский лингвокультуролог А. Вежбицкая в работе «Понимание культур посредством ключевых слов» пишет, что в обширной философской литературе нет ни одной работы, которая бы с точки зрения анализа языка различных культур рассматривала бы такие культуроспецифические понятия, как свобода, право, правосудие, справедливость, истина, правда и проч. Поэтому чаще всего эти понятия интерпретируются с позиций англосаксонской традиции и экстраполируются на другие культуры»⁸. А. Вежбицкая совершенно правильно отмечает, что «неосознаваемым является тот факт, что в словах закодированы определенные способы концептуализации мира, а не объективная картина действительности, т.е. одну и ту же ситуацию или одно и то же положение дел для целей языкового кодирования можно истолковать различным образом»⁹. Эта проблема актуализирует необходимость интерпретации данных понятий с точки зрения языка культуры того народа, который сконструировал данное понятие, вложив в него характерный для себя культурный код, наполнив его определенным ценностным содержанием.

Так, например, рассматривая славянские языки на предмет понимания ими свободы, А. Вежбицкая пишет, что например, в русском языке «свобода» обычно связана с таими ключевыми концептами культуры, как «безграничная русская душа», «бескрайний простор» и воля, без каких-либо сдерживающих пут. Свобода в русском понимании предполагает ощущение счастья, вызываемое отсутствием какого-либо давления, какого-то «сжатия», каких-то тесных сдавливающих оков. В этом контексте интересно отметить употребительное сочетание «дышать свободно». По-английски «дышать свободно» означает, что из гортани удалено или полностью удалено какое-то препятствие (например, куриная косточка) и это принесло облегчение, но не может принести радостного ощущения счастья человеку, избавившемуся от инородного тела.

Таким образом, концепты с особыми культуроспецифическими значениями отражают и передают не только образ жизни, характерный для данного общества, но также и образ мышления. Верифицируя данное положение культурной практикой неевропейских народов, стоит отметить, что, например, в Японии люди не только говорят о *miai* (используя слово *miai*), но также и думают о *miai* (используя либо слово *miai*, либо связан-

⁷ Честнов И. Л. Ценности в праве с позиции постклассической методологии // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2018 г.) / ред. кол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк. Краснодар, 2018. С. 64.

⁸ Вежбицкая А. Понимание культур посредством ключевых слов. М., 2008. С. 212.

⁹ Там же. С. 212.

ное с данным словом понятие). Слово *ritual* отражает не только определенный общественный ритуал, но также определенный способ мыслить об определенных важных жизненных событиях. Данную точку зрения не разделяет американский психолингвист С. Пинкер. Придерживаясь иного взгляда в своей книге «Язык как инстинкт», он отмечает, что существуют универсалии в языковой картине мира и отсутствие того или иного концепта в языке культуры не значит, что народ не имеет определенного политико-правового опыта в том или ином социально значимом вопросе¹⁰.

Солидаризируясь в данном вопросе не с позицией С. Пинкера, а с позицией А. Вежбицкой, в качестве дополнительной аргументации в ее пользу стоит констатировать, что несмотря на то, что труд С. Пинкера заслуживает высокой оценки и несомненно является новаторским в своем роде, однако из 517 работ, представленных в библиографии, все они написаны на английском языке. Такое положение дел свидетельствует о том, что материал излагался автором с позиций именно англосаксонской традиции постижения мира в культуроспецифических терминах, свойственных именно этой языковой картине. Таким образом, можно полагать, что внешний образ права отличается от реального внутреннего образа, той нормативно-правовой культуры, которую сконструировали неевропейские народы.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что искать объективную истину в праве – занятие малоперспективное и вряд ли полезное, как с точки зрения приращения научного знания вообще, так и с точки зрения противостояния «мировой закулисе», о которой писал эмоционально В. В. Сорокин¹¹. Право и его толкование всегда обуславливаются культурой. Семантическое значение всем словам и особенно таким лингвоспецифическим концептам, как свобода, справедливость, правосудие, право и др., приписывает человек, носитель культуры. Поэтому внутренний образ государства и права всегда отличается от внешнего образа, который конструируется носителями другой культуры, особенно если культура доминантная¹². Интерпретация смыслов, содержащихся в текстах права, так или иначе связана с господством тех или иных ценностей, которые навязывает доминантная культура. Пьер Бурдьё в свое время заметил, что «социальный мир есть место борьбы за слова, которые обременены своим весом – подчас своим насилием – факту, что слова в значительной мере делают вещи, и что изменить слова и, более обобщенно,

¹⁰ См.: Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2004. С. 112.

¹¹ Сорокин В. В. Толкование права в интерпретации постмодернизма // Юрлингвистика. 2022. № 26. С. 65–68.

¹² См.: Ломакина И. Б. Истоки конституирующих ценностей в либеральных и холистических культурах: постановка проблемы // Криминалист. 2018. № 4(26). С. 78.

представления... значит уже изменить вещи. Политика – это, в основном, дело слов»¹³. То же самое можно сказать и про право.

Таким образом, получается, что доминантные акторы политической жизни, имея соответствующий ресурс, номинируют свои ценности в качестве универсальных. А это в свою очередь говорит о господстве одной идеологии над другими. В подтверждение данного положения хотелось бы апеллировать к точке зрения профессора Парижской школы экономики, одного из самых влиятельных экономистов в мире, автора бестселлера «Капитал в XXI веке» (тираж более 2,5 млн экземпляров на 40 языках мира). Так, он прозаично замечает, что любое общество всегда идеологически оправдывает неравенство людей. И доминантная культура это делает всегда, право же закрепляет этот порядок неравенства. Точка зрения, близкая к марксистской. Однако, будучи по другую сторону идеологической баррикады, он всё же признает, что «рынок и конкуренция, прибыль и заработная плата, капитал и долги – всё это не экономика в чистом виде, а сложившиеся в каких-то конкретных обстоятельствах идеологические образы. За ними лежит определенное представление о социальной справедливости. А это представление вытекает из конкретного исторического опыта – и не более того»¹⁴.

Переведем в практическую плоскость теоретические рассуждения об идеологичности лингвоспецифических концептах. Так, например, понятие «справедливость» у англосаксов производно от понятия «свобода». Профессор Пенсильванского университета Ричард Данн указывает на то, что «свобода» в данной языковой картине мира есть освобождение от ограничений, которые приходилось терпеть другим. «Либерализм» относился к получению удовольствия от особых преимуществ, недоступных другому человеку. «Свобода» значила освобождение от ограничений, которые приходилось терпеть другим¹⁵.

Не имея возможности здесь и сейчас рассматривать все позиции применительно к проблеме понимания толкования права, обращусь к весьма оригинальной точке зрения В. В. Лазарева, которая заслуживает внимания, поскольку актуализирует междисциплинарный подход к изучаемому феномену. Размышляя о толковании права на разных этапах развития науки вообще и юридической науки в частности, ученый приходит к выводу, что все подходы, сформировавшиеся в рамках юридической науки (классические, модернистские и постмодернистские) исчерпали себя. И в этом аспекте он предлагает обратить внимание на такую науку, как меметология¹⁶. По мнению уважаемого профессора, именно этот

¹³ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 132.

¹⁴ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2016. С. 123.

¹⁵ См.: Данн Р. Эпоха религиозных войн. М., 2011. С. 139.

¹⁶ См.: Лазарев В. В. Указ. соч. С. 26.

подход даст возможность осмыслить сущностное наполнение правовой информации применительно к опыту отдельно взятых культур. Мысль интересная и новаторская по-своему, поскольку затрагивает когнитивные механизмы передачи информации и не только.

Однако осмелюсь заметить, что юридическая наука, особенно пост-классическая, всё же не исчерпала своего потенциала и вполне успешно может развиваться в рамках антрополого-правового подхода, который актуализирует реального человека в его социокультурных практиках, сочетающих материальные и ментальные условия его жизни¹⁷.

Конечно, не существует права вне жизненного мира человека. Человек конструирует свою реальность, включая эту реальность в себя. Мысля языком культуры, человек находится с ней в диалектической связи.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что, во-первых, толкование права – это процесс, в котором человек творит право, это не простая деятельность по уяснению и разъяснению смысла норм права, содержащихся в законах.

Во-вторых, толкование права – это действительность права, которая через институциональные акты утверждает себя.

В-третьих, толкование права связано с интерпретацией смыслов, заложенных в текстах правовой действительности (не сводимых только к формам его внешнего выражения). Так же важное значение здесь приобретает ценностное наполнение права, его цивилизационная направленность. Право всегда идеологично, а лингвоспецифические конструкты, такие как свобода, формируют цивилизационный вектор его развития. Интерпретация свободы не одинакова, каждый народ и каждая культура, видит в ней разные аспекты существования как самого права, так и его границ.

В-четвертых, право всегда антропологично и его осмысление требует междисциплинарного подхода, поэтому поиски «живого права» настоятельно требуют понимать право в рамках дискурса, описывающего, интерпретирующего и одновременно реконструирующего мир.

Все явления трансформации методологии познания есть не просто выход на теорию толкования права, но и имеют прямое отношение к интерпретационной деятельности как научной, творческой, с когнитивным содержанием, провоцируемым обстоятельствами информационного общества и усложняющимися коммуникациями.

Библиографический список

Бредихин А. Л. Официальное толкование права в Российской Федерации / А. Л. Бредихин, У. Д. Проценко // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21, № 5. – С. 21–23.

¹⁷ См.: Ломакина И. Б. Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка // Правопорядок: элементы общей теории : монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. М., 2020. С. 65.

- Бурдьё П.* Социология политики / П. Бурдьё. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур посредством ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 288 с.
- Данн Р.* Эпоха религиозных войн / Р. Данн. – М. : Центрполиграф, 2011. – С. 139–144.
- Корнев А. В.* Толкование права в контексте различных типов правопонимания / А. В. Корнев // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 29–43.
- Лазарев В. В.* Толкование права: классика, модерн, постмодерн / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15–28.
- Ломакина И. Б.* Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка / И. Б. Ломакина / Правопорядок: элементы общей теории : монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. – М. : Проспект, 2020. – С. 63–80.
- Ломакина И. Б.* Истоки конституирующих ценностей в либеральных и холистических культурах: постановка проблемы / И. Б. Ломакина // Криминалист. – 2018. – № 4(26). – С. 78–85.
- Ломакина И. Б.* Правовая деятельность как феномен социальной реальности: антрополого-правовой подход / И. Б. Ломакина // Правовое поведение: классические и современные модели : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – Саратов : Саратовский источник, 2022. – С. 27–32.
- Ломакина И. Б.* Антрополого-правовое измерение ценностей культуры / И. Б. Ломакина // Закон. Право. Государство. – 2023. – № 4(40). – С. 57–60.
- Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М. : Ад Маргинем, 2016. – 976 с.
- Пинкер С.* Язык как инстинкт / С. Пинкер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
- Сорокин В. В.* Толкование права в интерпретации постмодернизма / В. В. Сорокин // Юрлингвистика. – 2022. – № 26. – С. 65–68.
- Честнов И. Л.* Постклассическое правопонимание : монография / И. Л. Честнов. – Краснодар : Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2010. – 240 с.
- Честнов И. Л.* Ценности в праве с позиции постклассической методологии / И. Л. Честнов // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2018 г.) / ред. кол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2018. – С. 64–67.

References

- Bredikhin A. L.* Official interpretation of law in the Russian Federation / A. L. Bredikhin, U. D. Protsenko // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2021. – Vol. 21, No. 5. – Pp. 21–23.
- Bourdieu P.* Sociology of politics / P. Bourdieu. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 p.
- Chestnov I. L.* Postclassical jurisprudence : monograph / I. L. Chestnov. – Krasnodar : Publishing house of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. – 240 p.
- Chestnov I. L.* Values in law from the position of postclassical methodology / I. L. Chestnov // Law and the State: Problems of Methodology, Theory and History : materials of the International scientific-practical conf. (May 10, 2018) / editorial board: L. V. Karnaushenko, I. V. Yablonsky, G. P. Kurduk. – Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – Pp. 64–67.

Dunn R. The era of religious wars / R. Dunn. – М. : Centrpoligraf, 2011. – Pp. 139–144.

Kornev A. V. Interpretation of law in the context of different types of legal understanding / A. V. Kornev // Journal of Russian Law. – 2016. – No. 8. – Pp. 29–43.

Lazarev V. V. Interpretation of law: classical, modern, postmodern / V. V. Lazarev // Journal of Russian Law. – 2016. – No. 8. – Pp. 15–28.

Lomakina I. B. A constructivist anthropological-legal conception law and order / I. B. Lomakina / Law and order: elements of general theory : monograph / under general ed. M. A. Belyaev, V. V. Denisenko, A. I. Klimenko. – М. : Prospekt, 2020. – Pp. 63–80.

Lomakina I. B. Anthropological and legal measurement of cultural values / I. B. Lomakina // Law. Right. State. – 2023. – No. 4(40). – Pp. 57–60.

Lomakina I. B. Legal activity as a phenomenon of social reality: anthropological-legal approach / I. B. Lomakina // Legal behavior: classical and modern models : collection of scientific works / under general ed. D. A. Pashentsev. – Saratov : Saratov source, 2022. – Pp. 27–32.

Lomakina I. B. The origins of constitutive values in liberal and holistic cultures: posing the problem / I. B. Lomakina // Criminalist. – 2018. – No. 4(26). – Pp. 78–85.

Piketty T. Capital in the XXI century / T. Piketty. – М. : Ad Marginem, 2016. – 976 p.

Pinker S. Language as an instinct / S. Pinker. – М. : Editorial URSS, 2004. – 456 p.

Sorokin V. V. Interpretation of law in the interpretation of postmodernism / V. V. Sorokin // Jurlinguistics. – 2022. – No 26. – Pp. 65–68.

Vezhbitskaya A. Understanding cultures through keywords / A. Vezhbitskaya. – М. : Languages of Slavic culture, 2008. – 288 p.

Для цитирования:

Ломакина И. Б. Антрополого-правовое измерение свободы в контексте проблемы толкования права // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 71–80.

Recommended citation:

Lomakina I. B. The anthropological and legal dimension of freedom in the context of the problem of legal interpretation // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 71–80.

Сведения об авторе

Ломакина Ирина Борисовна – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор
E-mail: lomakina7311@gmail.com

Information about author

Lomakina Irina Borisovna – Professor at the Department of Theory and History of State and Law at Saint-Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor
E-mail: lomakina7311@gmail.com

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ОТПРАВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА

А. М. Борисов

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 10 ноября 2023 г.

Аннотация: продолжая исследование связи юридической антропологии с теорией права, важно определить исходные правовые идеи данного направления юриспруденции. В них находят выражение как отношение человека и общества к правовому бытию во всем его многообразии, так и их порой противоречивые устремления к определенному качеству жизнеустройства. Данные идеи, отношения и устремления генерируются правосознанием людей, фиксирующим общественные отношения, правовые явления и их взаимосвязи позитивного или негативного социального значения. Научное осмысление этих проблем – итог труда многих ученых, в том числе Р. Иеринга, их реализация – усилия политиков, законодателей, управленцев и множества исполнителей, зачастую далеких от достижений юридической науки, но создающих основу мира в труде и борьбе за жизнь. Познание этих граней социального действия в контексте права – задача юридической антропологии, которая решается через призму человеческого правосознания.

Ключевые слова: борьба за право, история правовых учений, Р. Иеринг, право, правовая культура, правовое поведение, правосознание, теория права, философия права, юридическая антропология.

LEGAL ANTHROPOLOGY: STARTING THEORETICAL PRINCIPLES

A. M. Borisov

Kursk State University

Abstract: continuing the study of the connection between legal anthropology and the theory of law, it is important to determine the initial legal ideas of this area of jurisprudence. They express both the attitude of man and society to legal existence in all its diversity, as well as their, sometimes contradictory, aspirations for a certain quality of life. These ideas, attitudes and aspirations are generated by people's legal consciousness, which records social relations, legal phenomena and their relationships of positive or negative social significance. The scientific understanding of these problems is the result of

the work of many scientists, including R. Iering, their implementation is the efforts of politicians, legislators, managers and many performers, often far from the achievements of legal science, but creating the basis of peace in work and the struggle for life. Understanding these boundaries of social action in the context of law is the task of legal anthropology, which is solved through the prism of human legal consciousness.

Key words: the struggle for law, history of legal doctrines, R. Iering, law, legal culture, legal behavior, sense of justice, theory of law, philosophy of law, legal anthropology.

Формирование новых отраслей знаний на стыке различных наук – объективный процесс познания. Однако формальная гносеология, допускающая такие методологические новации, которые позволяют раздвинуть границы знания в том или ином направлении, устанавливает известные рамки в определении отправных положений исследований. Здесь реализуется принцип свободы научного поиска, но новые методологические подходы не гарантируют, что исследователю удастся избежать «тупиковых» разработок. Ищущему новое знание необходимо сверять свои подходы с общепризнанными идеями и элементами базисных отраслевых терминологических конструкций.

Норбер Рулан вывел юридическую антропологию на уровень научного обсуждения¹, и для нас представляют определенный интерес его объяснения избранной методологии. В рамках «первого ограничения» Н. Рулан подчеркивает универсальность общеантропологических подходов, состоящих в признании человека биологическим и социальным существом², признает, что «медленные процессы очеловечивания привели к формированию первичного опыта социальной жизни, на основе которого наши предки строили модели поведения и создавали средства, позволяющие соблюдать эти установки»³.

Заслуживает внимания тезис о скрытости генезиса культурной жизни человека и оперировании юридической антропологией ее «завершенными проявлениями»⁴. В контексте первой обусловленности гипотетический контур предмета юридической антропологии, по Н. Рулану, охватывает «речевойстрой, жизненные навыки и формы представительства, которые каждое общество считает основополагающими для своего функционирования и воспроизводства»⁵, в чём можно усмотреть, соответственно, связи со специфическими (используемыми правом) предметами филологии и лингвистики (речевой и символиче-

¹ См.: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ски-буквенный способ выражения юридической мысли), а также собственно права (правовое поведение и формы юридизации общественных отношений) и, несомненно, истории права. Второе ограничение также касается предмета юридической антропологии, и Н. Рулан связывает его с социальной природой человека и требованием антропологии «изучать человека во всем его многообразии, во всех его хронологических, географических измерениях, во всех типах общностей»⁶, что отсылает нас в широком смысле к предметам упоминаемых автором философии как первонауки, истории, антропологии и культурологии, лингвистики, психологии человека, религиоведения, социологии, экономики, этнографии и др., а в узком смысле – к праву, теории и истории государства и права с разрабатываемыми на их основе отраслями юриспруденции в контексте обоснования их возникновения и развития (предназначение и цели правового регулирования эволюционирующих общественных отношений), а также криминологии и криминалистике, социологии права, сравнительному правоведению (компаративистике), судебной медицине и судебной психиатрии, философии права, юридической лингвистике, юридической психологии, юридической статистике, при условии их сведения к правосознанию (личному и общественному) и формам его проявления (правовое или неправовое поведение человека и человеческих общностей).

Характеризуя отличительные черты юридической антропологии, Н. Рулан пишет, что «она имеет своей целью понять правила поведения в различных обществах, но отдает предпочтение юридическому аспекту, заявляя при этом о невозможности изолировать право как таковое, поскольку оно является лишь одним из элементов общей культурной и социальной системы, свойственной любому обществу и различным образом воспринимаемой и реализуемой каждой из подгрупп общества»⁷. Одновременно, укоряя юристов в невнимании к человеческому началу права, французский ученый утверждает, что «сегодня юридическая антропология своим теоретическим развитием больше обязана социальной антропологии, чем праву, разрабатываемому юристами»⁸.

Однако вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Во-первых, в предложенной концепции предмета юридической антропологии не нашлось места для ряда юридических наук (например, теория права и государства, история учений о праве и государстве или история политических и правовых учений, юридическая психология), которые представляют направления правовых исследований и ориентированы именно на вышеуказанную сложносоставную проблематику, в том числе в кон-

⁶ Там же. С. 7–8.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Там же. С. 11.

тексте проблемы правосознания. Во-вторых, понять правила можно, не столько исследуя их рациональность и применимость к существующим правоотношениям, сколько в их генезисе, отражающем общественные и личные мотивы акторов социальных перемен, в их реализации личностями и общностями, несущими определенное правосознание (исходя из смысла последних слов фразы). В-третьих, нельзя не обратиться в поиске основ юридической антропологии к трудам известных правоведов.

Так, Р. Иеринг утверждал, что в представлении права заключаются два противоположных понятия – мир и борьба. Мир как цель, борьба как средство права, дополняющие друг друга с объективной необходимостью, нераздельно соединенные в праве⁹ и, главное, проявляющиеся в жизнедеятельности людей.

В чем обнаруживается философско-правовой аспект такого подхода?

Процитируем Р. Иеринга: «Пока право будет подвергаться нападению со стороны неправа – а это будет продолжаться вечно – до тех пор оно навсегда связано с борьбой. Жизнь права есть борьба – борьба народов, правительств, сословий, индивидуумов»¹⁰.

Обратим внимание на термины «право», «неправо» и «жизнь права». В своем развитии государственно-организованный социум использует право для регулирования общественных отношений, определения статуса субъектов права, закрепления стандартов социального поведения и обеспечения их действенности, разрешения различных конфликтов на исторически трансформирующихся началах справедливости в ее экономическом и нравственном, а также гражданском и политическом аспектах в тех или иных обществах. Если право здесь – система норм, устанавливающих правопорядок (право в объективном смысле – совокупность охраняемых государством правовых норм¹¹), то неправо – правовая абстракция, противоположная праву, которую можно определить как совокупность актов и моделей поведения людей, нарушающих установленный правопорядок с целью удовлетворения определенного личного или какого-либо общего интереса (неправо – правонарушение)¹². Неправовое поведение описано в праве нормами деликтного законодательства и нормами, ограничивающими в правах нарушителя, которые предписывают специально уполномоченным лицам применять к установленным ими нарушителям принудительные меры карательного или некарательного характера с целью восстановления правопорядка и обеспечения состояния «мира». Но борьба не ограничивается только правоприменением. Она продолжается в форме научного осмысления права, правотворчест-

⁹ См.: *Иеринг Р.* Борьба за право / перевод Р. А. Верта. СПб., 1895. С. 13.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Там же. С. 15.

¹² См.: Там же. С. 27.

ва, итогом которого являются новые нормы, и в форме правонаделения, совокупно создающих новый правопорядок, учитывающий вероятность новых социальных девиаций и предупреждающий их.

«Жизнь права» состоит в научном поиске формулы «право-справедливость», правотворчестве, правонаделении и правоприменении как видах юридической деятельности, а также использовании, исполнении, соблюдении и применении как формах реализации норм права, направленных на удовлетворение различных по своей направленности и содержанию интересов «народов, правительств, сословий, индивидуумов», которые являются активными или пассивными сторонами отношений в правовой жизни. Сбалансированность вышеназванных интересов труднодостижима, и одно из решений данной проблемы связывается с качественными характеристиками обозначенных субъектов права и, прежде всего, человека. Поэтому Р. Иеринг пишет, что «право есть непрерывная работа... не только государственной власти, но и всего народа»¹³. Достижение относительной сбалансированности интересов, которое часто дается в «борьбе» (например, направление жалобы и т.д.), приобретающей политический характер в кризисные периоды развития общества, обнуляющие значение старого права и закладывающие основы нового права, обеспечивает состояние стабильности и прогрессивного развития общества, в концепции Р. Иеринга – состояние «мира», временного до возникновения новых отношений и относительного с учетом известной конфликтности общественных отношений. Без этой борьбы, т.е. без сопротивления, противопоставляемого неправде, право, как объективное, так и субъективное, отрицало бы само себя: «С того момента, как право откажется от готовности к борьбе, оно откажется от самого себя»¹⁴.

Как следует понимать вышеприведенные тезисы?

Первая же часть фразы («право есть понятие практическое»¹⁵) требует сосредоточения мысли читателя на слове «практическое» и проникновения в авторский смысл, который вложен в анализируемый тезис. Простейшая логика дает ответ: понятие права, как и то, что понимается под правом, применяется в практической жизни человека. Следовательно, первый вывод, который мы можем сделать с учетом последующих объяснений Иеринга, – *право само по себе есть средство, ресурс которого человек должен учиться применять как лично (борьба за субъективное право), так и в составе социальных групп (борьба за объективное право).*

Право есть средство реализации публичных (общественных) и индивидуальных (частных) интересов, пересекающихся в системе социальных отношений с многовековым постоянством (борьба), и обеспечения

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ См.: Там же. С. 11.

их определенной сбалансированности (мир). Собственно, в этом заключается классическое представление о предназначенности права.

Полагаем, что именно в этом ракурсе можно искать ответы на вопросы о доктрине и догме права, с одной стороны, исключая «нависание» над человеком и обществом некоей системы прав и свобод (идеалистическая философия права), которая нереализуема без определенных обязанностей и ограничений (проблема равенства прав и равенства или социальной соотносимости обязанностей), с другой, – не демонизируя власть, приписывая ее свойство издавать одни только произвольные законы, не отражающие сущностно реально складывающихся общественных отношений¹⁶ (легистская философия права), ибо создание и функционирование системы властных отношений объективно необходимо. Второй вывод состоит в том, что *главными вопросами юридической антропологии становятся вопрос о качестве правовой жизни, складывающейся из качеств правовой жизни самого общества и человека, а также вопрос о качестве рожденной ими власти и качестве управления.*

Применительно к постановке данной научно-правовой проблемы можно согласиться с мнением Н. Рулана о значении социологической науки для исследований в рамках юридической антропологии.

Восприятие качества жизни различно у разных людей и их групп – от минимального интереса к ее условиям до гиперболизированных требований, что является опять же продуктом сознания, формирующегося в определенных условиях, не исключая порой девиантные устремления. Однако в этом определенное значение имеет порождаемое не столько сознанием, сколько психическими переживаниями правовое чувство, которое Р. Иеринг называет психологическим источником права¹⁷.

Кроме философских, социальных, социологических, психологических аспектов права ученый выделяет нравственный аспект, утверждая, что право «есть необходимое условие нравственной жизни личности»¹⁸, и рассуждает о справедливости и несправедливости, равнодушии, трусости при отказе от борьбы за право, чести, эгоизме, мужестве и решительности, связывая эти понятия с развитым (нормальным) или болезненно ненормальным правовым чувством.

Что касается государства, то поддержание им правового порядка есть «ничто иное как непрерывная борьба против беззакония»¹⁹, и Р. Иеринг подчеркивает, что осуществление закона зависит от исполнения своих обязанностей чиновниками. Однако если «произвол и беззаконие ос-

¹⁶ См.: Лапаева В. В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства // Вопросы правоведения. 2014. № 5(27).

¹⁷ См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 45.

¹⁸ Там же. С. 46.

¹⁹ Там же. С. 16.

меливаются дерзко поднимать голову, то это верный признак того, что призванные к защите закона не исполняют своей обязанности»²⁰. Рассуждая о разлагающем влиянии несправедливых законов и дурных правовых институтов на нравственную силу народа, автор резюмирует: «Идея права и интерес государства идут рука об руку»²¹.

Завершает труд Р. Иеринга тезис об этике, которая не отрицает борьбы за право и считает ее обязанностью для индивидов и народов, и дает окончательное объяснение «того, что согласуется с существом права и что ему противоречит»²². Исходя из этого *мы должны во всех формах юридической деятельности не разделять право и мораль и руководствоваться принципом отражения морали в праве.*

От этих отправных идей исходили все выдающиеся мыслители. Право, как социальный феномен, со всеми своими существующими концепциями имеет антропологическую природу, что, во-первых, исходно исключает возможность признания абсолютной вневременной данностью как прав, обязанностей и свобод человека, так и правомочий власти. Во-вторых, позволяет говорить об эволюционировании представлений человека об этих категориях по мере накопления им знаний о своем опыте регулирования общественных отношений и выработки соответствующих объяснений, в том числе имеющих гипотетический характер. В-третьих, позволяет на определенном историческом этапе принять в качестве критериальных показателей прогрессивности общественных отношений определенный набор прав, обязанностей и свобод человека, форм политического общежития, соединяя с ними правомочия и обязанности органов государственной власти. В-четвертых, заставляет нас искать иные объяснения историческим реалиям взаимоотношений общества и власти, сложившемуся и ожидаемо должному цивилизационно-нравственному правопорядку, в которых искомым является справедливая организация общежития. В последнем случае, обращаясь к прошлому, *необходимо в качестве исходной признать позицию следования принципам историзма, что согласуется с известными решениями проблемы исторической памяти и исторической правды* и требует особого внимания действующему в те или иные исторические периоды праву (законодательству) и бытующим в изучаемый период общественным представлениям о морали.

Библиографический список

Иеринг Р. Борьба за право / Р. Иеринг ; перевод Р. А. Верта, под ред. М. И. Свешникова. – СПб. : Типография Я. Трей, 1895. – 90 с.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Там же. С. 71.

²² Там же. С. 90.

Лапаева В. В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства / В. В. Лапаева // Вопросы правоведения. – 2014. – № 5(27). – С. 10–67.

Рулан Н. Юридическая антропология : учебник / Н. Рулан ; перевод с франц., отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М. : Издательство НОРМА, 1999. – 310 с.

References

Ihering R. The Struggle for Law / R. Ihering ; translated by R. A. Vert, edited by M. I. Sveshnikov. – St. Petersburg : Ya. Trey Printing House, 1895. – 90 p.

Lapaeva V. V. Current State and Prospects of the Russian Theory of Law and State / V. V. Lapaeva // Questions of Jurisprudence. – 2014. – No. 5(27). – Pp. 10–67.

Rulan N. Legal Anthropology. Textbook for Universities / N. Rulan ; translation from French, edited by V. S. Nersesyants. – M. : NORMA Publishing House, 1999. – 310 p.

Для цитирования:

Борисов А. М. Юридическая антропология: отправные теоретические начала // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 81–88.

Recommended citation:

Borisov A. M. Legal anthropology: starting theoretical principles // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 81–88.

Сведения об авторе

Борисов Андрей Маркович – доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: andrei_borisov@mail.ru

Information about author

Borisov Andrey Marksovich – Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kursk State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: andrei_borisov@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ФИЛАТЕЛИЯ

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2023 г.

Аннотация: в статье представлена тематика в филателии, посвященная правовым актам, и приведен краткий обзор почтовых марок на данную тему. На основе международно-правовых стандартов в области почтовой связи и федерального законодательства сделан вывод, что почтовая марка является атрибутом государственного суверенитета и в этом плане она схожа с государственными символами.

Ключевые слова: государство, почтовая марка, филателия, правовой акт.

LEGAL ACTS AND PHILATELY

E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

Abstract: the publication provides an overview of open source information posted on the Internet, about the postage stamps on issues. In the article on the basis of international legal standards in the field of postal services the author's conclusion is made that the stamp is an attribute of state sovereignty that unites it with state symbols.

Key words: state, postage stamp, philately, legal act.

О филателии и правовой тематике в филателии¹

Термин «филателия» был введен в 1864 г. французским коллекционером Жоржем Эрпенем, предложившим использовать слово «филателия», имея в виду любовь к изучению всего, что относится к знакам почтовой оплаты – марок, конвертов, почтовых документов и т.д.

Стремление к развитию филателии является одной из целей создания общественных объединений коллекционеров. Первое в России общество филателистов было создано в Москве в 1883 г. В настоящее вре-

¹ См. о филателии подробнее: Филателия. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=78456995> (дата обращения: 19.11.2023); Тематическая филателия. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=78273100> (дата обращения: 10.05.2023); Якуб А. В. История отечественной филателии как «историографический факт-процесс» // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 4(28). С. 99–102.

© Сазонникова Е. В., 2024

мя в России действуют Союз филателистов России, Национальная академия филателии.

Зачастую почтовые марки выпускаются для продажи коллекционерам, что позволяет государству получать доходы, прямо не связанные с оказанием почтовых услуг. Общеизвестно, что одна в ряде стран (например, в Лихтенштейне, Монако) эмиссия почтовых марок является одним из источников доходной части бюджета.

Тематическая филателия – одно из сложившихся на данный момент направлений коллекционирования почтовых марок, а также других филателистических материалов на определенную тему или связанных с определенным понятием. Тематическая филателия появилась в 1920-е гг. XX в. Среди популярных тем коллекционирования традиционно выделяют марки, посвященные правителям, органам государственной власти, государственным праздникам, наградам, символам, правовым актам.

Почтовые марки, эмитированные в ознаменование правовых актов, могут быть посвящены: конституции и законам государства, международно-правовым актам (декларациям, международным договорам, в том числе мирным), правовым актам, значимым для истории государства, видным правоведам, крупным научным и образовательным юридическим центрам подготовки кадров и разработки правовых актов.

О почтовой марке как проявлении суверенитета государства

Почтовая марка – специальный знак почтовой оплаты, выпускаемый и продаваемый национальными (и иными) почтовыми ведомствами и обладающий определенной номинальной стоимостью (номиналом)².

Почтовые марки – государственные знаки почтовой оплаты – представляют собой многофункциональные почтовые графические произведения, которые решают многочисленные задачи: почтовую (условие пересылки); финансовую (способ оплаты пересылки); рекламно-пропагандистскую (метод стимулирования интереса к какому-либо государству или событию или к какой-либо определенной тематике); мемориальную (способы сохранения исторической памяти о событиях, юбилеях, объектах культуры и искусства); художественную (концептуальность, символика, код эпохи) и другие³.

Почтовые марки бывают стандартными (охватывают шкалу номиналов, достаточную для покрытия всех почтовых тарифов, и выпускаются массовым тиражом для длительного повседневного использования)

² См.: Почтовая марка. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=78045078> (дата обращения: 28.11.2023).

³ См.: Бакаютова Л. Н. Цифровое будущее знаков почтовой оплаты: музейный подход // Культура и технологии. Электронный мультимедийный журнал. 2021. Т. 6, вып. 3. С. 142. URL: http://cat.itmo.ru/sites/default/files/2022-01/CAT_2021_v6-i3_290.pdf (дата обращения: 12.11.2023).

и коммеморативными, т.е. памятными, которые выпускают по определенным поводам.

Почтовая марка, будучи своего рода миниатюрным плакатом, выполняет идеологическую функцию. «Любая марка – выбором и трактовкой сюжетов и портретов, символикой, атрибутами, текстами, даже стилистикой – настойчиво демонстрирует и пропагандирует вполне определенный, «свой» политический и экономический строй, национальную структуру, агитирует за свой «образ жизни», тип и уровень культуры»⁴.

Первые почтовые марки на территории Российской империи были выпущены 3 марта 1856 г. Великим княжеством Финляндским⁵. Первый общегосударственный выпуск стандартных марок состоялся в период с 10 декабря 1857 г. по март 1858 г.⁶

Во Всемирной почтовой конвенции (2008 г.)⁷ – международно-правовом соглашении о порядке международных почтовых связей между государствами – членами Всемирного почтового союза – закреплены требования к почтовым маркам. С точки зрения государственного и правового регулирования представляет интерес п. 3 ст. 8 данной Конвенции, в котором предусмотрено, что почтовые марки должны обязательно содержать написанное латинскими буквами⁸ название выпускающей страны-члена или территории.

В п. 5 ст. 8 Всемирной почтовой конвенции установлены требования к темам и сюжетам почтовых марок:

- должны соответствовать духу Преамбулы к Уставу Всемирного почтового союза и решениям, принятым органами союза;
- должны иметь тесную связь с культурным своеобразием страны-члена или территории или способствовать распространению культуры или поддержке мира;
- в случае выпуска памятных марок в честь выдающихся личностей или каких-либо событий, которые не относятся к истории страны-члена или территории, они должны быть тесно связаны с этой страной-членом или территорией;

⁴ Вальдман Э. Почтовая марка как предмет изобразительного искусства // Портал «Филателия: Уральский центр частных коллекций». URL: <http://urpcc.ru/mess005.htm> (дата обращения: 12.11.2023).

⁵ См. историю отечественных почтовых марок: Почтовые марки России. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=78324745> (дата обращения: 10.11.2023).

⁶ См.: Стандартные марки России. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=77127024> (дата обращения: 11.11.2023).

⁷ Заключена в Женеве 12.08.2008 г. полномочными представителями правительств стран – членов Всемирного почтового союза на основании ст. 22.3 Устава Всемирного почтового союза (Вена, 1964). Всемирный почтовый союз основан в 1874 г. Россия – член Всемирного почтового союза с момента его создания.

⁸ Исключение делается для Великобритании как страны, где была изобретена почтовая марка.

– не должны носить политический характер или быть оскорбительны для каких-либо личностей или страны;

– должны иметь важное значение для страны-члена или территории.

Другими словами, согласно международно-правовым документам о почтовой связи, почтовая марка рассматривается в качестве одного из атрибутов суверенитета государства, и это роднит ее с государственной символикой.

О почтовых марках есть крылатые фразы политико-правового содержания: «Желания мои весьма скромны. Портреты главы государства не должны превышать размер почтовой марки» (В. В. Набоков); «Почтовая марка – визитная карточка страны» (Г. Димитров).

Уместно вспомнить слова писателя Л. А. Кассиля: *«Я вижу в почтовых марках одновременно и маленькое окошко в чем-то манящий меня далекий мир, и геральдический знак народа и государства, листок календаря с памятной датой, восстанавливающий в воображении событие или имя примечательного человека»* (Календарь филателиста на 1978 год. М. : Связь, 1977. С. 7).

Согласно российскому законодательству почтовые марки являются не только государственным знаком почтовой оплаты, но также еще и культурными ценностями, в отношении которых действует особый порядок ввоза и вывоза из страны.

В настоящее время в России установлена административная ответственность за изготовление в целях сбыта либо сбыт заведомо поддельных государственных знаков почтовой оплаты по ст. 13.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в виде административного штрафа для граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей; для должностных лиц – от трех тысяч до четырех тысяч рублей; для юридических лиц – от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей, во всех случаях с применением конфискации средств изготовления поддельных государственных знаков почтовой оплаты.

Темы и сюжеты филателии, посвященные правовым актам

Почтовые марки, посвященные правовым актам, отличаются большим многообразием в России и в зарубежных странах. Одной теме могут быть посвящены разные марки, в разные годы на одну и ту же тему выпускаются разные марки. Такая почтовая марка является действенным средством популяризации права. Почтовые марки с рисунком на правовую тематику позволяют коллекционерам и иным заинтересованным лицам знакомиться с национальной правовой системой конкретной страны, а также с международным правом, поэтому имеют определенное значение для правового образования и популяризации права.

Почтовые марки как знаки почтовой оплаты относятся к достижениям правовой культуры, являются элементом правового наследия, так как представляют собой визуализацию в художественной форме образа права.

Ниже представлены примеры отечественных почтовых марок, посвященных правовым актам⁹.

Почтовые марки, посвященные Конституции Российской Федерации

1995 г. Почтовая марка посвящена Конституции Российской Федерации 1993 г.
Художник – Ю. Арцименев

2003 г. 10-летие принятия Конституции Российской Федерации.
Художник – Ю. Арцименев

⁹ Фотокопии всех представленных в данной публикации почтовых марок размещены в сети «Интернет» в ресурсах открытого доступа по следующим электронным адресам (соответственно порядку публикации почтовых марок в тексте, фамилии художников марок указаны в тексте, если такие сведения о почтовой марке были размещены в источнике о ней):

URL: <https://kvoss.ru/catalog/marki-rossii/1290-1995-251-konstitutsiya-rossiyskoy-federatsii-marka-rossiya/> (дата обращения 24.10.2023);

URL: <https://rusmarka.ru/catalog/marki/position/13206.aspx> (дата обращения: 24.10.2023);

URL: <https://rusmarka.ru/catalog/marki/position/13130.aspx?ysclid=lo395chipf887666439> (дата обращения 24.10.2023);

URL: <https://rusmarka.ru/catalog/marki/position/30848.aspx?ysclid=lo39c819rr57545077> (дата обращения 24.10.2023);

URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Павел_I_подписывает_Манифест_о_трехдневной_барщине.jpg (дата обращения 24.10.2023);

URL: <https://coberu.ru/auctions/728083> (дата обращения 24.10.2023);

URL: <https://filtorg.ru/product/1958-2170-10-let-vseobschey-deklaracii-prav-cheloveka> (дата обращения 24.10.2023);

URL: <https://filtorg.ru/product/1975-4395-20-let-varshavskomu-dogovoru> (дата обращения 24.10.2023);

URL: <https://rusmarka.ru/catalog/marki/position/38951.aspx> (дата обращения 24.10.2023);

URL: <https://rusmarka.ru/catalog/marki/position/31056.aspx> (дата обращения 24.10.2023);

URL: <https://rusmarka.ru/catalog/marki/position/42060.aspx> (дата обращения 24.10.2023).

Почтовые марки, посвященные Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации

2001 г. Почтовая марка «12 июня – День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации». Художник – Ю. Арцименев

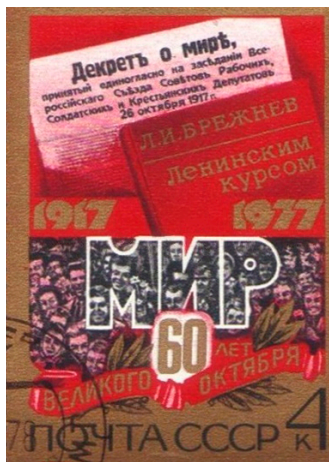
Почтовые марки, посвященные правовым актам досоветского и советского периодов отечественной истории

2016 г. Почтовая марка, посвященная 1000-летию Русской Правды – первому своду законов Древней Руси. Художник-дизайнер – В. Бельтюков

2004 г. Почтовая марка «Павел I подписывает Манифест о трехдневной барщине», к 250-летию со дня рождения императора. Портрет Павла I на марке выполнен по мотивам портрета работы С. С. Шукина (1810)

1977 г. Почтовая марка «60 лет Великого Октября. Декрет о мире. Л. И. Брежнев – Ленинским курсом»

Почтовые марки, посвященные международным правовым актам

1958 г. Почтовая марка, посвященная 10-летию принятия Всеобщей декларации прав человека

1975 г. Почтовая марка в честь 20-летия со дня подписания Варшавского договора

2021 г. Серия «История Российской дипломатии». 300 лет Ништадтскому мирному договору. Художник-дизайнер – С. Капранов

Почтовые марки, посвященные знаменитым правоведам и юридическим научным и образовательным организациям

2016 г. Серия «Выдающиеся юристы России». Г. Ф. Шершеневич. Художник-дизайнер – Р. Комса

2023 г. Почтовая марка «100 лет Институту законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». Художник-дизайнер – Х. Бетрединова

Библиографический список

Бакаютова Л. Н. Цифровое будущее знаков почтовой оплаты: музейный подход / Л. Н. Бакаютова // Культура и технологии. Электронный мультимедийный журнал. – 2021. – Т. 6, вып. 3. – URL: http://cat.itmo.ru/sites/default/files/2022-01/CAT_2021_v6-i3_290.pdf (дата обращения: 12.11.2023).

Вальдман Э. Почтовая марка как предмет изобразительного искусства / Э. Вальдман // Портал «Филателия: Уральский центр частных коллекций». – URL: <http://urpcc.ru/mess005.htm> (дата обращения: 12.11.2023).

Якуб А. В. История отечественной филателии как «историографический факт-процесс» / А. В. Якуб // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 4 (28). – С. 99–102.

References

Bakayutova L. N. Digital future of postal payment signs: a museum approach / L. N. Bakayutova // Culture and technology. Electronic multimedia journal. – 2021. – Vol. 6, issue. 3. – URL: http://cat.itmo.ru/sites/default/files/2022-01/CAT_2021_v6-i3_290.pdf (Date of access: 12.11.2023).

Waldman E. Postage stamp as an object of fine art / E. Waldman // Portal "Philately: Ural Center of Private Collections". – URL: <http://urpcc.ru/mess005.htm> (Date of access: 12.11.023).

Yakub A. V. History of Russian Philately as a "Historiographic Fact-Process" / A. V. Yakub // Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. – 2020. – Vol. 7, No. 4(28). – Pp. 99–102.

Для цитирования:

Сазонникова Е. В. Правовые акты и филателия // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 89–97.

Recommended citation:

Sazonnikova E. V. Legal acts and philately // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 89–97.

Сведения об авторе

Сазонникова Елена Викторовна – профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

E-mail: sazon75@mail.ru

Information about author

Sazonnikova Elena Viktorovna – Full Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Associate Professor

E-mail: sazon75@mail.ru

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 340.1

РОЛЬ АДВОКАТА ОРГАНИЗАЦИИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО ИНТЕРЕСЫ В РЕШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

А. А. Онуфриева, К. Р. Янчик, А. Ю. Ломако

Белорусский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

Аннотация: адвокаты играют важную роль в обществе и выполняют ряд функций, необходимых для обеспечения правосудия, защиты прав и интересов граждан и организаций. Цели адвоката связаны с защитой прав и интересов клиента, предоставлением квалифицированной юридической помощи, достижением справедливости, предотвращением негативных последствий и соблюдением профессиональных стандартов. В данной статье оценивается роль адвокатской деятельности в Республике Беларусь, идет ее сравнение с Российской Федерацией, а также выясняются перспективы развития.

Ключевые слова: адвокатура, юридический конфликт, юридическая помощь, профессиональные стандарты, справедливость, правосудие.

THE ROLE OF THE ORGANIZATION'S LAWYER REPRESENTING INTERESTS IN RELATION TO LEGAL CONFLICTS

A. A. Onufrieva, K. R. Yanchik, A. Yu. Lomako

Belarusian State Economic University

Abstract: lawyers play an important role in society and perform a number of functions necessary to ensure justice and protect the rights and interests of citizens and organizations. A lawyer's goals are related to protecting the rights and interests of the client, providing qualified legal assistance, achieving justice, preventing negative consequences and maintaining professional standards. This article evaluates the role of advocacy in the Republic of Belarus, compares it with the Russian Federation, and also clarifies development prospects.

Key words: advocacy, legal conflict, legal assistance, professional standards, fairness, justice.

© Онуфриева А. А., Янчик К. Р., Ломако А. Ю., 2024

В современном и сложном мире, где бизнес-сфера становится все более конкурентной и враждебной, роль адвоката в защите интересов организации приобретает особое значение. На протяжении последних лет в Республике Беларусь адвокатура активно развивается и становится незаменимым инструментом для обеспечения законности и соблюдения прав организаций.

Юридические конфликты – это неотъемлемая часть жизни общества, так как в любом обществе возникают разногласия и споры, которые требуют разрешения с использованием правовых механизмов. Конфликты могут возникать как между гражданами, так и между гражданами и государственными органами, а также между юридическими лицами. Основные причины возникновения юридических конфликтов могут быть различными: недостаточное понимание законодательства, несоблюдение договорных обязательств, нарушение прав и свобод граждан, разногласия по вопросам собственности и т.д. Важно отметить, что решение юридических конфликтов имеет большое значение для обеспечения справедливости и законности в обществе. Для разрешения юридических конфликтов широко используются различные правовые инструменты, такие как судебное разбирательство, досудебное урегулирование споров, арбитражные процедуры, медиация и т.д. Важно помнить, что эффективное разрешение юридических конфликтов требует компетентного подхода со стороны всех участников процесса и соблюдения принципов справедливости и законности. Кроме того, предупреждение возникновения юридических конфликтов также играет важную роль в обеспечении стабильности и развития общества. Для этого необходимо своевременное информирование граждан о своих правах и обязанностях, проведение профилактической работы по урегулированию спорных ситуаций и повышение правовой грамотности населения.

Главной задачей адвоката является представление интересов организации в различных ситуациях, включая решение правовых вопросов, возникающих как в рамках бизнес-деятельности, так и в области урегулирования конфликтов. Он является неотъемлемым членом команды, которая обеспечивает финансовую стабильность и успешное функционирование организации.

Работа адвоката начинается с консультации клиента. Адвокат помогает разобраться в сложных юридических вопросах, объясняет права и обязанности клиента, а также предостерегает от возможных рисков и последствий. Адвокат проводит анализ ситуации, изучает доказательства и законодательство, чтобы разработать стратегию защиты интересов клиента. Далее адвокат представляет интересы клиента в суде. Он составляет процессуальные документы, представляет аргументированные доводы и доказательства, защищает права и интересы клиента в ходе судебных засе-

даний. Адвокат стремится к достижению наилучшего результата для своего клиента, обеспечивая справедливость и законность в ходе процесса.

Одной из основных функций адвоката является непрерывное сопровождение организации в юридических вопросах. В данном контексте адвокат выполняет исчерпывающие анализы законодательства, консультирует руководство организации и предоставляет правовую помощь при подготовке и заключении различных контрактов, а также в других правовых вопросах, касающихся деятельности организации.

Однако стоит отметить, что роль адвоката не ограничивается простым предоставлением юридической помощи. Он также играет активную роль в предотвращении возможных юридических проблем, а также раскрывает их возможные последствия и риски для организации.

Роль адвоката в защите интересов организации становится особенно важной в условиях растущей потребности в сохранении репутации и имиджа организации. В связи с этим адвокат активно участвует в разрешении споров и конфликтов с заинтересованными сторонами, а также помогает организации эффективно реагировать на возникающие юридические проблемы, предупреждая возможные негативные последствия в виде ущерба для репутации организации¹.

В Беларуси деятельность адвокатов регулируется законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», который устанавливает правила профессиональной деятельности адвокатов, их права и обязанности, процедуры получения статуса адвоката и другие вопросы. Адвокаты в Республике Беларусь имеют право на независимую профессиональную деятельность, конфиденциальность информации, предоставленной клиентами, и защиту своей профессиональной независимости. Они также обязаны соблюдать этические стандарты и нормы поведения².

Потребности и требования к предпринимателям постоянно меняются, а законодательство становится все более сложным и разветвленным. В таких условиях чрезвычайно важно иметь правовое сопровождение бизнеса, чтобы обеспечить защиту своих интересов и минимизировать риски.

Адвокат – это специалист, обладающий особыми знаниями в области права, который оказывает юридическую поддержку и консультации предпринимателям, помогая им справиться с правовыми вопросами своего бизнеса.

Сотрудничество с адвокатом позволяет предпринимателям обеспечить защиту своих интересов, эффективно решать правовые проблемы и

¹ См.: О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=PD9700012> / (дата обращения: 06.03.2024).

² См.: Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100334> (дата обращения: 06.03.2024).

минимизировать риски для бизнеса. Важно выбирать квалифицированных и надежных специалистов, которые будут предоставлять высококачественную поддержку и консультации по всем вопросам правового регулирования деятельности компании³.

В современном обществе конфликты и споры являются неотъемлемой частью жизни. Они могут возникать как между физическими лицами, так и между юридическими лицами, а также могут иметь различную природу – юридическую, финансовую, семейную и т.д. Разрешение споров и конфликтов требует профессионального подхода и знаний в области права.

При разрешении споров в суде адвокат может представлять интересы организации, давать консультации по правовым вопросам, подготавливать документы и доказательства, а также выступать в качестве адвоката-представителя. Он поможет защитить интересы организации и добиться справедливого решения суда.

Во внесудебном порядке участие адвоката также может быть весьма полезным. Он может помочь в проведении переговоров между сторонами спора, поискать компромиссное решение и договориться о мирном урегулировании спора. Это позволит избежать длительных и затратных судебных процессов и сохранить доверие между сторонами.

Кроме того, адвокат может оказать правовую поддержку организации в предупреждении споров и конфликтов. Он может помочь с разработкой правильных договоров, контрактов и других правовых документов, которые исключают возможность возникновения споров в будущем.

Важно отметить, что в Беларуси существуют такие процедуры альтернативного разрешения споров, как медиация и арбитраж. Адвокаты могут выступать в качестве медиаторов или арбитров и помогать сторонам достичь соглашения в рамках этих процедур. Арбитражные суды в Беларуси являются независимыми от государства и сторон спора. Арбитры, назначаемые для разрешения споров, должны обладать высоким профессионализмом и опытом в соответствующей области права. Одним из преимуществ арбитража является его относительная эффективность и скорость по сравнению с государственными судами. Это позволяет сторонам быстрее получить решение спора и избежать длительных судебных процессов.

Права организации в Беларуси являются одним из основных элементов ее деятельности и защиты. Адвокаты играют ключевую роль в предотвращении нарушений прав организации. Они имеют широкий кругозор по правовым вопросам и могут обеспечить комплексную защиту интересов организации.

Один из ключевых аспектов защиты прав организации – заключение качественных и правильно составленных договоров. Адвокаты могут по-

³ См.: Матусевич Т. Страницы истории адвокатуры республики // Юстиция Беларуси. 2002. № 3.

мочь организации разработать и проанализировать договоры с контрагентами, клиентами, поставщиками и другими сторонами, обеспечивая защиту интересов организации и предотвращая возможные конфликты.

Следует отметить, что белорусское законодательство постоянно меняется и обновляется. Адвокаты могут помочь организации быть в курсе всех изменений в законодательстве и применять их на практике. Они также могут консультировать по вопросам налогообложения, трудового права, защиты интеллектуальной собственности и другим важным правовым вопросам. Перспективой развития адвокатуры является улучшение законодательства, регулирующего деятельность адвокатов. Оно может включать усовершенствование нормативных актов, урегулирование вопросов профессиональной ответственности адвокатов и дополнительное обеспечение их прав и гарантий.

Корпоративные споры могут серьезно навредить бизнесу организации. Специалисты оказывают услуги в разрешении конфликтов между участниками организации, защитив интересы всех сторон и предотвратив возможные юридические последствия.

Адвокаты также в силах предотвратить возможные претензии и иски со стороны контрагентов, сотрудников, государственных органов или других сторон. Они могут разработать стратегию предотвращения конфликтов и предложить решения для их разрешения.

В истории развития правовой системы Республики Беларусь адвокатская деятельность играет важную роль в защите интересов организаций. Адвокат как профессиональный защитник обладает навыками и знаниями, которые позволяют ему эффективно представлять интересы своих клиентов, в том числе и организаций, в суде и во внеурочной деятельности. Роль адвоката в защите интересов организаций в Республике Беларусь является неотъемлемой частью правовой системы.

В Республике Беларусь адвокаты объединены в Адвокатское сообщество, которое является саморегулируемой профессиональной организацией. Членство в сообществе является обязательным для всех адвокатов, и они должны соблюдать этические нормы и стандарты поведения. В Беларуси адвокаты предоставляют юридическую помощь гражданам и организациям в судах и вне судебного порядка, защищая их права и интересы. В Российской Федерации адвокатская деятельность также регулируется законом, и адвокаты объединены в адвокатские палаты. В России адвокаты также обязаны соблюдать профессиональные стандарты и этические нормы. Они предоставляют юридическую помощь гражданам и организациям в судебных процессах и в других юридических вопросах. Общим для адвокатов в РБ и РФ является стремление к защите прав и интересов своих клиентов, обеспечению справедливости и соблюдению законности. Адвокаты обладают специальными знаниями и на-

выками, необходимыми для успешного представления интересов клиентов в суде или при взаимодействии с другими сторонами конфликта. Адвокаты в Республике Беларусь и Российской Федерации играют важную роль в обеспечении правопорядка, защите прав граждан и обеспечении справедливости. Их профессионализм и компетентность необходимы для эффективного решения юридических конфликтов и обеспечения законности в обществе.

Адвокатские услуги в Республике Беларусь требуют соответствующей квалификации. Адвокатура является самостоятельным профессиональным сообществом, защищающим свою автономию и независимость. Это гарантирует клиентам организаций надежность и качество предоставляемых услуг. Кроме того, адвокаты подчиняются определенным этическим и профессиональным нормам, которые обеспечивают соблюдение прав и интересов клиентов.

Таким образом, адвокат как профессионал в области права выступает в качестве независимого специалиста, представляющего интересы своего клиента. Он занимается консультированием, разработкой правовых стратегий, сопровождением предпринимательской деятельности организации и представляет ее в суде. Однако адвокат не является нотариусом и не ограничен своими полномочиями только подписанием документов. Он является гарантом прав и свобод своего клиента, включая организационные интересы.

Перспективой развития адвокатуры является укрепление сотрудничества с международными партнерами, обмен опытом и передача передовых практик работы адвокатов.

Безоговорочно, адвокаты играют важную роль в защите интересов организаций на разных уровнях. Они являются консультантами, советниками и юридическими представителями организаций, помогают организациям в разработке и анализе юридических документов, а также в решении спорных вопросов. Благодаря своим знаниям и опыту адвокаты могут предотвращать возможные юридические проблемы и минимизировать риски для организаций.

Библиографический список

Матусевич Т. Страницы истории адвокатуры республики / Т. Матусевич // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 3. – С. 19–40.

Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100334> (дата обращения: 06.03.2024).

О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=PD9700012> / (дата обращения: 06.03.2024).

References

Matusevich T. Pages of the history of the republic's legal profession / T. Matusevich // Justice of Belarus. – 2002. – No. 3. – Pp. 19–40.

On the legal profession and advocacy in the Republic of Belarus [Electronic resource]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100334> (Date of access: 03/06/2024).

On some measures to improve advocacy and notarial activities [Electronic resource]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=PD9700012/> – (Date of access: 03/06/2024).

Для цитирования:

Онуфриева А. А., Янчик К. Р., Ломако А. Ю. Роль адвоката организации, представляющего интересы в решении юридических конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 98–102.

Recommended citation:

Onufrieva A. A., Yanchik K. R., Lomako A. Yu. The role of the organization's lawyer representing interests in relation to legal conflicts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 98–102.

Сведения об авторах

Онуфриева Анна Андреевна – студент Белорусского государственного экономического университета

E-mail: onufriyeva.anya@mail.ru

Янчик Кристина Руслановна – студент Белорусского государственного экономического университета

E-mail: yanchikkristia@mail.ru

Ломако Алла Юрьевна – доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: lomako_alla@mail.ru

Information about authors

Onufriyeva Anna Andreyevna – Student of the Belarusian State University of Economics

E-mail: onufriyeva.anya@mail.ru

Yanchik Kristina Ruslanovna – Student of the Belarusian State University of Economics

E-mail: yanchikkristia@mail.ru

Lomako Alla Yuryevna – Associate Professor of the Department of International Economic Law of the Belarusian State University of Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: lomako_alla@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 342.9

ОБЗОР ВТОРОЙ ЕЖЕГОДНОЙ ОСЕННЕЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ «НОМО JURIDICUS: ИСТОКИ, ЭВОЛЮЦИЯ, НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» (2 НОЯБРЯ – 5 ДЕКАБРЯ 2023 Г.) (Часть II)

И. С. Завьялова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2024 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Третьей международной научной междисциплинарной конференции памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: цивилизационные грани, рецепция, преемственность», состоявшейся на базе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 1 декабря 2023 г. в рамках Второй ежегодной осенней научной сессии «НОМО JURIDICUS: истоки, эволюция, новое измерение».

Ключевые слова: памятники права, правовое наследие, антропология, правовые ценности, принципы права, рецепция, преемственность, цивилизация.

REVIEW OF THE SECOND ANNUAL AUTUMN SCIENTIFIC SESSION "HOMO JURIDICUS: THE ORIGINS, EVOLUTION, NEW DIMENSION" (NOVEMBER 2 – DECEMBER 5, 2023) (Part II)

I. S. Zavyalova

Voronezh State University

Abstract: the review presents the abstracts of the reports of the participants of the Third International Scientific Interdisciplinary Conference in memory

© Завьялова И. С., 2024

of Professor M. G. Korotkih "World evolution in monuments of law: civilizational facets, reception, continuity", held on the basis of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of the Faculty of Law of Voronezh State University on December 1, 2023 as a part of the Second Annual Autumn Scientific Session "HOMO JURIDICUS: the origins, evolution, new dimension".

Key words: monuments of law, legal heritage, anthropology, legal values, principles of law, reception, continuity, civilization.

Продолжением цикла мероприятий Второй ежегодной осенней научной сессии «HOMO JURIDICUS: истоки, эволюция, новое измерение», организованной в Воронежском государственном университете Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ и кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, стало проведение 1 декабря 2023 г. Третьей международной научной междисциплинарной конференции памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: цивилизационные грани, рецепция, преемственность».

Открывая конференцию, с приветственным словом к ее участникам обратилась руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Светлана Николаевна Махина**. Она обратила внимание участников конференции на научные достижения Михаила Григорьевича Коротких, который долгое время работал на кафедре теории и истории государства и права Воронежского государственного университета и внес значительный вклад в развитие отечественной историко-правовой науки.

Первой темой научных исследований Михаила Григорьевича стала история конституционного строительства в Болгарии, получившей государственную независимость после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Итогом проведенной работы стала монография «Россия и конституционное строительство в Болгарии 1878–1879 гг.» (Воронеж, 1982), положительно воспринятая в отечественной и болгарской научной печати. По данной теме М. Г. Коротких в 1978 году защитил кандидатскую диссертацию. В последующие годы Михаил Григорьевич исследовал историю судебной реформы в России 1864 г., в результате чего были изданы две монографии: «Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России» (Воронеж, 1989) и «Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования)» (Воронеж, 1994). В 1990 г. по данной тематике М. Г. Коротких защитил докторскую диссертацию. И в

настоящее время научное исследование Михаила Григорьевича, посвященное судебной реформе 1864 г., остается одним из наиболее глубоких и востребованных в научном сообществе.

В завершении выступления С. Н. Махина отметила, что широкая эрудиция и высокое профессиональное мастерство Михаила Григорьевича, поднятые им научные проблемы и его глубокий интерес к историко-правовой науке могут служить основой для привлечения внимания научного сообщества к дискуссионным проблемам историко-правовой науки и их междисциплинарному контексту.

Открыл научную дискуссию **Дмитрий Алексеевич Пашенцев** – заведующий кафедрой теории, истории и философии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Он посвятил свой доклад памятникам права в дореволюционной России, обратив внимание на их отдельные особенности с позиций историко-антропологической теории права.

Дмитрий Алексеевич отметил, что в историко-правовой ретроспективе традиционно исследуются основные нормативные правовые акты различных периодов с позиций причин их возникновения, обстоятельств принятия, особенностей юридической техники. В то же время практическая составляющая их реального действия и эффективности зачастую ускользает от внимания исследователей. Нормативный текст воспринимается как некий абсолют, с необходимостью определяющий правовую действительность с момента своего принятия. В то же время известны факты, когда отдельные источники не действовали или практически не применялись в отдельных регионах российского государства. Тем не менее правовые отношения в соответствующих сферах – особенно гражданской, семейно-правовой – там развивались и получали определенное правовое оформление.

В завершение доклада Д. А. Пашенцев отметил, что исследователям необходимо большее внимание уделять рассмотрению особенностей преломления правовых норм сквозь реальную действительность – сознание и волю людей, их поступки – как правомерные, так и противоправные. Именно эти факторы позволяют нам изучить и понять подлинное право того или иного исторического периода.

Свое развитие дискуссионные вопросы конференции получили в докладе **Ольги Николаевны Шеменевой** – доктора юридических наук, профессора кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета. Она обратила внимание на историю развития института мирового судьи в трудах профессора М. Г. Коротких.

О. Н. Шеменова подчеркнула, что труды Михаила Григорьевича Коротких и в настоящее время являются актуальными в юридической науке,

поскольку он был и остается практически единственным ученым, глубоко специализировавшимся на судебной реформе 1864 г. Одним из институтов, получившим в его работах подробное рассмотрение, является институт мирового судьи. Это начальное звено судебной системы сыграло огромную роль в развитии всей системы правосудия при ее построении по новой, либерально-демократической модели. Концепция роли мировых судей в общей системе судов и требований к ним несколько раз пересматривалась в ходе подготовки реформы. Тем не менее именно это звено судебной системы должно было получить наиболее эффективное и обстоятельное правовое регулирование, поскольку именно мировые судьи должны были принять на себя основную долю нагрузки, связанной с рассмотрением споров с участием освобожденного крестьянства.

В завершение доклада О. Н. Шеменова провела параллель между до-революционным и современным подходом к регулированию института мировых судей в российской судебной системе, подчеркнув постоянно высокий уровень значимости этого сегмента правосудия для эффективной государственной политики.

Профессор кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, доктор исторических наук, профессор **Николай Петрович Писаревский** в своем докладе проанализировал место человека в правовом пространстве Древней Месопотамии конца III – начала II тыс. до н.э. Он отметил, что правовое пространство является частью культурного пространства. Культурное пространство, его развитие, тенденции и закономерности определяются развитием той культуры, которая принадлежит конкретному обществу – древневосточному, античному или средневековому, обществу периода Нового времени или Новейшей истории. Культура есть отображение на различных уровнях, в различных памятниках тех тенденций, закономерностей и, главным образом, отношений на экономическом, социально-политическом, идеологическом уровнях, которые свойственны тому или другому периоду. Такие закономерности проецируются и реализуются в правовом пространстве, которое впитывает их в памятниках правовой мысли. Они отображают те естественные реалии, которые, с одной стороны, показывают нам экономические основы, политическую систему, социальную иерархию общества, которые были характерны для данного конкретного исторического типа общества и государственности, а с другой – дают нам возможность понять, о чем размышлял человек, находясь в этой системе, какие основные приоритеты он ставил и как объяснял свое собственное существование, место и в культуре, и в окружающей его действительности в мире, каким образом он формулировал цели, принципы своего существования. Относился ли он к этим формулировкам как к субъекту, который самостоятельно их выражает, или как объ-

екту, которому навязывают сверху боги и цель жизни, и задачи, и алгоритм достижения определенных целей и задач. Такая постановка вопроса требует самостоятельных, более подробных и сложных исследований.

Выступление ведущего научного сотрудника отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента **Михаила Михайловича Степанова** было посвящено особенностям систематизации законодательства в первые годы советской власти. В начале своего доклада Михаил Михайлович обозначил весьма актуальную проблему, связанную с систематизацией российского законодательства в настоящее время. По мнению автора, это обусловлено рядом факторов, важнейшим из которых является то, что массив действующих в нашем государстве нормативных правовых актов отличается значительным объемом и постоянно возрастает. Так, Федеральное собрание Российской Федерации является одним из самых активно действующих парламентов в мире. В России ежегодно принимается более 500 законов. Количество принимаемых подзаконных нормативных правовых актов неизмеримо больше. Проблематика систематизации стала актуальной еще и в связи с тем, что в настоящее время активно ведется работа над созданием Цифрового кодекса. В связи с этим М. М. Степанов отметил, что в процессе систематизации в настоящее время необходимо использовать уже имеющийся отечественный опыт в этой сфере. В том числе особый интерес в данном направлении составляет период гражданской войны в России, когда создавалось новое советское законодательство и активно проводилась работа по его упорядочению.

Докладчик отметил, что Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила социальный строй России, на смену буржуазным отношениям пришли новые, хаотичные, практически ничем не урегулированные отношения, которые были имманентно присущи переходному этапу общественного развития от капитализма к социализму. Их упорядочение стало важнейшей задачей новой власти. При этом систематизация осуществлялась сразу же по мере накопления нормативного материала, исходя из потребностей государственного правового строительства и являлась одной из основных особенностей права в первые годы советской власти.

Главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Юрий Геннадьевич Арзамасов** выступил с докладом на тему: «Специальные кодифицированные акты как источники права романо-германской правовой семьи». В начале выступления докладчик определил, что предлагает понимать под специальными

ми кодифицированными актами результаты нормотворческой систематизации, представляющей систему, включающую большой объем последовательно изложенных и логически взаимосвязанных норм права, закрепленных в особых юридических конструкциях. Ю. Г. Арзамасов отметил, что одной из главных проблем в принятии и разработке специальных кодифицированных актов является то обстоятельство, что простые акты вводят фактически акты кодифицированные, но с точки зрения теории государства и права кодифицированный акт обладает большей юридической силой. И в этом отношении появляется определенный дисбаланс.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, главный редактор журнала «Вестник юридического факультета ЮФУ», проректор по научной работе Донской духовной семинарии, доктор юридических наук, профессор **Алексей Игоревич Овчинников** в своем выступлении затронул весьма серьезный в настоящее время вопрос о сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей российского государства и представил доклад на тему: «Традиционные духовно-нравственные ценности российского государства-цивилизации: законодательные меры по защите и сохранению». Докладчик поделился мыслями по поводу новой концепции государственного правового развития России – концепции «государства-цивилизации». Она накладывает особое обязательство на юриспруденцию в плане защиты границ нашей уникальности, самобытности от разъедающего универсализма западноцентрического типа.

А. И. Овчинников подчеркнул несколько моментов, важных для государственной идеологизации нашего права, законодательства и обеспечения с помощью правовых средств сохранности духовно-нравственных ценностей. Так, по мнению докладчика, России государственная идеология не нужна и она, в принципе, невозможна на основании ст. 13 Конституции Российской Федерации, которой государственно-обязательная идеология запрещена. В то же время А. И. Овчинников отметил, что России необходима общественная идеология или идеология общественного идеала, а ядром этого общественного идеала должны стать именно традиционные духовно-нравственные ценности, более полный, глубокий и важный перечень которых был принят еще в 2012 г. на Всемирном Русском Народном Соборе.

Также профессор Овчинников предложил вариант нормативного закрепления ценностной основы, обозначив возможность дополнения содержания действующей Конституции Российской Федерации новой главой, в которой более четко и подробно была бы изложена информация о традиционных духовно-нравственных ценностях, особенностях их закрепления в федеральных законах и соотношения с принципами права.

Заведующий кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления филиала РАНХиГС при Президенте РФ,

доктор юридических наук, профессор **Татьяна Владимировна Шатковская** выступила на конференции с научным докладом на тему: «Манифест от 19 февраля 1861 г. как юридическая форма консолидации российского общества». Она пояснила, что верховная власть в России начинает использовать манифесты с XVIII в. С XIX в. эта практика издания высочайших манифестов приобретает широкое распространение, и количество манифестов, которые содержатся в полном собрании законов Российской империи, позволяет выявить две тенденции. Во-первых, это намерение власти создать устойчивый канал связи для обращения монарха к обществу и решения злободневных острых социальных проблем сверху. Во-вторых, это стремление общества к диалогу с властью для понимания дальнейшей стратегии развития государства. Конечно же, интересен не только сам факт издания этих манифестов, но интересна и реакция на них общества, потому что она показывает не только различия, но даже полярность политико-правовых воззрений в этот период времени, поскольку монархическая часть общества, конечно же, с воодушевлением восприняла многочисленные милости императора. А вот сторонники реформ полагали, что все эти милости не компенсируются отсутствием реальных мер по решению злободневных проблем, например таких, как отсутствие свободы перемещения, отсутствие гражданских свобод, замалчивание крестьянского вопроса. И в какой-то степени именно реакция общества во многом способствовала ускорению проведения крестьянской реформы и появлению манифеста об отмене крепостного права. Между тем, данный акт до сих пор недооценен, равно как и его роль в построении гражданского общества в России, потому что он стал блестящей точкой завершения эмансипации российского общества. Рассматриваемый манифест дает личную свободу миллионам россиян – наконец-то крепостные крестьяне впервые были включены в число верноподданных императора (до этого времени они даже не приносили ему присягу и не могли рассматриваться в качестве подданных). Здесь же свободный труд провозглашается залогом домашнего благополучия и блага общества. Манифесты становятся отдельным направлением правотворческой деятельности верховной власти.

Ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН, доктор исторических наук, доктор политических наук **Павел Николаевич Дудин** выступил с научным докладом на тему: «Роль памятников монгольского права в определении над-системы монгольского классического права (тенгерианско-буддийской традиции) и ее месте в правовой семье восточноазиатских цивилизаций». Павел Николаевич предложил по-новому посмотреть на памятники восточного права и прочитать их иначе, а не с западноцентристских позиций. В данном контексте докладчик проанализировал следующие группы памятников права: кодифицированное степное законодательство; кодифицированное специаль-

ное имперское законодательство для периферийных территорий; кодифицированное обычное право в пределах имперского государственно-правового пространства; обобщение обычного права в отечественном государственном правовом сегменте.

Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук **Арина Игоревна Федюшкина** затронула средневековые памятники права, обозначив темой доклада «Средневековые памятники права как поликодовые пространственные тексты».

Арина Игоревна отметила, что необходимо использовать различные подходы в изучении истории права, обращаться к достижениям юридической антропологии, расширять предмет исследования за счет использования не только чисто юридических источников, но и общеисторических источников, а также методов юридической иконографии и иконологии, которые тоже звучат в современной юридической дискуссии. Обращаясь к использованию междисциплинарных методов лингвистики и семиотики при исследовании памятников права, А. И. Федюшкина предложила собственный взгляд на юридические тексты западноевропейского Высокого Средневековья. Она отметила, что традиционно памятники права рассматриваются как тексты в узколингвистическом смысле, как способ передачи сообщения с помощью единиц вербального языка. Вербальная форма в целом характерна для права, но именно естественный язык служит средством выражения воли законодателя и инструментом правоприменителя, а также используется юридической наукой.

При всем многообразии подходов за рамками большинства проводимых исследований все же остаются проблемы интерпретации иных невербальных элементов языка права. В то же время их изучение, по мнению выступающего, позволит более глубоко познать не только внешние формы выражения, содержания правовых предписаний, но и определенные внутренние закономерности развития и функционирования правовых систем. В связи с этим особенно интересным представляется обращение к правовым памятникам европейского средневекового права, потому что в средневековой практике закрепления содержания правового предписания известна не только стандартная вербальная форма, но также и визуальная знаковая форма представления правового содержания.

Интересный доклад о правовой цивилизации как категории сравнительного правоведения был представлен старшим научным сотрудником Института философии права Уральского отделения Российской академии наук, кандидатом исторических наук **Павлом Игоревичем Костогрызовым**. Он предложил разграничить цивилизационный подход и цивилизационную теорию в юридической науке. Цивилизационный

подход при этом представляет собой не всеобъемлющую методологическую рамку или тем более цельную теорию, которая должна объяснить всё и вся, а только один из подходов, который объясняет только один из аспектов социальных процессов и должен использоваться не как нечто самостоятельное и всеобъемлющее, а наряду с другими подходами, и занимать свое скромное, но достойное место. Именно такой методологический принцип был положен в основу выступления докладчика.

П. И. Костокрызов отметил, что использование категории «правовая цивилизация» наряду с «правовой семьей» и «правовой системой» даст возможность более подробного рассмотрения права зарубежных стран, принадлежащих к различным культурным ареалам. В качестве рабочего определения правовой цивилизации было предложено следующее: «Правовая цивилизация – это историко-географическая общность, характеризующаяся единством основополагающих черт правовой культуры». В некоторых случаях ареал правовой цивилизации может совпадать с правовой семьей или с группой правовых систем, поскольку формальные и культурно-цивилизационные особенности права, несомненно, взаимосвязаны. В то же время правовую цивилизацию невозможно познать чисто догматическим путем, исследуя только нормативные правовые акты: необходимо изучать юридическое бытие человека соответствующего общества, а для этого – использовать методы юридической антропологии, социологии и культурологии, принимая во внимание также исторический опыт изучаемых стран. Критерием, по которому предлагается различать правовые цивилизации, может стать аксиологический, поскольку правовые цивилизации различаются, прежде всего, теми ценностями, на которые ориентируется право. Поскольку правовая цивилизация составляет лишь одну из многих граней соответствующей цивилизации в целом как культурно-исторической общности, то ее ценностное ядро включает не все ценности данной цивилизации в широком смысле, а лишь те из них, которые могут в той или иной форме выразиться, реализовываться правовыми средствами и быть предметом правовой защиты.

П. И. Костокрызов также предложил выделить сравнительно-правовую аксиологию как раздел сравнительного правоведения, изучающего ценностные основания правовых культур и цивилизаций. Это, по мнению докладчика, позволит обнаружить, что даже в рамках одной большой правовой семьи могут находиться страны или правовые системы, относящиеся к разным цивилизациям, а цивилизационная разница задает их определенные особенности, не исключая при этом принадлежность к одной правовой семье. На уровне собственно-правовых ценностей универсалии «добро» и «справедливость» юридизируются, и в том, как именно это происходит, и выявляются своеобразные черты каждой правовой цивилизации, отличающие ее от других.

Заместитель заведующего кафедрой философии и социологии, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских наук **Максим Александрович Беляев** в методологическом ракурсе проанализировал идеи известного немецкого социолога Норберта Элиаса. Докладчик отметил, что Элиас, рассматривая социальную морфологию, обращает внимание на то, что если в XIX в. мыслители более всего говорили о том, каким общество должно быть, то в XX в. всё поменялось: обществоведы говорят о том, какое общество есть, не интересуясь при этом телеологическим фактором и становлением общественных форм, не интересуясь динамикой. Н. Элиас пытается объяснить причины таких изменений. Для этого он предлагает посмотреть на ситуацию с разных сторон, вводя несколько специальных понятий: 1) социогенез, 2) психогенез и 3) фигурация. Под фигурацией он понимает некое единство множеств, а именно – переплетение человеческих отношений, которые образуют иерархию, структурность. Именно в этом переплетении, фигурациях, по мнению Н. Элиаса, у индивидов возникают такие качества, которые никогда бы не возникли, если бы они не были частью этой фигурации. Такого рода связи пронизаны отношениями контроля, с одной стороны, и отношениями саморегулирования – с другой. При этом, по мысли Н. Элиаса, в ходе развития всё, что по отношению к индивидууму является внешним, постепенно становится внутренним.

Профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент **Елена Викторовна Сазонникова** выступила с докладом на тему: «Правовые акты и филателия». Елена Викторовна отметила, что термин филателия был введен в 1864 г. французским коллекционером Жоржем Эрпеном, предложившим использовать данный термин, имея в виду любовь к изучению всего, что относится к знакам почтовой оплаты – марок, конвертов, почтовых документов и другого. Тематическая филателия как одно из направлений коллекционирования марок, возникла позднее, в начале XX в. Среди популярных тем коллекционирования, связанных с государствоведением и правом, выделяют марки, посвященные правителям, органам государственной власти, государственным праздникам, наградам, символам и, конечно же, правовым актам. Согласно международным документам о почтовой связи, почтовая марка рассматривается в качестве одного из графических атрибутов суверенитета государства, и это роднит ее с государственной символикой. Почтовые марки как знаки почтовой оплаты относятся к достижениям правовой культуры. Можно сказать, что это в каком-то смысле и правовое наследие тоже, а не только почтовое, так как они представляют собой визуализацию в художественной форме образа права. Согласно российскому законодательству, марки

являются культурными ценностями, и в отношении них установлен особый порядок ввоза и вывоза. В завершении своего выступления Е. В. Сазонникова еще раз подчеркнула, что почтовые марки – это не только почтовая тема, но и явление правовой культуры и в определенном смысле правовое наследие, поскольку оно представляет нам визуализацию образа права в художественной форме.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Юлия Владимировна Сорокина** в своем выступлении затронула тему становления идеологии Руси и России, представив доклад на тему: «Православие и российская национальная идея». Она обратила внимание именно на православную идеологию, на которой в принципе делаются акценты в настоящее время. Происходит идентификация российского сознания, российского государства именно с православным сознанием. В начале выступления Ю. В. Сорокина коснулась некоторых этапов того процесса, как именно православие стало основой русской государственности и русской идеологии. В 988 г., с момента крещения Руси, еще рано было становиться идеологией государственной тогда православной византийской церкви, поскольку, во-первых, на практике христианство было воспринято далеко не сразу. Лишь со временем церковь становится помощницей государства, возникает некая симфония властей, когда монарх подчиняется церкви как христианин, и церковь подчиняется монарху на уровне подданных. Эта симфония и определила идеологическую составляющую нашего государства, которая потом у графа Уварова выльется в «православие, самодержавие и народность». Ю. В. Сорокина отметила, что в настоящее время православная церковь активно участвует в политике и оказывает значительную поддержку государственной власти.

О кодификации уголовного законодательства Российской империи в XIX в. интересный доклад был представлен исполняющим обязанности заведующего кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека Ивановского государственного университета, кандидатом исторических наук, доцентом **Евгением Леонидовичем Поцелуевым**.

Евгений Леонидович сделал акцент на Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакциях 1857, 1866 и 1885 гг. Докладчик отметил, что Уложение 1845 г. входило в состав свода законов Российской империи вплоть до 1917 г. В 1857 г. этот акт находился в четырнадцатом томе свода законов, при этом рубрикация о содержании раздела, главы, отделения под статьи, а также последовательность изложения нормативного материала не претерпели существенных изменений. Единственное новое, что появилось в редакции 1857 г., – это криминализация деяний, связанных с нарушением табачного устава и повреждением линий теле-

графной сети. В этом проявляет себя влияние развития науки, техники, технологий на законодательство. В 1863 г. был подписан Указ о некоторых изменениях в существующую систему наказаний уголовных и исправительных. В соответствии с ним суды Российской империи могли лишь назначить два вида телесных наказаний. Это розги и заключение. Вступление в силу данного Указа привело к пересмотру более 500 статей Уложения 1845 г. В результате Уложение в редакции 1866 г. было менее громоздким, оно насчитывало уже менее 2000 статей. В 1875 г. была предпринята попытка разработки последней редакции Уложения. Изменения коснулись мест лишения свободы в связи с тюремной реформой. Появились новые положения о каторге, не стало возможности заменить лишение свободы телесным наказанием. Таким образом, ученый обратил внимание на то, что российское уголовное законодательство в 50–80-е гг. XIX в. претерпевало существенные изменения, что нашло отражение в редакциях, которые он упомянул в выступлении.

Выступления участников конференции каждый раз порождали интересные дискуссии. В завершение конференции профессор С. Н. Махина подчеркнула, что такие мероприятия должны стать закономерностью в жизни научного юридического сообщества, поскольку интенсивный и плодотворный обмен мыслями позволяет понимать векторы развития научного знания в разных направлениях.

Для цитирования:

Завьялова И. С. Обзор Второй ежегодной осенней научной сессии «НОМО JURIDICUS: истоки, эволюция, новое измерение» (2 ноября – 5 декабря 2023 г.) (Часть II) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 105–116.

Recommended citation:

Zavyalova I. S. The review of the Second Annual Autumn Scientific Session “НОМО JURIDICUS: the origins, evolution, new dimension” (November 2 – December 5, 2023) (Part II) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 105–116.

Сведения об авторе

Завьялова Ирина Сергеевна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук
E-mail: irina944978@mail.ru

Information about author

Zavyalova Irina Sergeevna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences
E-mail: irina944978@mail.ru

**ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
(Рецензия на коллективную монографию:
Современное китайское государство. Т. 1:
Современные институты государственной власти
и управления / редкол.: А. В. Виноградов
(гл. ред.) [и др.]. – М. : РАН, 2022. – 903 с.)**

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 марта 2024 г.

Аннотация: в рецензии представлен общий анализ структуры и содержания монографии «Современное китайское государство. Т. 1: Современные институты государственной власти и управления», подготовленной к изданию Институтом Дальнего Востока РАН. Автор акцентирует внимание на отдельных структурных элементах монографии, помогающих лучше понять китайскую государственность.

Ключевые слова: КНР, китайское государство, партийная система КНР, исполнительная власть, государственная служба, национальные автономии КНР, миграционная политика.

**FUNDAMENTAL STUDY OF THE SYSTEM
OF MODERN CHINESE PUBLIC
ADMINISTRATION
(Review of the collective monograph: Modern
Chinese state. Vol. 1: Modern institutions of state
power and administration / editorial board:
A. V. Vinogradov (editor-in-chief) and others. – M. :
RAS, 2022. – 903 p.)**

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the review presents a general analysis of the structure and content of the first volume of the collective monograph "Modern Chinese state" (Vol. 1:

© Малиновская Н. В., 2024

"Modern institutions of state power and administration"), prepared for publication by the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. The author focuses on individual structural elements of the monograph that help to understand Chinese statehood better.

Key words: PRC, Chinese state, party system of PRC, executive power, civil service, national autonomies of PRC, migration policy.

В 2022 г. Российской академией наук был издан фундаментальный труд – исследование современной китайской государственности. Первый том коллективной монографии «Современное китайское государство» посвящен основным институтам государственной власти и управления. Это издание, приближенное по объему к фолианту в 1000 страниц текста, всесторонне охватывает различные аспекты государственного управления КНР и представляет собой итог почти десятилетней работы авторского коллектива, состав которого, несомненно, внушает уважение, равно как и те кропотливые, глубокие научные исследования, которые необходимо было провести для такого внушительного результата. В избранной библиографии данного издания – более 100 источников на китайском языке, около 300 – на русском и порядка 50 англоязычных источников.

Во введении к монографии главный редактор – профессор А. В. Виноградов – отмечает обязательность изучения китайского опыта современными отечественными общественными науками наравне с опытом западных государств. Уже сейчас можно дополнить это суждение сравнением в превосходной степени в пользу китайского государства и права. И причины тому не только историко-политические. Западное право и государственность долгое время доминировали в фокусе отечественной юридической науки, они довольно обстоятельно изучены, и в ближайшей перспективе возможно лишь их переосмысление. В противовес этому китайская государственность, а тем более нормативная основа и практика правового регулирования практически неизвестны отечественным правоведам. Уверенными знаниями в этой области обладают весьма немногие представители юридической доктрины, из которых (думается, не будет ошибочным утверждать) большинство и стали авторами рецензируемой монографии.

Китайское государство и право становятся новой, весьма широкой и благодатной почвой для научных исследований. Не последнюю роль в этом играет и активность самого Китая как в экономической, так и в правовой сфере: так, принятие в 2020 г. Гражданского кодекса КНР произвело грандиозный эффект на юридическое сообщество, которое активно включилось в обсуждение причин, последствий и эффективности данного нормативного правового акта¹.

¹ Гражданский кодекс КНР / ред. П. В. Трошинский, А. Р. Зайнигабдинов. М., 2020; Ван Ч. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае // Lexrussica. 2020. Т. 73,

В содержании монографии впечатляет, в первую очередь, обстоятельность и последовательность правовой аналитики, а равно объем сфер государственного управления, который авторам удалось охватить: помимо многоуровневого структурирования бюрократической системы КНР, авторы исследовали политическую, социально-экономическую, культурную, образовательную, спортивную, экологическую и даже религиозную сферу. Безусловно, масштаб задач не позволил равным образом охарактеризовать до нюансов каждую из них, но авторам, несомненно, удалось представить читателям разностороннюю характеристику государственного управления КНР, достаточную, чтобы сформировать о ней целостное впечатление.

Интересно, что в начале монографии речь не заходит сразу о структурировании власти и принципах ее осуществления. Авторы дают необходимый экскурс в административно-территориальное деление КНР, без понимания которого, в том числе и в историческом ракурсе, который также удается осветить (параграф 1.1 главы 1), невозможно приступить к характеристике государственной власти и местного управления. В главе 1 освещены также районы с особыми административно-хозяйственными правами (Пудун, Биньхай, Сюньань, Шэньчжэнь, Хайнань и др.) и специальные административные районы. Глава 1 снабжена восемью приложениями, в которых удобно и наглядно продемонстрированы отдельные административно-территориальные единицы, сгруппированные сообразно статусам.

Другой главой, которой авторы решили предварить описание системы государственного управления, является глава 2, характеризующая государственную систему контроля численности населения. В ней также имеется исторический экскурс, охарактеризованы основные принципы функционирования системы и ее построения. Параграф 2.3 снабжен несколькими таблицами, включающими подробные сравнительные численные величины характеристики демографической ситуации в КНР в разные исторические периоды.

Систему регистрации населения и феномен внутренней миграции авторы также решили выделить в особую главу (глава 3), которая завершает характеристику современной китайской государственности с позиций ключевых признаков – территории и населения. Авторы отмечают, что тенденция контроля внутренней миграции является исторически сложившейся еще со времен династии Хань, когда регулярно состав-

№ 3(160); *Трощинский П. В.* Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3; *Его же.* Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 2; *Алексеев А. П.* Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 12(133).

лялись соответствующие реестры населения, а впоследствии осуществлялась прямая территориальная привязка. Интересно, что буквально из нескольких тезисов, даваемых авторами, следует положительная оценка данной практики для Китая, поскольку она обеспечивает стабильность и относительную безопасность крестьянскому населению, а также препятствует бандитизму и поддерживает правопорядок. Таким образом, очевидно, что сами процессы перемещения населения внутри страны получают неодобрительную оценку и связываются лишь с противоправными факторами. Возврат политики ограничений в 1949 г. после периода войн и нестабильности XX в. обосновывается гармонизацией общественной жизни, недопустимостью разрушения сельских поселений и коллапса городских инфраструктур. И в этой главе авторы также не обходятся без сравнительной таблицы, отражающей соотношение городской и сельской занятости (с. 83).

Уже в главе 5 перечисленные территориальные и социальные характеристики оправдывают себя, когда мы видим анализ функционирования избирательной системы на примере отдельных провинций и районов. Отсылки к административно-территориальной специфике КНР имеются практически во всех главах монографии, независимо от их прямого обозначения в содержательной части. Таким образом, авторы справедливо задают исходные ориентиры для понимания государственности КНР в самом начале исследования.

Система государственного управления проанализирована в монографии исключительно подробно (главы 4–7 и 9–16). Указанные части уже получали оценку в рецензиях других авторов², поэтому в данном случае не считаем необходимым останавливаться на них подробно. Помимо традиционных для понимания властной системы элементов, в содержании монографии присутствует глава 8, характеризующая механизм принятия социально-экономических программ КНР. Несмотря на специфическую тематику, она помогает лучше понять концепцию развития современной китайской государственности, поскольку анализирует опыт XXI в. Именно в это время произошел переход от директивного к индикативному планированию и от установления количественных показателей к качественным, что стало возможным после принятия 10-го пятилетнего плана (2001–2005). Собственно, само планирование было заменено «программированием» (терминология изменилась от «планов» к «программам»), а периодичность стала более растянутой во времени с

² См.: *Макимова О. О.* Рецензия на монографию «Современное китайское государство» // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6; *Мальшева Н. И.* Современное китайское государство: академический взгляд сквозь призму политики и права // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14, вып. 3; *Дудин П. Н.* Современное китайское государство. Т. 1: Современные институты государственной власти и управления / гл. ред. А. В. Виноградов. М., 2022. 903 с. // Вестник РАН. 2023. Т. 93, № 6.

акцентом на долгосрочную перспективу. Авторы структурируют систему современного планирования и показывают ее влияние на развитие современного китайского государства, включая показатели динамики ВВП (с. 310), бюджетные показатели (с. 311) и общие показатели экономического развития в 2010–2020 гг. (с. 317).

Глава 17 («Экзаменационная система в КНР») и глава 18 («Система государственной службы КНР») обособлены друг от друга, хотя, вероятно, их унификация и выделение большего количества структурных частей способствовали бы лучшему пониманию общей системы государственной службы. Данный блок традиционно является одним из наиболее подробных и важных для понимания управленческой системы в целом. Вероятно, однако, что с позиций внутреннего анализа китайской государственности обособление экзаменационной системы акцентирует внимание на ее значении как механизме получения статуса государственного служащего и различных морально-этических аспектах, которые она включает. Тем не менее само понятие «экзаменационной системы» шире, чем формирование кадрового состава государственной службы. Она включает 13 видов испытаний, среди которых экзамены в рамках поддержки занятости студентов, для выпускников вузов, при демобилизации из армии, ротации кадров и др. Однако все эти испытания так или иначе связаны с государственной системой управления. А тот факт, что наличие экзаменационных испытаний в Китае имеет более чем тысячелетнюю историю, прибавляет значимости подробному ее рассмотрению.

Отдельное внимание в монографии уделяется военным аспектам управления (главы 20–22), включая в том числе анализ роли в нем Академии военных наук (НОАК). Самостоятельное, хотя и не настолько подробное, как, вероятно, хотелось бы, рассмотрение получают органы прокуратуры КНР и система контрольно-надзорных комитетов (главы 24, 25).

Остается лишь сожалеть, что судебной власти и судебной системе КНР в таком монументальном труде уделено исключительно небольшое внимание (глава 23, где более половины занимает историческая ретроспектива). С позиций континентального мировоззрения и классической властной триады, безусловно, хотелось бы большего понимания концепции китайского судоустройства и судопроизводства, даже с учетом некоторой негативной специфики восприятия суда в китайском правосознании.

Тем не менее в завершении рецензии хотелось бы вернуться к утверждению первоначальной мысли: том 1 монографии «Современное китайское государство» вызывает глубочайшее уважение к масштабам вложенного ее авторами труда и внимания к предмету исследования. Несомненным достоинством этой сложной монографии является выдержанное авторами стремление к упорядочению не всегда очевидных взаимосвязей в системе государственного управления КНР. Иными словами, авторский

коллектив стремился внести системность и ясность в довольно сложные внутренние механизмы и принципы функционирования государственности КНР, что изначально являлось весьма непростой задачей. В числе прочего этому способствуют периодические экскурсы в историю, помогающие понять степень значимости отдельного принципа, властного органа или механизма подчиненности. Структурирование самого содержания, отдельных частей работы, их внутреннее деление на пункты, включение таблиц и схем, безусловно, облегчает восприятие материала и упорядочивает его понимание читателем.

Хочется надеяться, что у такого фундаментального исследования будет многотомное продолжение, как того заслуживает его сложный и актуальный предмет, в том числе с изучением не только государственной, но и правовой составляющей, понимание которой исключительно важно для выстраивания частноправовых отношений и успешной инвестиционной деятельности.

Библиографический список

Алексеев А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР / А. П. Алексеев // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 12(133). – С. 199–211.

Ван Ч. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае / Ч. Ван // Lexrussica. – 2020. – Т. 73, № 3(160). – С. 135–139.

Гражданский кодекс КНР / ред. П. В. Трощинский, А. Р. Зайнигабдинов. – М. : Синосфера, 2020. – 448 с.

Дудин П. Н. Современное китайское государство. Т. 1: Современные институты государственной власти и управления / гл. ред. А. В. Виноградов. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, Ин-т Востоковедения РАН, 2022. 903 с. / П. Н. Дудин // Вестник РАН. – 2023. – Т. 93, № 6. – С. 592–600.

Максимова О. О. Рецензия на монографию «Современное китайское государство» / О. О. Максимова // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 6. – С. 189–191.

Мальшева Н. И. Современное китайское государство: академический взгляд сквозь призму политики и права / Н. И. Мальшева, И. Ю. Козлихин, Н. Г. Стойко // Вестник СПбГУ. Право. – 2023. – Т. 14, вып. 3. – С. 824–840.

Трощинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая / П. В. Трощинский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 56–68.

Трощинский П. В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики / П. В. Трощинский // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 3. – С. 101–113.

References

Alekseenko A. P. Characteristic Features of the Civil Code of the PRC / A. P. Alekseenko // Actual Problems of Russian Law. – 2021. – Vol. 16, No. 12(133). – Pp. 199–211.

Civil Code of the PRC / ed. P. V. Troshchinsky, A. R. Zainigabdinov. – M. : Sinosphere, 2020. – 448 p.

Dudin P. N. The Modern Chinese State. Vol. 1: Modern Institutions of State Power and Administration / ed. A. V. Vinogradov. M.: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022. 903 p. / P. N. Dudin // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – Vol. 93, No. 6. – Pp. 592–600.

Maksimova O. O. Review of the monograph "The Modern Chinese State" / O. O. Maksimova // Problems of the Far East. – 2022. – No. 6. – Pp. 189–191.

Malysheva N. I. The Modern Chinese State: An Academic View Through the Prism of Politics and Law / N. I. Malysheva, I. Yu. Kozlikhin, N. G. Stoyko // Proceedings of St. Petersburg State University. Law. – 2023. – Vol. 14, issue. 3. – Pp. 824–840.

Troshchinsky P. V. Codification of civil legislation of China / P. V. Troshchinsky // Journal of foreign legislation and comparative law. – 2021. – Vol. 17, No. 2. – Pp. 56–68.

Troshchinsky P. V. The first Civil Code of new China: issues of theory and practice / P. V. Troshchinsky // Problems of the Far East. – 2021. – No. 3. – Pp. 101–113.

Wang C. The Path of Codification of Civil Legislation in China / C. Wang // Lex russica. – 2020. – Vol. 73, No. 3(160). – Pp. 135–139.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Фундаментальное исследование системы современного китайского государственного управления (Рецензия на коллективную монографию: Современное китайское государство. Т. 1: Современные институты государственной власти и управления / редкол.: А. В. Виноградов (гл. ред.) [и др.]. – М.: РАН, 2022. – 903 с.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 117–123.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. Fundamental study of the system of modern Chinese public administration (Review of the collective monograph: Modern Chinese state. Vol. 1: Modern institutions of state power and administration / editorial board: A. V. Vinogradov (editor-in-chief) and others. – M.: RAS, 2022. – 903 p.) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 117–123.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: ilbas@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
Работы победителей студенческого конкурса
«Памятники права: история
как достояние современности»

УДК 340.152

**МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО:
ИСТОКИ, СИСТЕМА И РЕЦЕПЦИЯ**

Н. Д. Карташов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 декабря 2023 г.

Аннотация: предметом данного исследования является анализ истории возникновения и развития магдебургского права, его системы и источников. Рассматриваются причины широкого распространения магдебургского права в Центральной и Восточной Европе. Выявлены особенности рецепции норм магдебургского городского права на территории Западной Руси.

Ключевые слова: магдебургское право, шеффены, бреслауский свод магдебургского права, обычай, Восточная Европа, Западная Русь.

**MAGDEBURG LAW:
ORIGINS, SYSTEM AND RECEPTION**

N. D. Kartashov

Voronezh State University

Abstract: the subject of this study is the analysis of the history of the emergence and development of Magdeburg law, its system and sources. The reasons for the widespread use of Magdeburg law in Central and Eastern Europe are considered. The peculiarities of the reception of the norms of Magdeburg city law in the territory of Western Rus are revealed.

Key words: Magdeburg law, sheffens, the Breslau Code of Magdeburg law, a custom, Eastern Europe, Western Rus.

© Карташов Н. Д., 2024

Сложившаяся в Средние века система права города Магдебурга является примером прогрессивной системы юридических норм, самостоятельной от феодального и канонического права, выражающей интересы, в первую очередь, горожан-ремесленников, торговцев и городской знати. Магдебургское право представляет собой самостоятельный феномен в истории правового регулирования, оно не может быть сведено лишь к одному письменному источнику и включает в себя, в том числе, практику применения обычаев и представления о естественном праве.

Город Магдебург, основанный на саксонской земле в 805 г. императором Карлом Великим, географически находился на границе расселения германских и славянских племен, что обусловило его важное военно-политическое и торговое значение для развития германо-славянских связей. В 968 г. город стал местом расположения архиепископской епархии, в результате чего стал центром распространения христианства в Восточной Германии, Польше, Силезии, Чехии. К XII в. Магдебург активно развивался экономически, в нем сформировалось устойчивое городское сообщество, состоящее из «ведущих граждан» (магдебургской знати), торговцев и ремесленников, объединенных в гильдии и цехи. Развитие городского самосознания привело к борьбе магдебуржцев за контроль над управлением против назначаемого императором Священной Римской Империи архиепископа. В 1129 г. напряженность достигла пика и вылилась в безуспешное восстание горожан. Однако со временем церковные и имперские власти осознали необходимость достижения компромисса с местными жителями и в 1188 г. архиепископ Вихманн провел реформу, заложившую основу магдебургского права.

Рис. 1. Вид на Магдебургский собор. Источник: URL: <https://blog.biletbayi.com/magdeburg-gezilecek-yerler.html/>

Сущность реформы заключалась в признании местного самоуправления Магдебурга, расширении прав горожан, переустройстве городского управления и судопроизводства. Правителем города оставался бургграф, который, будучи вассалом архиепископа, занимал должность по наследству. Бургграфами являлись представители одной из феодальных династий Германии. Однако вместе с бургграфом к управлению городом призывался совет из 12 заседателей, один из которых являлся заместителем бургграфа, а одиннадцать занимали должности пожизненно и представляли знатные семьи Магдебурга. Усложнилась судебная система. Подсудность дел была разделена между судом бургграфа, судом профессиональных судей и заседателей (шеффенов) и городским судом советников (ратманов). Бургграф отправлял правосудие 3 раза в год – в день святой Агаты, в день святого Иоанна Пресветлого, в восьмой день святого Мартина. Если бургграф не мог исполнять функции в этот период, его полномочия имел право исполнять заместитель (шультегйс). В компетенцию бургграфа входило рассмотрение дел о насилии, преследовании, нападении на дом. Он также разрешал любое правонарушение, если оно было совершено за 14 ночей до дней отправления правосудия бургграфом. Суд советников (ратманов) рассматривал дела о нарушении правил относительно мер и весов, торговли едой. Ратманы избирались на совете горожан сроком на 1 год, при вступлении в должность давали присягу в верности, чести и славе города, добросовестном исполнении обязанностей. Судом общей юрисдикции выступал суд профессиональных судей и шеффенов. Шеффенами (заседателями) избирались на городском собрании жители Магдебурга на «длительный срок». В отличие от профессиональных судей, кроме судебных функций, они выполняли роль исполнительной власти – вели реестр сделок с недвижимостью, ведали вопросами благоустройства. Решения суда профессиональных судей и шеффенов зачастую носили прецедентный характер, во многом определяли содержание магдебургского права и воспринимались правоприменительной практикой не только Магдебурга, но и других городов.

Новая система права предоставляла налоговые льготы горожанам, поддержку ремесленной и торговой деятельности, признавало за жителями право собственности на землю. Была упразднена ответственность отца за убийство или увечье, совершенное его сыном, если отец мог доказать свидетельством шести «достойных людей», что он не был при совершении преступления, а если был, то не участвовал. Одно из положений трактовало вопрос о сроке, в течение которого можно было подать жалобу в случае изгнания с земли, телесного повреждения или убийства в пределах или за пределами города. Лицо, отсутствовавшее в паломничестве или по неотложному делу, получало отсрочку при подаче иска в суд бургграфа или его заместителя. Должник освобождался от уплаты

по обязательству отца, если он не был надлежащим образом уведомлен о наличии долга. Также магдебургским правом было предусмотрено освобождение от долга перед чужеземцем поручением рукой должника. Запрещались поединки, за их проведение были предусмотрены телесные наказания – рука за нанесение раны в ходе поединка, смертная казнь за убийство соперника. Магдебургское право также признавало болезнь человека в качестве обстоятельства, ограничивающего дееспособность. Запрещалось отчуждать имущество стоимостью, превышающей 3 шиллинга без согласия наследников или мужа. Указанная норма была призвана защитить права наследников на случай скорого открытия наследства, что нередко случалось в Средние века. Был предусмотрен институт признания беститульного владения законным по основанию давности владения (*gewere*). Срок давности владения устанавливался равный году и одному дню¹.

Магдебургское право во многом фиксировало устоявшиеся германские обычаи и на первоначальном этапе развития еще не отличалось системностью. В то же время у него имелась определенная структура, характеризующая саму сущность права. Всё право в целом делилось на 2 части – *Recht* (право в широком смысле) и *Willekor* (или *Buurgor*) (право в узком смысле). *Recht* понималось как естественное право, данное людям Богом и самой природой. Оно содержало в себе общие принципы права и ряд обычаев. Именно на основе *Recht* выводилось право органов публичной власти города Магдебург издавать обязательные для жителей предписания, контролировать их исполнение и налагать наказания на нарушителей. *Willekor* (*Buurgor*), буквально – «выбор города» или «гражданские законы», которые принимались по воле людей, – это позитивное право Магдебурга, которое включало в себя нормативные акты городских властей, судебную практику, большинство обычаев. В связи с разделением права на *Recht* и *Willekor* рассматривался вопрос о конфликте между ними. В ряде случаев, например при определении компетенции городского совета, приоритет отдавался позитивному праву².

Первым письменным источником норм магдебургского права являлся привилей архиепископа Вихманна, который состоял из 9 статей. Позднее он был дополнен грамотой саксонского герцога Альберта 1294 г. Как отмечалось выше, право Магдебурга активно реципировали другие немецкие и восточноевропейские города. Городские власти, сформированные по магдебургскому образцу, наиболее сложные дела передавали на рассмотрение суда шеффенов «материнского города». Разрешая дела, суд

¹ См.: История государства и права зарубежных стран : хрестоматия по истории государства и права. Т. 1: Древний Восток. Античный мир. Средние века / сост. Ю. А. Иванов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников, В. Н. Чернышев. Воронеж, 1999. С. 551–555.

² См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 355–356.

формулировал «речения», в которых формировал новые нормы либо толковал действующие. «Речения» шеффенов носили системный характер, выражали не только германские обычаи, но и учитывали развитие товарно-денежных отношений, специфику общественной жизни конкретного города, который направлял им дело на рассмотрение. Кроме того, шеффены присылали в новые «магдебургские» города переработанные своды собственного права, адаптированные под местные условия. Так, нормативно более подробным образом было оформлено писаное право города Бреслау (в настоящее время польский город Вроцлав). В него входили 64 статьи, регулировавшие ужесточение наказания за преступления против жизни и здоровья. В 1283 г. свод права Бреслау был дополнен 24 статьями, присланными шеффенами Магдебурга, а в 1295 г. – еще 23 статьями. В другом саксонском городе Гёрлиц благодаря активному взаимодействию с шеффенами сформировался гёрлицкий свод городского права, первый систематизированный свод магдебургского права. Он включал 465 статей, подробно регулировавших вопросы купли-продажи, наследования, судебных доказательств и уголовных наказаний. Структуру бреслауского свода составляли 5 книг:

– 1-я книга была посвящена выборам и введению в должность городских советников, их правам и обязанностям, публичности и законности их действий;

– 2-я – вопросам судебной организации и процедуре выбора судей и других заседателей, их вознаграждения, времени и месту заседаний, юрисдикции различных судов, требованиям по судебным взносам, наложению ареста на имущество и др.;

– 3-я систематизировала жалобы и определяла их типы (жалобы о телесных повреждениях и убийствах, растрате, клятвoprеступлении, ростовщичестве, обмане, фальшивомонетничестве и др.);

– 4-я содержала нормы семейного права, включая значительное количество статей о правах членов семьи на наследуемое имущество, а также касалась вопросов приданого, женитьбы и договоров наследования, прав главы дома, жены и детей по распоряжению различными видами семейной собственности;

– 5-я включала неоднородные нормы и решения, которые не подходили под рубрики первых четырех книг.

Данный свод получил признание в Магдебурге и других городах и стал именоваться «Систематизированное право заседателей Бреслау-Магдебурга»³.

Благодаря качественному подходу к рассмотрению шеффенами правовых вопросов магдебургское право пользовалось большим авторите-

³ См.: Анисимов А. П. Магдебургское право и его значение для развития правовой системы Западной Руси // История государства и права. 2010. № 19. С. 26–29.

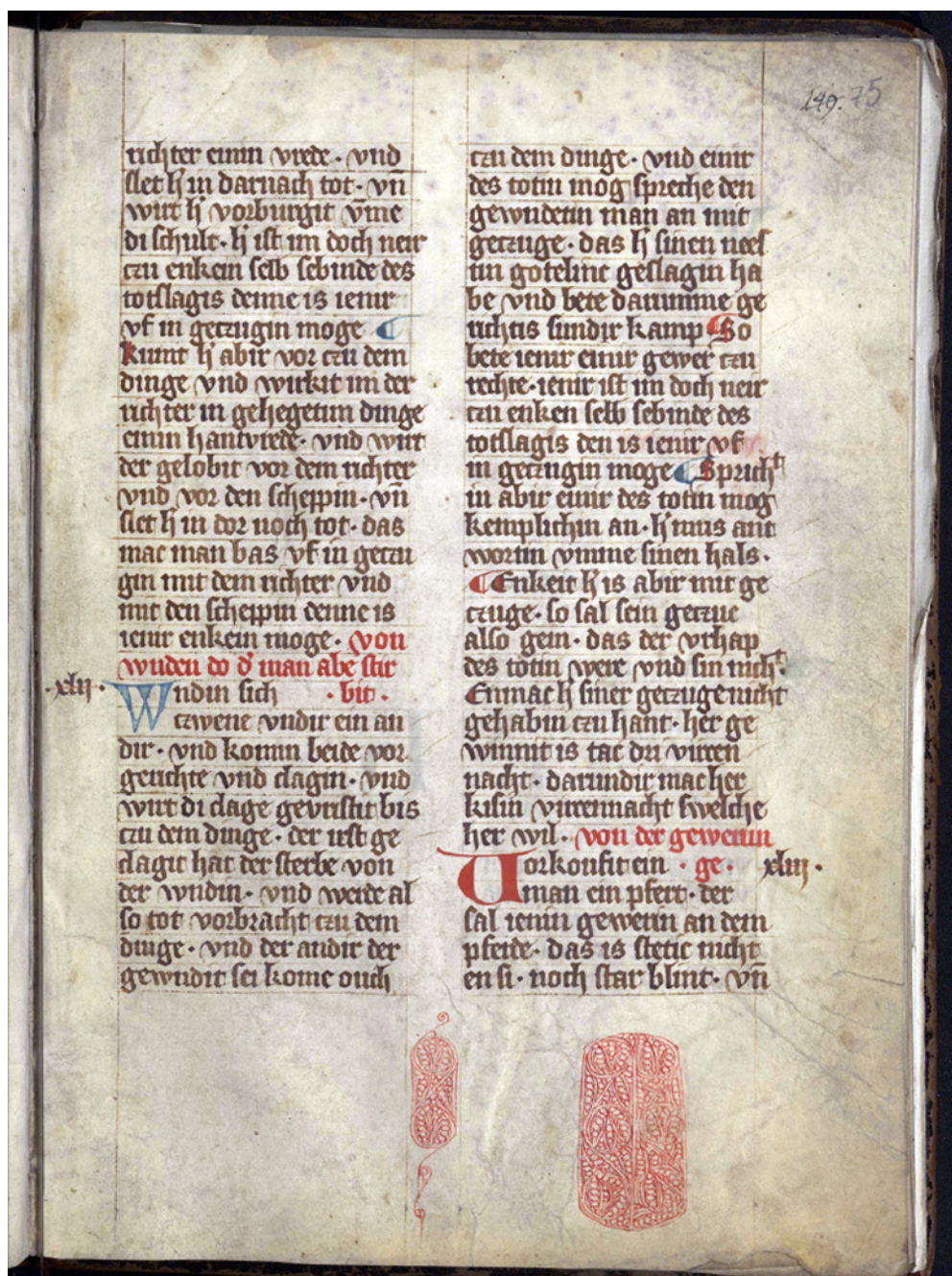

Рис. 2. Свод магдебургского права. Источник: URL: <https://brill.com/display/book/9789004456198/BP000012.xml>

том и постепенно распространялось по городам Германии и Восточной Европы. При этом обращение в Магдебург к шеффенскому суду не было обязательным, осуществлялось каждым городом на добровольной основе и не влекло установления отношений зависимости городской общины от «материнского города».

Постепенно магдебургское право локализовывалось, усваивало местные обычаи конкретного города и региона и отходило от первоначального эталона. Формировалось самостоятельное бреслауское, гёрлицкое, лейпцигское магдебургское право. Так, в Гёрлице многие нормы городского права были заимствованы из Саксонского зеркала. Особую роль магдебургское право играло в Польше. Оно стало опорой королевской власти. Объединитель польских земель король Казимир III Великий объявил магдебургское право единственной правовой основой местного самоуправления городов. Вместе с тем он запретил обращаться за разрешением дел и толкованием норм права к шеффенам Магдебурга, учредив для исполнения их функций на территории королевства Высший Краковский суд. Объединение Польши и Литвы и формирование унии между ними привело к проникновению магдебургского права в западнорусские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского.

В городах Западной Руси было развито самобытное русское городское право. Например, городом Полоцк управляло вече, избирались посадник и тысяцкий, обладающие теми же полномочиями, которые были у одноименных должностных лиц в Новгородской республике. С князем заключался договор от имени города – ряд. Основным нормативным правовым актом, регулирующим общественные отношения на территории русских земель, являлась Русская Правда. Однако с присоединением множества древнерусских городов к Великому княжеству Литовскому усилилось влияние княжеской администрации, которая стремилась ограничить древние вольности горожан. Кроме того, еще со времен раздробленности в обществе сформировался класс бояр, феодалов, владеющих обширными поместьями с обслуживающими их холопами и тормозивших расширение собственности торговцев и ремесленников. По мнению польского историка В. Мацеёвского, так как магдебургское право защищало интересы горожан, оно, несмотря на чужеродный для русского населения характер, было относительно бесконфликтно усвоено в русских городах Великого княжества Литовского⁴. Даруя магдебургское право конкретному городу своим привилеем, великий князь освобождал его из-под юрисдикции органов княжеского управления, признавал пра-

⁴ См.: Мисаревич Н. В. Местное управление и самоуправление на белорусских : историко-правовой анализ // Актуальные проблемы развития современного белорусского государства и права : материалы Республиканской науч.-практ. конф. (Гродно, 16–17 апреля 2010 г.) / [редкол.: Н. В. Мисаревич (отв. ред.) и др.]. Гродно, 2010. С. 108–111.

во города на формирование собственной системы управления для разрешения местных дел: обеспечения общественного порядка, создания благоприятных условий для развития местной торговли, решения вопросов благоустройства, разрешения споров в городском суде. Город, получивший магдебургское право, имел две обязанности перед государством: соблюдать законы Великого княжества, не затрагивающие вопросы местного значения, и осуществлять денежную выплату в казну князя раз в год в качестве платы за осуществление самоуправления. Магдебургское право, регулирующее отношения в древнерусских городах, было мало чем схоже с исконным правом города Магдебург. Оно синтезировало в своем содержании древнерусские и литовские обычаи, самобытную судебную практику, применение литовских и польских статутов, Русской Правды.

Так, дореволюционный историк В. Б. Антонович придерживался точки зрения, согласно которой действие магдебургского права в русских городах носило форму лишь внешнего атрибута, тогда как внутреннее содержание права составляли местные обычаи. Более того, дарование городов Великого княжества Литовского магдебургского права, по мнению ученого, наоборот, косвенно усиливало княжескую власть. Так, функции вечевых собраний стали исполнять выборные урядники, процесс их избрания был подконтролен должностным лицам княжеской власти. Урядники имели право рассматривать споры по всем категориям дел на территории городов, однако вводилась вышестоящая по отношению к ним инстанция – суд великого князя либо суд частного владельца земли в зависимости от обстоятельств дела. Иногда вместо дарования всей городской общине магдебургского права великий князь предоставлял назначаемому им правителю города из числа местной знати – войту – право отправлять правосудие по уголовным делам. К примеру, такая грамота была выдана Великим князем литовским Свидригайло Немчину Юрку, в которой князь назначал его наследственным войтом города Кременца (в настоящее время территория Тернопольской области Украины) и определил его полномочия⁵.

Иной точки зрения на сущность магдебургского права в Западной Руси придерживался знаменитый историк русского права М. Ф. Владимирский-Буданов. По его мнению, нормы, регулирующие общественные отношения в русских городах магдебургского права, носили именно иностранный характер⁶.

Проблема объективной оценки влияния городского права Магдебурга в русских землях обуславливается проблемой определения конкретных

⁵ См.: Антонович В. Б. Монография по истории западной и юго-западной Руси. Киев, 1882. С. 174.

⁶ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. С. 209.

норм, составлявших магдебургское право Западной Руси. В великокняжеских привилегиях городам нет конкретного указания на те источники права, которыми следует руководствоваться местным властям. Грамоты содержат нормы об освобождении местных жителей от подсудности замковому и земскому уряду либо частному владельцу и о даровании самоуправления, подробно определяют денежные, а иногда и натуральные повинности местных жителей, а также степень их свободы в делах самоуправления и отправления правосудия, которая в отдельных городах магдебургского права определялась различно⁷.

Общепризнанным является факт обширного географического распространения магдебургского права в Европе. Постепенно оно было воспринято городами Германии, такими как Гёрлиц, Лейпциг, Франкфурт-на-Одере, Центральной и Восточной Европы – Вильнюс, Бреслау, Каунас, Краков, Секешфехервар, бывшей Древней Руси – Брест, Дубно, Львов, Минск, Орша, Смоленск, Стародуб, Чернигов. По признанию ученых-исследователей, магдебургское право стало фундаментом писаного права в Центральной и Восточной Европе.

Проводя анализ истории рецепции городского права Магдебурга, исследователи выделяют множество причин ее широкого масштаба. О. Б. Келлер видит главной причиной постоянный процесс миграции в Европе в XI–XIII вв., при котором активно на Восток переселялись этнические немцы и евреи из Германии. Власти восточноевропейских королевств и княжеств стремились заселить малообжитые территории, в особенности в районах горного промысла с целью налаживания производства, торговли, сельского хозяйства. Правители региона предоставляли колонистам право жить по законам места рождения, что являлось привлекательным условием и способствовало миграции. Проблема малонаселенности территории Восточной Европы обострилась после татаро-монгольского нашествия и эпидемии чумы «Чёрная смерть». Приток поселенцев из Центральной Европы после двух катастроф особенно приветствовался⁸.

А. Л. Рогачевский рассматривал сходство в развитии городов Центральной и Восточной Европы – одновременное развитие ремесел, усиление торговли, а также господство личного статута, при котором личный закон определялся не местом жительства человека, а местом его происхождения. Уроженцы Саксонии были очень активными переселенцами, и, соответственно, строили общественные отношения на новых местах

⁷ См.: *Тарановский Ф. В.* Обзор памятников магдебургского права. Варшава, 1897. С. 33–35.

⁸ См.: *Галямичев А. Н.* О причинах широкого распространения магдебургского городского права в странах Центральной и Восточной Европы // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 178–182.

по известному им праву. Ученый также рассматривает прогрессивность и удобство для городских властей и купцов магдебургских законов в сфере регулирования торговли как причину, по которой магдебургское право добровольно реципировалось за пределами «материнского города». Еще одна причина, которую поддерживает Рогачевский, заключается в сходстве обычного германского и славянского права. Поэтому и магдебургское право не воспринималось в славянских землях как что-то принципиально чуждое местным обычаям, хотя их различие осознавалось достаточно хорошо⁹.

Таким образом, магдебургское право выражало общеевропейскую тенденцию усиления роли городских общин в социально-экономической жизни средневековой Европы. Благодаря своему системному и прогрессивному характеру, признанию права городского населения на самостоятельное управление территорией проживания, частной собственности горожан, демократических начал отправления правосудия, оно стало самой распространенной системой городского права в Европе. Магдебургское право заложило основу для формирования европейских традиций местного самоуправления и оказало большое влияние на развитие частного права и институтов муниципального права.

Библиографический список

Анисимов А. П. Магдебургское право и его значение для развития правовой системы Западной Руси / А. П. Анисимов // История государства и права. – 2010. – № 19. – С. 26–29.

Антонович В. Б. Монография по истории западной и юго-западной Руси / В. Б. Антонович. – Киев, 1882. – 351 с.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – 2-е изд. – М.: Издательство МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОР-МА, 1998. – 624 с.

Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов – СПб., 1868. – 312 с.

Галямичев А. Н. О причинах широкого распространения магдебургского городского права в странах Центральной и Восточной Европы / А. Н. Галямичев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: История. Международные отношения. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 178–182.

История государства и права зарубежных стран: хрестоматия по истории государства и права. Т. 1: Древний Восток. Античный мир. Средние века / сост.: Ю. А. Иванов, А. В. Киринос, В. А. Колесников, В. Н. Чернышев. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. – 555 с.

Мисаревич Н. В. Местное управление и самоуправление на белорусских землях: историко-правовой анализ / Н. В. Мисаревич // Актуальные проблемы развития современного белорусского государства и права: материалы Респуб-

⁹ См.: *Рогачевский А. Л.* Меч Роланда. Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. СПб., 1996. С. 21–22.

бликанской научно-практической конференции (Гродно, 16–17 апреля 2010 г.) / [редкол.: Н. В. Мисаревич (отв. ред.) и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2010. – С. 108–111.

Рогачевский А. Л. Меч Роланда. Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. / А. Л. Рогачевский. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – С. 21–22.

Тарановский Ф. В. Обзор памятников магдебургского права / Ф. В. Тарановский. – Варшава, 1897. – 187 с.

References

Anisimov A. P. Magdeburg law and its significance for the development of the legal system of Western Rus / A. P. Anisimov // *History of State and Law*. – 2010. – No. 19. – Pp. 26–29.

Antonovich V. B. Monograph on the history of Western and Southwestern Rus / V. B. Antonovich. – Kiev, 1882. – 351 p.

Berman Harold J. Law and Revolution : the Formation of the Western Legal Tradition / Harold J. Berman. – 2nd ed. – M. : Publishing House of Moscow State University : Publishing group INFRA-M – NORM, 1998. – 624 p.

Galyamichev A. N. On the reasons for the widespread use of Magdeburg city law in the countries of Central and Eastern Europe / A. N. Galyamichev // *Izv. Sarat. university. New. ser. Ser.: History. International relations*. – 2019. – Vol. 19, issue 2. – Pp. 178–182.

Misarevich N. V. Local government and self-government in the Belarusian lands : historical and legal analysis / N. V. Misarevich // *Actual problems of the development of the modern Belarusian state and law : materials of the Republican scientific and practical conference (Grodno, April 16–17, 2010)* / [editorial board: N. V. Misarevich (executive editor) and others]. – Grodno : GrSU, 2010. – Pp. 108–111.

Rogachevsky A. L. Roland's Sword. Legal views of German citizens of the XIII–XVII centuries / A. L. Rogachevsky. – St. Petersburg : St. Petersburg State University Publishing House, 1996. – Pp. 21–22.

Taranovsky F. V. Review of the monuments of Magdeburg law / F. V. Taranovsky. – Warsaw, 1897. – 187 p.

The History of state and law of foreign countries : a textbook on the history of state and law. Vol. 1: The Ancient East. The ancient world. The Middle Ages / Yu. A. Ivanov, A. V. Kirnos, V. A. Kolesnikov, V. N. Chernyshev. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 1999. – 555 p.

Vladimirsky-Budanov M. F. German law in Poland and Lithuania / M. F. Vladimirsky-Budanov. – St. Petersburg, 1868. – 312 p.

Для цитирования:

Карташов Н. Д. Магдебургское право: истоки, система и рецепция // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2024. № 2(7). С. 124–135.

Recommended citation:

Kartashov N. D. Magdeburg law: origins, system and reception // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2024. No. 2(7). Pp. 124–135.

Сведения об авторе

Карташов Никита Дмитриевич – студент образовательной программы бакалавриата «Юриспруденция» юридического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: nikita.kartashov2001@yandex.ru

Information about author

Kartashov Nikita Dmitrievich – Student of the Undergraduate Educational Program “Jurisprudence” at the Faculty of Law of Voronezh State University

E-mail: nikita.kartashov2001@yandex.ru

МОДЕЛЬ ИДЕАЛЬНОЙ КОДИФИКАЦИИ В КОДЕКСЕ НАПОЛЕОНА

М. М. Рыльков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 декабря 2023 г.

Аннотация: предметом исследования статьи является всесторонний анализ Французского Гражданского кодекса 1804 г. В его создании наиболее активное участие принял император Наполеон Бонапарт. Результатом принятия Кодекса Наполеона стала его рецепция во многих странах мира, а его отличительные черты сделали возможным создание первой самостоятельной традиции кодификации.

Ключевые слова: кодекс, Франция, Наполеон Бонапарт, кодификация, рецепция, институциональная система.

THE MODEL OF IDEAL CODIFICATION IN THE NAPOLEONIC CODE

M. M. Rylkov

Voronezh State University

Abstract: the subject of the article is a comprehensive analysis of the French Civil Code of 1804. Emperor Napoleon Bonaparte took the most active part in its creation. The result of the adoption of the Napoleonic Code was its reception in many countries of the world, and its distinctive features made it possible to create the first independent tradition of codification.

Key words: code, France, Napoleon Bonaparte, codification, reception, institutional system.

Возможно ли создать источник права, пользуясь которым, правоприменитель смог бы урегулировать практически любой правовой казус? Наполеон Бонапарт, еще будучи консулом, всерьез задумался над этим вопросом. Несмотря на попытки кодификации на территории Западной Европы, единой концепции кодекса пока выработано не было. Длительное изучение и систематизация норм римского права, изложенных в Своде законов Юстиниана, все еще не давало результатов концептуальной новизны правового регулирования. Но французский император смог наиболее совершенно и полно сформировать единый концепт кодекса во мно-

гом потому, что сам активно участвовал в его разработке. Более того, на основе Французского Гражданского кодекса, принятого в 1804 г.¹, сформировалась первая самостоятельная традиция кодифицированного правового акта, которую начали активно применять правовые системы государств не только Западной Европы, но и всего мира.

Благородной целью Наполеона Бонапарта стало создание единого письменно закрепленного свода законов, отличающегося ясностью как для профессионального юриста, так и для обычного француза. Сам Великий консул писал: «Перед тем, как появился мой Гражданский кодекс, во Франции отнюдь не было настоящих законов, но существовало от пяти до шести тысяч томов различных постановлений, что приводило к тому, что судьи едва ли могли по совести разбирать дела и выносить приговоры»². Для достижения желаемого результата необходимо было проанализировать прежние местные обычаи, ордонансы, римское право и даже французскую доктрину. Наполеон попытался объединить все это в один нормативный правовой акт, который заменил собой прежние разрозненные источники, утратившие актуальность и юридическое значение, а также унифицировал всю совокупность законов и обычаев, которые действовали на тот момент на территории Франции.

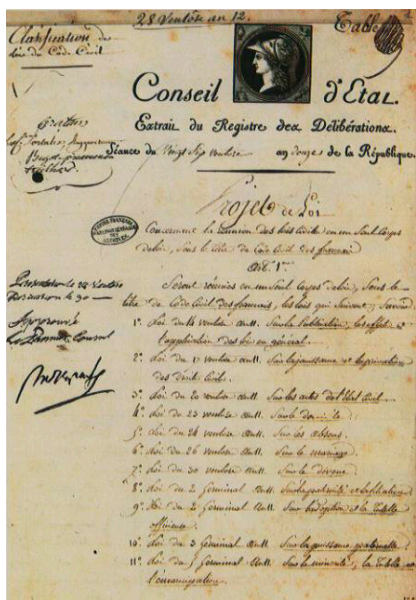
Французский Гражданский кодекс являлся не первой попыткой унификации права. Законотворческая работа активно началась после революционных потрясений конца XVIII в., но ни один из предложенных за то время проектов гражданского уложения не был законодательно утвержден. А при Наполеоне Бонапарте это получилось, и осознанная идея кодификации гражданского права Франции нашла свое отражение. Будучи первым консулом, он имел право законотворческой инициативы согласно Конституции 1799 г. Наполеон издал приказ, по которому особой комиссии было

¹ Изображения, используемые в данной статье, расположены в свободном доступе на следующих сайтах: URL: <https://www.abebooks.com/Oeuvres-Monsieur-Sarasin-Jean-François-Paris-Louis/30974079330/bd>; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кодекс_Наполеона; URL: <https://blog.tutoronline.ru/kodeks-napoleona-bonaparta>

² Цит. по: *Захватаяев В. Н.* Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М. ; Брлин, 2012. С. 17.

поручено выработать проект Гражданского кодекса. Члены данной комиссии, отстаивая в своей деятельности юридические традиции Франции, ярко отразили эти интенции в Кодексе. В ходе создания этого проекта особенно выделяется значительная роль первого консула, который, инициировав составление Кодекса, сам участвовал во многих дискуссиях, руководил прениями в Государственном совете и делал собственные поправки и замечания в редакционной комиссии. В юридической литературе многократно обсуждался вопрос о роли Наполеона в создании проекта. И большинство авторов сходятся во мнении, что «успешностью работ французы обязаны энергичному вмешательству первого консула, словившего последние проявления республиканской оппозиции и обеспечившего своим личным руководством и надзором завершение предпринятого труда»³. Многие исследователи пытались понять причину такого живого участия Наполеона в создании Кодекса, найдя объяснение этому в его биографии. Успех в законотворчестве первого консула объяснялся, в первую очередь, подробным изучением с его стороны доктрины и материалов французского законодательства. Ученые отдельно отмечали его природные дарования и разносторонний жизненный путь, что помогало ему при разработке унифицированного гражданского акта⁴.

Акт промульгации
Французского Гражданского
кодекса

Центральным элементом концепции стало право частной собственности, к которому Наполеон относился с особенным уважением, а потому все юридические конструкции были направлены на его охрану и защиту. Гипертрофированное значение частной собственности проявило себя в том, что собственник обладал практически неограниченной полнотой власти над вещью, принудить его к уступке или приостановке пользования мог в исключительных случаях только закон.

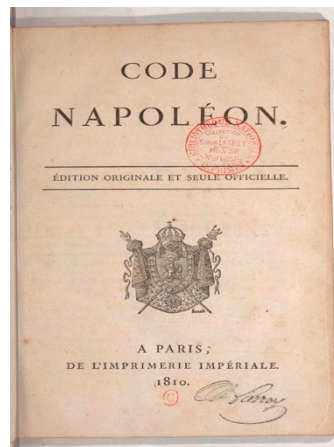
Когда работа над Кодексом была окончена, ее результаты представили на рассмотрение в Трибунал. Но ввиду многих положений Кодекса, звучавших слишком резко и радикально для французской системы правового регулирования, Трибунал снял Гражданский кодекс с рассмотрения. Вскоре, по предложению Наполе-

³ Кассо Л. А. К столетию кодекса Наполеона (1804–1904). СПб., 1904. С. 8.

⁴ См.: Юшкевич В. А. Наполеон I на поприще гражданского правопведения и законодательства. М., 1905. С. 16.

она, Сенат сократил число членов Трибуната, из которого ушли лица, представлявшие оппозиционные силы по отношению к Кодексу.

Результатом таких изменений стало повторное рассмотрение проекта, который структурировали на разделы, последовательно обсуждаемые Трибунатом в течение двух лет. В итоге 21 марта 1804 г. все 36 разделов Кодекса приобрели силу закона и были изданы под названием «Code Civil des Français» (Французский Гражданский кодекс). А уже в 1807 г. данный акт был переименован в «Code Napoléon» (Кодекс Наполеона).

Стремление Наполеона Бонапарта к кодификации было настолько велико, что активно продолжалось и после принятия Французского Гражданского кодекса. За время его правления были приняты Устав гражданского судопроизводства (1806), Устав уголовного судопроизводства (1808), Торговое уложение (1807) и Уголовное уложение (1810). Но всё же сам император признавался, что главной работой его жизни оставался именно Французский Гражданский кодекс.

Акт, заменивший 1452 кутюма, удачно сочетал в себе черты уникального для своего времени источника права, содержал основные понятия и институты гражданского права, отличался сжатостью юридических формулировок и дефиниций, собрал воедино все успехи и учения прошлого, отбросив при этом всё несовместимое с новыми идеями⁵. По форме изложения и простоте языка «творение Наполеона» было понятно не только юристам. Кодекс содержал вводный титул и основную часть, состоящую из 2281 статьи. Его правовые нормы строились на институционной системе, которая была разработана еще римским юристом Гаем. В Институциях Гая, являвшихся одним из самых востребованных и авторитетных учебников римского права, были отражены те фундаментальные свойства, которые нашли свое место в Кодексе Наполеона. Институты имели четкое структурирование, так как тоже делились на книги и разделы, связанные между собой, соблюдали ясность и чистоту языка изложения, отличались упорядоченностью и лаконичностью правового материала. Центральной идеей Гая было разделение норм по субъективным правам в зависимости от привязки к лицам, вещам или требованиям. Такой модульный принцип организации правового материала облегчает его понимание, применение и исправление⁶. Основная часть Кодекса была по-

⁵ См.: Севэн Ф. Законодательство Наполеона I. СПб., 1870. С. 2.

⁶ См.: Goncharova L. N. Codification of legislation in various legal systems // Revista De Investigaciones Universidad Del Quindío, 34(S2). P. 361.

делена на 3 книги: «О лицах», «Об имуществах и различных видоизменениях собственности», «О различных способах приобретения собственности». Данная логическая система построения правовых норм формирует первую самостоятельную кодификационную традицию правового регулирования. Изначально она вошла в практику юристов Франции XVIII в., которые изучали и вышеупомянутые Институции Гая, и Пандекты Юстиниана, и, как итог, внесли в правовую доктрину и правосознание людей первый в истории всего права феномен кодификационной традиции.

Составители Французского Гражданского кодекса с первых же дней его принятия видели в нем больше, чем просто законодательный акт. Он был для них явлением не национальным, а мировым. Серьезную роль в популяризации данного акта сыграла именно правовая доктрина. Французские ученые утверждают: «Кодифицировать право, значит, его рационализировать, упорядочить, иерархизировать – сделать его, в конечном счете, доступным для всех...»⁷. Ясность, краткость и четкость языка Кодекса, адекватное отражение в нем требований времени всё больше способствовали распространению новых цивилистических идей не только во Франции, но и во всем мире⁸. Он нес в себе новую философию, которая достигла больших успехов в упорядочении существовавших в то время противоречивых и запутанных правовых норм и в создании стройной системы гражданского права. Эти факторы послужили главной причиной авторитета, величия и распространения Кодекса Наполеона. Рецепция данного акта осуществлялась в двух формах: прямая – когда Кодекс полностью заимствовался другими странами (Бельгией, Грецией, Румынией, даже некоторыми землями Германии до введения в действие Германского Гражданского уложения 1900 г.), и опосредованная – когда создавались акты на основе Кодекса (Голландия, Италия, Швейцария). Распространению способствовал и сам французский император, который создавал специальные комиссии для перевода Кодекса на иностранные языки. Итогом такой бурной деятельности стало то, что рецепция имела место не только на отдельных территориях Европы, завоеванных Наполеоном, но и во многих странах мира, которые были отдалены от Франции на многие тысячи километров. Таким образом, к середине XX в. рецепцией Кодекса оказались охвачены более 70 стран мира.

«Главное творение» Наполеона до сих пор считают одной из наиболее успешных кодификаций права, классическим образцом для частноправовой кодификации романо-германской правовой семьи. Благодаря ему сформирована самостоятельная традиция построения кодифицированного акта. Это обусловлено тем, что Наполеон в своем Кодексе закрепил провозглашенные естественно-правовой доктриной ценности, которые

⁷ Цивилистические правовые традиции под вопросом. М., 2007. С. 107.

⁸ См.: *Захватаев В. Н.* Кодекс Наполеона. М., 2012. С. 351.

являются неотъемлемыми правами личности (равенство перед законом, свободу договора, абсолютное право на частную собственность). Кодекс сохранил все ценные элементы правового регулирования, накопленные в течение длительного исторического и правового развития. Законодатели смогли модернизировать устаревшие правовые нормы для их эффективного использования путем изменения их фактического содержания. Последнее являлось необходимым и самым важным условием для развития буржуазных отношений⁹.

Феномен Кодекса Наполеона выходит далеко за пределы памятника права. Около половины его норм имеют вневременное значение, и продолжают действовать до сих пор. Это один из немногих актов, чья концепция, будучи созданной за 200 лет до современности, была настолько универсальной и прогрессивной, что до сих пор способствует развитию частноправовых отношений. Такой характер действия Французского Гражданского кодекса роднит его с римским правом, конструкции которого во многом легли в его основу, и это же делает его собственно кодексом по природе – актом, рассчитанным за счет многочисленных универсалий в его содержании на почти неограниченное по длительности и эффективности применение.

Поэтому вполне закономерно, что Французский Гражданский кодекс нередко называют прародителем всех современных гражданских кодексов, что, в свою очередь, дает ему право на второе рождение в современной западноевропейской гражданско-правовой реальности.

Библиографический список

Захватаев В. Н. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / В. Н. Захватаев. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с.

Захватаев В. Н. Кодекс Наполеона / В. Н. Захватаев. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 812 с.

Кассо Л. А. К столетию кодекса Наполеона (1804–1904) / Л. А. Кассо. – СПб. : Сенат. тип., 1904. – 28 с.

Севэн Ф. Законодательство Наполеона I / Ф. Севэн. – СПб. : Н. И. Ламанский, 1870. – 60 с.

Цивилистические правовые традиции под вопросом. По поводу докладов Doing Business Всемирного банка. Т. 1 / пер.: А. Грядов. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 184 с.

Юшкевич В. А. Наполеон I на поприще гражданского правоправедения и законодательства / В. Юшкевич // Вестник Права. – 1903. – № 7 (Сентябрь). – С. 1–109.

Goncharova L. N. Codification of legislation in various legal systems / L. N. Goncharova // Revista De Investigaciones Universidad Del Quindío, 34(S2). – Pp. 358–364.

⁹ См.: *Юшкевич В.* Наполеон на поприще гражданского права и законодательства. М., 1905. С. 4.

References

Casso L. A. On the centenary of the Napoleonic Code (1804-1904) / L. A. Casso. – St. Petersburg : Senate. type., 1904. – 28 p.

Goncharova L. N. Codification of legislation in various legal systems / L. N. Goncharova // *Revista De Investigaciones Universidad Del Quindío*, 34(S2). – Pp. 358–364. [In Engl.]

Seven F. The legislation of Napoleon I / F. Seven. – St. Petersburg : N. I. Lamansky, 1870. – 60 p.

The civilistic legal traditions are in question. Regarding the reports of the Doing Business of the World Bank. Vol. 1 / trans.: A. Gryadov. – M. : Walters Kluwer, 2007. – 184 p.

Yushkevich V. A. Napoleon I in the field of civil jurisprudence and legislation / V. Yushkevich // *Bulletin of Law*. – 1903. – No. 7 (September). – Pp. 1–109.

Zakhvatayev V. N. The Civil Code of France (the Code of Napoleon) / V. N. Zakhvatayev. – M. : Infotropik Media, 2012. – 624 p.

Zakhvatayev V. N. The Code of Napoleon / V. N. Zakhvatayev. – M. : Infotropik Media, 2012. – 812 p.

Для цитирования:

Рыльков М. М. Модель идеальной кодификации в Кодексе Наполеона // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 136–142.

Recommended citation:

Rylkov M. M. The model of ideal codification in the Napoleonic Code // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2024. No. 2(7). Pp. 136–142.

Сведения об авторе

Рыльков Михаил Михайлович – студент образовательной программы специалитета «Судебная и прокурорская деятельность» юридического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: mixan.7772004@gmail.com

Information about author

Rylkov Mikhail Mikhailovich – Student of the Educational Program for Specialists “Judicial and Prosecutorial Activity”, Law Faculty, Voronezh State University

E-mail: mixan.7772004@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегия по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегия по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегия Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо при-слать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сек-тора, подразделения организации) о рекомендации присланного мате-риала к опубликованию в журнале или подписанный научным руково-дителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редак-тированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной кол-легией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или око-ло 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) че-рез 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфа-витном порядке. Библиографический список подлежит переводу на ан-глийский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому по-зитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отно-шения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Haber-
mas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – М. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – М. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.